

Сказания «Тигровой Лилии»

Часть I. Точка бифуркации¹

Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем.

(1Иоан.4:16)

Славная

Как всегда, в самом начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог². А потом...

На дальних окраинах вселенной, вокруг звезды, очень похожей на Солнце, кружила по орбите в бесконечном вальсе одна небольшая планета. Звали ее Славная. В своей системе планета была не самой большой, но только на ее поверхности была жизнь. Планета очень гордилась своей особенностью, но «носа» не задирала.

Размеры планеты действительно не впечатляли. Житель мог обойти ее за несколько месяцев, если бы мог. Дело в том, что на ее поверхности был один единственный материк. Все остальное пространство занимал безбрежный океан.

В свое время, наша космическая героиня перенесла немало интересных, и, не всегда безопасных, приключений. Совсем недавно она пережила войну. Сейчас же на маленькой колыбели цивилизации царил мир и благоденствие.

На единственном материке, который люди называли Дзар, было множество разнородных жителей. Планета была так хороша, что на ней селились представители других галактик, вселенных и, даже, реальностей, словом все, кто могли. Пестрота населения не мешала царить ладу и согласию. Как вдруг...

В этом безмятежном мире наступил хаос. Это был совсем не тот порядок, который был уничтожен при сотворении нынешней цивилизации. Нет, наступил самый настоящий хаос, воцарились произвол и безумие. Жители вели себя словно одержимые.

Какой-нибудь сторонний наблюдатель мог увидеть бессмысленные, но настойчивые попытки населения планеты уничтожить ее и самих себя. Как ни странно, все эти попытки были тщетными. Жителям Славной почему-то везло. Несмотря на все их потуги, планета все еще жила. Однако при длительном наблюдении можно было увидеть, что ее мир на грани.

Этот же наблюдатель, если он был внимательным, мог заметить, как одновременно в разных концах планеты появились четыре движущихся объекта. Было впечатление, что бегуны взяли старт в каком-то бессмысленном забеге. Все четверо двигались очень быстро... Но в разных направлениях.

При ближайшем рассмотрении, наш наблюдатель мог увидеть, что объекты – это рыцари в полном вооружении. Несмотря на то, что свое стремительное движение они начали из разных мест, к тому же двигались в совершенно противоположные стороны, у них было нечто общее.

Все четверо не были обычными людьми. Рыцари были карабиантами³. Все они были членами одного рыцарского Ордена. Они дружили. Каждый путешественник знал, что его друзья тоже отправились в путь. Их вела одна общая цель. Все четверо шли по одному зову. Уж не в новый ли крестовый поход отправились воины? Не известно. Но вообще-то их вел зов попавшего в беду друга.

Если ты спросишь, какой наблюдатель мог окинуть взором столь огромное пространство? Знай, как это ни странно, такой наблюдатель был. Мало того, и это еще более странно, он имел прямое отношение к происходящему, да и ко всем последующим событиям тоже.

Дело в том, что Бог – Великий Эрос, устал любить. Почему? Довели. Кто? Люди. Как? Спроси у сведущих в этом. Я только могу догадываться. Но, зато, я слышал, что сделал Он, и что было потом.

Где-то непостижимо далеко, там, куда не пробиться ни разуму, ни фантазии, ни самой смелой мечте Великий Эрос, впервые за всю свою вечность был удивлен.

С высоты своего положения он наблюдал за созданным им безграничным Миром. Наблюдал за Миром и Любил его. Иногда Он отводил взгляд от одного из своих созданий, чтобы поближе рассмотреть другое. Но, даже отворотив взгляд, Он Любил все свои творения. Поэтому, повернувшись вновь, посылал обделенному вниманием чуть больше Великой Любви, как бы возмещая недавний ее недостаток.

Теперь Великий обратил свой взор на планету, которой в последнее время уделял чуть меньше внимания, чем обычно. Планета эта очень похожа на Землю, быть может, голубых рек и зеленых равнин на ней было поменьше. Их недостаток с лихвой возмещала буйная растительность густых лесов, да жаркие поверхности полупустынь.

Люди, еще не обжили единственный материк, омываемый со всех сторон океаном. Даже, несмотря на участие в освоении планеты представителей других разумных рас, на небольшой, но прекрасной планете было много белых пятен.

Эта небольшая, но, в целом, чудесная планета доставила, в свое время, немало хлопот Великому Эросу. Планета была немного капризна и своенравна. Несколько раз Эросу пришлось изрядно поволноваться по поводу ее судьбы. И вот теперь...

Он обратил свой взор и, впервые за всю свою вечность не ощутил Любви. Вместо Великой Любви, была Неимоверная Усталость. Это новое чувство, было интересно и неприятно одновременно. Но одно было ясно – Бог устал. Эрос впервые устал Любить свое творение.

Когда усталость одолела Бога, произошло одно внешне малозаметное, но очень важное событие. На планете исчезла Любовь. Исчезла та сила, что соединяла воедино и удерживала хрупкую мозаику мира Славной, готовую рассыпаться в любой момент.

Через образовавшиеся бреши полезли демоны. Они заполонили планету. Они стали править на ней. Настало время абсолютного хаоса.

Но Любовь не исчезла совсем. Этого не могло произойти в одночасье. На планете остались те, кто получил ее в дар от Великого Эроса в разное время. Маленькие островки утраченного чувства раздражали демонов, и приводили в ярость толпу. Очень скоро выяснилось, что это одаренные Любовью сохранили ее осколки в себе. Началась охота на одаренных «ведьм» и «колдунов».

Большинство одаренных было смято и раздавлено взбесившейся равнодушной толпой. Пожалуй, нет ничего страшнее, чем масса равнодушных (скорее даже бездушных) существ, доведенных до ярости.

Защитить себя могли далеко не все, и, только очень немногие были способны защищать других. Жалкое зрелище, должно быть, Любовь, лишенная силы.

Одним из тех, кто мог не только защищаться, но и помогать другим был Гурган. Будучи из расы невров⁴, он обладал такими способностями и такой силой, что даже демоны не могли противостоять ему. На половину человек, на половину волк, владеющий магией, неимоверной силой и, главное живучестью, мало уступая по силе бессмертным богам, Гурган защищался сам и спасал других одаренных. Спасал всех, кого успевал.

Гурган и Тигренок.

На берегу ручья, что звонко журчал, разделяя рощу на две половины, сидели юноша и девушка. Они были очень молоды, почти подростки. На голове девушки красовался венок из цветов, что в изобилии росли на прибрежной лужайке. Она плела еще один, видимо для юноши. Тот сидел, сжимая в руках пастуший рожок, и увлеченно рассказывал о красоте неба. Даже неискушенному было ясно, здесь рождается первая любовь.

Из-за деревьев, что тесно стояли за спиной влюбленных, закрывая прибрежную лужайку от любопытных, вышли трое.

– Ты хочешь на небо, шкет? Можем помочь!

Девушка испуганно оглянулась. Из рощи на них вышли три верзилы. Глупо хохоча и матерясь, они приближались, уставившись «сальными» похотливыми глазами на девушку.

– Не бойсь, красотка, ща мы покажем, как любят настоящие мужчины!

Бежать было невозможно. Юноша встал, заслоняя своим тщедушным телом, подругу. В руке он сжимал пастуший посох, легкий и тонкий, другого оружия у него не было.

Один из верзил достал из-за пояса топор, другой взмахнул кистенем...

Черный волк бежал по роще, радуясь всему окружающему. Это был молодой волк. Сегодня он впервые почувствовал весну. Его окрыляло это чувство, радовал щебет пташек. Волка опьянял аромат ранних лесных цветов. Вдруг он услышал прекрасную мелодию, звучащую где-то за деревьями.

Волк остановился, прислушиваясь и наслаждаясь звуками. Это была песня любви. Несомненно, ее наигрывал тот пастушок, которого волк не раз встречал на опушке леса. Он был поэт и мечтатель, всегда мечтал о полете. Кажется, его зовут Алатей. Зачарованный волк слушал.

Когда звуки смолкли, зверь продолжал стоять, смакуя оставшееся наслаждение от чарующих звуков. «Мир прекрасен и полон любви» – размышлял волк. Он сам улетел куда-то в мир безоблачных мечтаний.

К реальности волка вернул непонятный шум на прибрежной лужайке. Эти звуки явно не вязались с теми, что так очаровали волка. Зверь рванулся на шум...

На лужайке у ручья двое здоровенных детин пинали подростка, глумливо хохоча и ругаясь. Третий облапил огромными ручищами хрупкую девушку, которая с ужасом пыталась оттолкнуть от себя толстые слюнявые губы готовые к поцелую.

Из-за деревьев мелькнула большая тень. Огромный черный волк в один прыжок одолел расстояние между лесом и верзилами. Он сбил с ног двоих и бросился на того, что держал девушку. Противник бросил свою жертву, она и так никуда не денется, и достал меч. Сбитые с ног вскочили и направились на зверя размахивая топором и кистенем.

Волк остановился. Раздался хлопок, над волком сверкнула яркая вспышка света, на мгновение, ослепив нападавших. На месте волка стоял молодой рыцарь. Несмотря на молодость, двухметровый рост, широкие плечи и руки, дыбачиющиеся буграми мышц, говорили о его силе. Широкая грудь, на которой вздымались пластины нагрудников, двигалась как кузнечный мех. На рыцаре была гибкая кольчуга из металла черного цвета, с неровно оборванным подолом. Длинные черные волосы спадали на плечи ровными волнами. Голову воина закрывал круглый шлем, на котором красовались два массивных рога, загнутых назад как у архара. За спиной был виден массивный щит.

На незакрытом лице молодого богатыря, из-под черной короткой бороды и узких усов, проглядывала счастливая улыбка. Желтые глаза, напротив, были сосредоточенны и жестоки.

Лесных бродяг, почему-то, больше всего напугала счастливая улыбка на лице противника. Он явно был не прочь подраться, и явно не был слабаком. Но он был один, а их трое...

Нападающие приближались с трех сторон, намереваясь окружить врага. Тот, что шел спереди раскрутил кистень. Странный воин, в рогатом шлеме, взмахнул двумя

длинными узкими мечами. Он раскручивал их все быстрее и быстрее. Вскоре его окружал свистящий круг, сверкающего металла. Бой начался...

Три бандита лежали распростертыми на лужайке, окропляя траву кровью из смертельных ран. Воин подошел к девушке, что склонилась над юношей. Тот был без сознания, только тихий жалобный стон, слетающий с разбитых губ, выдавал какую боль он испытывает. Девушка плакала.

Подошедший наклонился над раненым, положил руки на грудь, туда, где слабо билось сердце, и что-то прошептал. Юноша перестал стонать, дыхание стало ровным, смертельная бледность на лице отступила. Рыцарь поднял пострадавшего и на руках донес до околицы селения. Девушка, молча, шла за спасителем, тихо плача. На околице, рыцарь оставил их.

– Кто ты? – только успела спросить девушка.

– Гурган из расы невра.

Черный волк трусил по роще. Он был счастлив. Сегодня невр узнал, на что способна настоящая любовь. Она превращает в героя, любого, узнавшего ее. Она дает силы для борьбы и отвагу для самопожертвования. Сегодня он узнал, что любовь нуждается в защите. Сегодня Гурган возмужал. В нем проснулся дар Великого Эроса – Любовь.

Из-за кустов на околице селения вышел Амур. Он озабочено и одновременно расстроено смотрел вслед убежавшему волку. Сегодня божок-проказник впервые дал промах. Увидев группу приближающихся к селению, которая так и напрашивалась на любовный треугольник, Амур сделал три выстрела. Одна из стрел попала в девушку, вторая в рыцаря, что нес на руках раненого, а третья... Третья стрела угодила в того же рыцаря, лишь слегка оцарапав парнишку на его руках. Не успел маленький бог любви опомниться, как вместо рыцаря появился черный волк и быстрее молнии скрылся в роще.

Происшествие в роще не осталось бесследным. Проказник Амур сделал-таки свое дело. Гурган, в которого попала лишняя стрела сразу заподозрил неладное. Он оглянулся и увидел озабоченного Амура. В отличие от обычных людей, невра не утратили нити, связывающие их с Великим Эросом. Одаренные Великой Любовью от рождения, они научились хранить и развивать ее.

Ни девушка, ни, тем более, Алатей, ничего не заметили. Только у девушки, смотрящей вслед убегающему волку, внезапно защемило сердце.

Алатей и его подруга продолжали гулять по роще, где пережили страшное приключение. Юноша предпочел бы другое место для прогулок наедине, роща пугала его. Девушку же, наоборот, тянуло на злополучный берег. Казалось, что только здесь она

чувствовала себя в полной безопасности. Поэтому признаться в своем страхе Алатей не мог, из глупого мужского самолюбия.

Действительно, больше никто не тревожил влюбленных. Секрет был прост – Гурган берег их покой. Неудержимая сила тянула невра к девушке. Своей звериной половиной он сразу почуял в юной красавице молодую и сильную тигрицу, правда, еще маленькую. Невр про себя называл ее Тигренком.

Волк любил Тигренка, любил тайно. Из-за силы своего чувства, он не смел вмешаться в отношения юноши и девушки. Невр не хотел мешать их счастью. Несмотря на все знания, которыми невра владели от природы, несмотря на дар, сохраненный этой расой, Волк не понимал, что невозможно обмануть женское сердце. Девушка чувствовала присутствие рыцаря в роще и догадывалась, почему он находится рядом. Ей это нравилось.

К сожалению, маленький тигренок в ее душе не решился честно рассказать юноше всю правду. Девушку раздирали противоречия. Они порождали демонов в смятенном сердце.

А юноша, что ж, он был, прежде всего, романтик. Он любил свою подругу первой, хрупкой любовью. Еще он любил небо, он мечтал летать. Алатей грезил полетами, которые приблизят его к богам, а, может быть сделают совершенно свободным. Молодой мечтатель не знал, что свобода заключается в нем самом, в его выборе.

Во время одной из прогулок по роще, девушка внезапно захотела уйти. К огромному недоумению и радости Алатея, она капризно и настойчиво потянула его в селение. Секрет ее поведения был прост – в роще не было Гургана.

Чуткий невр уловил неладное в отношениях влюбленных и догадался, в чем причины. Гурган в первый раз отправился странствовать. Он подался в странствующие рыцари.

Что может лучше всего отвлечь от всех забот – другие заботы. Любящий рыцарь подался в соседнюю дикую страну, где жили драконы, где бродили шайки разбойников, где, до времени, скрывались разные демоны.

Рыцарь-невр совершил немало подвигов, защищая слабых от обид, помогая одаренным обрести силу, изгоняя злых демонов в еще более дикие страны. Во время своего странствия, Гурган нашел очень необычного друга. Это был дракон романтик, единственный в своем роде. Звали его Змей Горыныч. Он был благородным рыцарем в облике трехголового чудовища. Справедливости ради следует сказать, что чудовищем он был не всегда. При желании Горыныч мог принять облик статного, широкоплечего богатыря, с рыжим гребнем волос на гладко выбритой голове. Даже, далеко не хилый Гурган, выглядел скромно рядом с рыжеволосым гигантом в чешуйчатых латах, шлеме-пишаке⁵, украшенном маленькими рожками. В человеческом облике, Змей Горыныч предпочитал вооружаться миндалевидным щитом⁶, сужающимся книзу и тяжелым боевым топором. Меч у него тоже был, широкий и массивный. Немало походов невр и Горыныч совершили вместе.

Гурган был счастлив, но избавиться от своей любви к чужой невесте так и не смог. Сердце тянуло его к Тигренку. Несколько раз рыцарь навещал селение и тайком любовался своей возлюбленной. Он видел, что даже в его отсутствие отношения Алатея и девушки не изменились. Юноша по-прежнему грезил небом, Тигренка раздирали противоречия.

Любовь к небу оставляла слишком мало места в сердце юноши. Его невеста страдала от неразделенных чувств. Тогда в голове влюбленного в Тигренка Гургана созрел план. Алатея может осуществить свою мечту.

В одном из походов Гурган и Змей Горыныч познакомились и подружились с Заряницей. Падший ангел, когда-то помогал самому Великому Эросу создавать эту планету. Потом Заряница совершил непоправимую ошибку, проклял себя и ушел жить на планету. Могущественный ангел пытался искупить свою вину, помогая всем, кто просил у него помощи. К сожалению, большинство просящих оказалось никчемными существами, обладающих мелкими душонками. Заряница, снedaемый демонами собственного проклятия, страдал, порождая новых демонов. Пытаясь выпутаться из сложившейся ситуации, он все сильнее запутывался в своих промахах. Падший ангел был в отчаянии. Просьба невра давала Зарянице маленький шанс, и он охотно согласился помочь.

С помощью Тигренка Гурган познакомил мечтательного юношу с Заряницей.

Алатея, один из немногих на планете, осуществил мечту о полете. Он упивался небом, проводя в полетах все свободное время. Когда сил летать не хватало, он вспоминал о девушке. Осуществленная мечта о небе почти полностью вытеснила любовь из сердца юноши, осталась только привязанность.

Тигренок страдала. Она не знала, что Большая Любовь не требует взаимности. Чтобы найти выход безответному чувству она обратилась к Гургану. Тот был счастлив. Ослепленный на короткое время страстью, невр не сразу заметил, что Тигренок лишь играет им. А когда заметил, пришел в отчаяние. Рыцарь понял, что должен уйти как можно дальше, пока не произошло непоправимое.

Невр отправился во второе странствие по планете. Он опять помогал слабым, боролся с демонами, спасал одаренных. Во время этих странствий Гурган встретил Пана. Бог природы тогда совсем пал духом. Он недавно расстался со своей возлюбленной и в отчаянии метался сжигаемый неразделенной любовью.

Невр совершенно случайно помог лесному богу. Он просто рассказал ему о своих странствиях, о падшем Зарянице, об Алатее и Тигренке, и о своей любви к девушке.

Особенно сильное впечатление на лесного бога произвела сказка рассказанная Заряницей, которую Гурган пересказал новому знакомцу.

Молодой человек ясно видел несправедливость устройства мира. Ему очень хотелось изменить мир и сделать его лучше. Ежедневно он молился:

«Господи, помоги мне изменить мир к лучшему».

Прошли годы, и уже зрелым человеком он понял, что изменить мир ни ему, ни какому-либо другому человеку - не по силам. Тогда он стал молиться:

«Господи, помоги мне изменить, сделать лучше хотя бы моих самых близких людей – жену и детей»...

Прошли годы. И человек понял, что эти старания тоже напрасны, как и действия по изменению мира.

Будучи уже совсем старым человеком и почувствовав скорый приход смерти, старик обратился к Богу с молитвой:

«Мне не удалось изменить ни мир, ни даже семью. Господи, так помоги же мне изменить хотя бы себя самого».

– С этого и нужно было начинать. Теперь поздно. Ты уже не успеешь, - ответил Бог.

Воспрянувший Пан вызвался проводить незадачливого рыцаря на мост между реальностями, где можно встретить самого Великого Эроса, если тот захочет. Быть может Великий Демидург поможет запутавшимся созданиям.

Там на мосту путники встретили рыцарей Ордена Тигровой Лилии, которые тоже искали ответы у Великого Бога. Именно тогда рыцари решили поселиться на Славной. Там, между реальностями, Великий Эрос одарил Гургана огромным даром, так и не ответив на его вопросы.

За время отсутствия рыцаря-невра, отношения между Тигренком и Алатеем совсем испортились. Девушка требовала внимания, а юноша не хотел терять драгоценное время на «всякую ерунду». Безответная любовь медленно умирала. Тогда Тигренок сошлась с тремя демонами. Это были очень сильные и коварные демоны: Сутасан, Седуктор и Убариди. Демоны славились умением обмануть, втереться в доверие, соблазнить и сделать жертву равнодушной ко всему. Попавший под влияние демонов был обречен на медленную и мучительную смерть или же сам превращался в демона.

Победить эту троицу даже поодиночке могли немногие, а вместе, только самые одаренные и сильные. Демоны сразу распознали в Гургане опасного противника, тем более, что за ним стояли рыцари таинственного рыцарского Ордена, в ряды которого Гурган вступил во время своих странствий.

К тому времени Тигренок уже попал под влияние соблазнителя Седуктора и его приятелей. Однажды к девушке подошел Сутасан.

– Я знаю, как можно вернуть любовь Алатея – произнес демон обманщик – вспомни, как пылает твоя любовь к нему от ревности к небу. Вызови в юноши ревность, и его сердце разгорится точно также.

– Как я могу вызвать ревность у того, кто меня не замечает? – возразила Тигренок.

– Мы поможем тебе, тем более, что в окрестностях рощи опять появился Гурган.

– Но Гурган любит меня, я знаю, ему будет больно – в душе девушки подал голос неокрепший, но чистый дар большой любви.

– Что тебе до его страданий, он же оставил тебя на такое длительное время, как раз тогда, когда тебе было хуже всего. И не он ли помог твоему жениху взлететь – вмешался в разговор равнодушный Убариди.

– К тому же, вызвать ревность очень тяжело. Если, что-нибудь не получится, ты, по крайней мере, найдешь выход своей любви. Ведь ты уже проделывала это с невром, не так ли? – логично вставил демон соблазна Седуктор.

– Мы организуем все, что надо. Тебе останется только выполнить наши советы – подбодрили все трое.

После многих подобных разговоров, слабый голос настоящей любви замолчал. Тигренок, живущий в душе девушки, ощутил себя хищной тигрицей. Несчастливая сдалась.

Алатей парил в облаках. Нет ничего прекраснее ощущения полной свободы летящего в чистом небе. Это ощущение порождало чувство всемогущества. Летящий высоко в небе юноша был подобен богу. Он бросил взгляд на скучную землю и, в который раз, увидел фигуру девушки, которая одиноко шла к роще.

Вдруг у юноши возникло желание узнать, куда так часто ходит его невеста, которая прожужжала ему все уши своей любовью. Как демонам удалось внушить подобные мысли Алатею неизвестно, но он направил полет к земле.

Девушка шла по направлению к роще, голубые глаза ее были печальны и полны слез. Каждый шаг давался с большим трудом. В самый последний момент, уже на пороге дома, вдруг опять подала голос настоящая Большая Любовь, которую мы называем совестью. В голове путницы возникли сомнения, правильно ли она поступает. Девушка готова была отказаться от задуманного, но, как всегда, кстати, появились Седуктор и Убариди.

Всю дорогу они убеждали юную путницу в правильности принятого «ею» решения. Седуктор рисовал картины прекрасного будущего, выгоды и перспективы задуманного шага. Убариди настойчиво убеждал, что нет никакой необходимости считаться с другими, если при этом можешь нанести ущерб себе.

Под непрерывный стрекот демонов, который заглушил голос совести, Тигренок все меньше осознавала, что она совершает. В голове все настолько запуталась, что девушка поверила бы всему. Она на некоторое время вообще выпала из окружающей реальности. Ей казалось, что она прогуливается с Гурганом по мосту между реальностями. Перед глазами всплывали картины из других миров, по которым она и невр несколько раз

гуляли. Тигренок видела лица рыцарей, с которыми дружил ее кавалер. Только в этот раз лица друзей Гургана были озабочены и удручены. Казалось, их подсвечивает сама смерть.

Если бы не жужжание демонов, которое просто сводило с ума, но одновременно успокаивало, девушка, возможно, догадалась бы, что все эти картины – последняя попытка ее Большой Любви остановить, не дать свершиться чему-то страшному. Но девушка уже ничего не воспринимала. Она как заведенная кукла тупо шла за Убариди и Седуктором.

Алатей без особого труда следил за походом невесты с высоты своего полета. Собственно девушка его интересовала мало. Он был на вершине блаженства, упиваясь полетом. Но любопытство подстегивало узнать, что может интересовать его невесту в роще, где они когда-то чуть не погибли.

На той самой поляне, где на влюбленных напали бандиты, сидел рыцарь в черной кольчуге и шлеме с загнутыми назад рогами. Алатей не узнал «соперника», он попросту ни разу его не видел. Зато девушка, увидев рыцаря, ускорила шаг и, буквально рухнула в его объятия. Гурган едва успел подхватить обессилившую Тигренка.

«Так вот куда ходит моя невеста, пока я совершенствуюсь в мастерстве полета!» – мелькнуло в голове Алатея. «Вот, оказывается чего стоит вся ее любовь!» – гневу юноши, казалось, не будет предела. Как и все фанатики, влюбленный в небо Алатей, оказался эгоистом. Ему ни на секунду не пришло в голову посмотреть на себя со стороны. Наоборот, увиденное ликвидировало последние угрызения совести. Он уличил невесту в предательстве, значит, все его поступки были оправданы и справедливы.

В окрыленном мечтой сердце летящего возникла невероятная тяжесть обиды. Живое, горячее сердце, превращалось в холодную и тяжелую глыбу льда. Как ни странно, ощущение остывающего сердца, только обрадовали юношу. Больше не будет никаких препятствий для его мечты о свободном и независимом полете. Юноша торжествующе захохотал. Этот звук привлек внимание Гургана и, начинающей приходить в себя девушки. Оба повернули головы на звук.

В небе, смеющийся юноша, презрительно закричал: «Прощайте, земляные черви, будьте вы...» Закончить фразы Алатей не успел. Вместо того, чтобы эффектно взмыть к звездам, навсегда порывая с этими жалкими существами, тяжелое ледяное сердце потянуло его вниз. Свободный полет превратился в свободное падение.

Упавший с большой высоты юноша уже не был прекрасен. Удар о твердую землю сплющил его. Тигренок была в ужасе от увиденного. Даже невр, повидавший на своем веку немало ужасных и нелепых смертей, был ошеломлен. Он не проронил ни слова.

Гурган, молча, наблюдал, как появившиеся невеста откуда Убариди и Седуктор подхватили под руки оцепеневшую девушку, и повели прочь с поляны. Он не сказал ничего, слушая, как семенящий за уходящей троицей демон громко винит невра в смерти юноши, несчастьях девушки и во всех смертных грехах человечества. Ни звука не слетело с уст рыцаря, когда он видел, как девушка кивает, соглашаясь со всеми обвинениями демона.

Лишь когда клеветник обернулся со злорадной ухмылкой, Гурган, наконец то, пришел в себя. Он узнал коварного демона обмана. Сутасан был одним из самых сильных и хитрых демонов. Невр сразу все понял. Он выхватил меч и бросился в погоню.

Возможно, в ту ночь мир мог избавиться от одного из опасных демонов, но рыцаря остановил голос Тигренка. «Не смей даже пальцем трогать моих лучших друзей, убийца!» – гневно воскликнула девушка. Перечить своей возлюбленной Гурган не посмел, достаточно и того, что он чувствует свою вину в гибели ее жениха. Троица демонов увела Тигренка с поляны. Позже невр узнал, что домой девушка не пришла.

Тогда Гурган отправился в свое третье странствие по планете. Это был поход за Тигренком. Он совпал с тем временем, когда на планете наступил хаос. Собственно все произошедшее на поляне было одним из следствий исчезновения на Славной Большой Любви. Демоны начали подымать головы. Все, одаренные этого мира, Тигренок в том числе, оказались в опасности.

К тому времени, как на планете практически полностью исчезла Любовь, Гурган помог многим. Когда начались гонения на одаренных невр первым встал на их защиту. Жаль только не мог рыцарь успеть везде. Чем больше неудач терпел Гурган, тем больше в нем росла злоба на демонов и их приспешников. Растущая ненависть вытесняла из него Любовь, от этого силы уменьшались. Невр становился слабее и все чаще не успевал. Только огромный запас сил позволял ему продолжать бороться.

Все бы ничего, но героя сжигала обида на несправедливые слова Тигренка. Он потерял голову. Гурган хотел разыскать девушку, объяснить ей, что она не права. Если он виноват, то лишь в том, что безумно полюбил ее. Великий дар невра превратился в болезнь. Его любовь сжигала сама себя, сжигала силы несчастного безумца.

Ослабевший, но неукротимый Гурган искал. Он хотел докопаться до истоков всего, что творилось на Славной. Но, к сожалению никто: ни друзья, ни боги, ни пророки и ясновидцы не могли ответить на вопрос невра. Ответ пришел неожиданно, от врагов. Один побежденный демон проболтался, что источник их силы находится где-то не севере, в холодных землях, не ведающих любви и тепла. Там, где сердца людей, пронизанные холодом суровой жизни, превратились в лед.

Невр и раньше слышал, что в ледяном замке на макушке планеты живет один из самых могущественных демонов по имени Малнобул. Добраться до замка одного из главных демонов было не просто. Дорогу рыцарю много раз преграждали отряды оборотней и демонов. Несмотря на нарастающую слабость, Гурган двигался к своей цели. Запас сил у невра был огромен. Ворвавшись в замок, защитник одаренных добрался, наконец, до Малнобула.

Демон, несмотря на свое могущество, оказался трусоват. Когда, после жестокой, но недолгой схватки, Гурган прижал врага к стенке, приставив меч к горлу, Малнобул рассказал все. Рассказал о том, почему исчезает Большая Любовь на планете, о том, что Великий Эрос устал любить свое создание. Демон поведал, что последним оплотом Любви на Дзаре остался Обелиск Славной в каньоне Безумной Космической Любви¹⁷, и, что демоны намерены уничтожить этот последний оплот.

Гурган торжествовал, теперь он знал, что делать. Верный, ранее данному слову, невр не стал убивать демона. Он развернулся и двинулся к выходу. В это самое время по замку разнесся гул, земля задрожала. Прочный замок рухнул в одно мгновение, подобно картонному домику, погребая под собой и Малнобула, и Гургана.

Рыцарь не погиб, сбитый с ног, он успел укрыться от рухнувшей крыши в какой-то расщелине, выбраться человеку из этой ловушки было невозможно. Но...

Демоны недооценили возможности невра. В этой ловушке мог погибнуть любой рыцарь, но только не он. Приняв обличье большого черного волка, герой мощными лапами стал разрывать туннель, ведущий к свободе, он рыл так же, как любой волк роет нору. Спустя некоторое время, лапы зверя провалились в пустоту, повеяло свежим воздухом. Невр приналег и вот она свобода. Большая голова черного волка вынырнула из-под развалин, зверь жадно вдохнул свежий воздух. Он совершенно выбился из сил. В это время на его шее защелкнулся ошейник.

Волк рванулся, но было поздно. Странный ошейник сковывал силы и волю невра. То, что противное ожерелье на шее напичкано магией, пленник понял сразу. Он также понял, что эта магия не природного происхождения. Мелькнула мысль о джамурах⁷ и их гениальных мастерах. Будь невр полон сил, как прежде, он справился бы со странной магией, как умели справляться его друзья из Ордена. Но Гурган был слишком слаб.

– Мы знали, что убить тебя, также тяжело, как убить богов, но в нашу ловушку ты попался, ты больше не опасен.

Эти слова, которые произнес целый и невредимый Малнобул, поразили рыцаря. Он как глупый мальчишка попался в простую ловушку. Что толку, что невр узнал важную информацию, если ей нельзя воспользоваться. Кстати о своей откровенности подлый демон умолчал, значит, его рассказ правдив, хоть отчасти. Гурган не думал сдаваться, он будет бороться даже в плену, друзья помогут ему.

Вот так, когда силы невра иссякли, он был побежден и попал в плен. Впервые в жизни Гурган не смог одолеть врага. Тогда-то и прозвучал зов, поднявший в дорогу четырех рыцарей Ордена Тигровой Лилии.

Рыцари «Тигровой Лилии».

Путешествуя по бескрайним пространствам между реальностями, Гурган познакомился с четырьмя путешественниками. Это были жители другой вселенной, другой реальности. Они были членами рыцарского ордена, который на их родной планете назывался Орденом Верных. На Славной они стали известны под именем рыцарей Ордена Тигровой Лилии.

Они вместе странствовали, защищали слабых, много разговаривали. У них было много общего и, в тоже время, они были не похожи. Эти беседы, казалось бы, ни о чем, открыли Гургану неожиданные черты в людях. Возможно потому, что его друзья не были людьми. Они были из другой расы, которая хоть и развилась из людской, и в чем-то была похожа, но во многом отличалась.

История карабиантов – расы рыцарей-магов началась во времена экспансии людей в дальний космос. Когда человечество столкнулось с равными противниками, возникла острая необходимость в создании сверхвоина. Из таких солдат, покоровших во славу людских интересов, огромные пространства галактики и возникла раса, к которой принадлежали первые рыцари Ордена Тигровой Лилии.

Карабианты очень похожи на людей, только большие белые глаза, выдают, что перед вами не просто высокий мускулистый человек. Возможно из-за происхождения, представители этой расы не обладают живой мимикой, присущей людям. Напротив, при встрече их лица казались суровыми и непроницаемыми. Среди людей иногда встречаются такие, но гораздо реже.

Имена почти у всех карабиантов звучат довольно странно для человека. Возможно из-за чрезмерной суровости их народа, детям при рождении дают веселые или, по крайней мере, необычные имена. Услышав имя карабианта трудно представить, что это жестокий и опасный воин, а не безобидный ребенок. Наверное, поэтому, в обычае воинов-магов давать друг другу прозвища, которые больше соответствуют их носителю.

Друзья Гургана не были исключением. Рыцарь Хранитель⁸ Муравей Разбойник отнюдь не был мал и, как невр узнал позже, совершенно не был склонен разбойничать. Этот гигант, больше двух метров роста, с широкими плечами и мощными руками даже с врагами был благороден и справедлив. Его загорелое обветренное лицо, обрамленное темно русыми волосами, что доходили до плеч, излучало благородство. Свои гибкие и прочные доспехи, состоящие из пластинчатых лат, ботфорт, наручей и перчаток он надевал только для боя. Пожалуй, это был единственный из карабиантов, который предпочитал переговоры схватке. Но, если уж, Муравей выходил сражаться, немного нашлось бы воинов, способных одолеть его. Возможно, из-за своего благородства Рыцарь-Хранитель и стал магистром Ордена Тигровой Лилии, герб которого, тигровая лилия, красовался на щите и груди рыцаря. Друзья называли его Тореадор – за склонность дразнить противника, выводя его из себя, сравнивая манеру боя своего Магистра с рискованной игрой с разъяренным быком.

Рыцарь Храма⁹ Атака Гризли, пожалуй единственный из четверки новых знакомцев Гургана, соответствовал своему имени. Высокий, даже среди своих соплеменников, гибкий и подвижный Гризли, не казался особо сильным. Высокий рост скрадывал мощь рыцаря. Атака Гризли был готов ввязаться в бой в любую минуту. Невзирая на силу и число врагов, он бросался в схватку. Его доспехи напоминали издали рыбью чешую, хотя, правильнее было бы назвать их кожей дракона. При несомненной легкости и гибкости снаряжение храмовника было очень прочным. Этот великан, с черными, как смоль длинными волосами, собранными в хвост, редко пользовался щитом. В бою рыцарь-храма полагался на свою ловкость и подвижность, со стремительностью его атак не мог соперничать никто. Он одержал такое множество побед над непобедимыми ранее врагами, что его прозвали Везунчик.

Вот уж кто совершенно не подходил для своего имени, так это Черный Рыцарь¹⁰ Мишка Ушастик. Те, кто впервые слышал его имя, представляли себе маленького, безобидного, почти игрушечного медвежонка и, надо сказать, сильно ошибались. Во-

первых, Ушастик не был медвежонком, хотя и вправду был лопоух. Он был рыцарем карабиантом. Во-вторых, несмотря на некоторую мягкость характера, не свойственную его соплеменникам, этот воин был способен наводить ужас на любого и обращал в бегство десятки врагов. Если рыцарь вставал на защиту чего-нибудь, то его не могли пройти сотни воинов. Гигант с каштановыми коротко остриженными волосами, в прочной кирасе, закрывающийся огромным длинным и широким щитом, разбрасывал противников как кегли. При этом его тяжелый меч размахисто выписывал в воздухе непроходимый круг. Именно за эти качества друзья и дали Мишке Ушастика прозвище – Размахай, которым рыцарь очень гордился. Кстати из всех известных рыцарей Ордена, Размахай единственный, кто носил сплошной шлем-барбют¹¹. Головные уборы остальных больше служили формой или даже украшением.

Охотник Ассасин¹² Гном Небесный тоже не слишком подходил для своего имени. Вряд ли кому-нибудь приходилось встречать гномов двухметрового роста. Крепкого телосложения, очень ловкий и быстрый Гном не зря стал ассасином. В его голове, украшенной белобрысым ежиком, рождались невероятные замыслы и планы. Рыцарь не любил массовых сражений. Он предпочитал сражение один на один. Его доспехи представляли собой кольчугу, скованную из мелких и прочных колец. Не уступая в прочности другим доспехам, наряд Гнома не сковывал движений и не мешал быстро передвигаться. Мало кто умел так умело и непредсказуемо ставить ловушки. Зато сам Гном находил практически любой подвох. А, уж, в искусстве становиться невидимым и внезапно атаковать, ему не было равных. Несмотря на предпочтение поединкам, Гном Небесный мог без особого труда одолеть дюжину противников, а то и более. За стремительность атак, их внезапность и неотвратимость, друзья называли его – Мангуст.

Карабиаты – это раса красивых, но жестоких воинов. Их обычаи и вера запрещают браки. Все жители подчинены только одной цели – войне с Джамуро. Мирного населения нет – только бойцы, воины готовые умереть и убивать, не задаваясь вопросом, зачем.

Благодаря своему происхождению, все карабиаты обладают огромной силой и ловкостью. Они почти не устают, раны заживают у них очень быстро. Неимоверная живучесть, позволяет даже смертельно раненым, сражаться некоторое время. Они с детства владеют темной магией и способны черпать силы из окружающей среды.

Единственно, от чего ни один карабиант не может отказать себе – это общение с природой, из которой черпают свои силы все представители этой расы. Обходясь без пищи и питья по нескольку дней, задерживая дыхание на несколько часов, лишённые сна неделями карабианты могут оставаться сильными и боеспособными. Но большие города и техногенные миры душат их.

Домом для этих могучих воинов может быть любое место, где они могут отдыхать в единении с природой. Поэтому селиться они предпочитают в тех местах, где сосредоточены силы природы. Они буквально чувствуют такие места.

Еще одна жизненная потребность карабиантов – личная свобода. Даже одеваются они в просторные одежды из природных материалов, которые не могут стеснять

движения. На родине, стремление к личной свободе вступало в противоречие с военной машиной их цивилизации. Отречься от войны не мог ни один карабиант.

Время от времени среди жителей той планеты появлялись одаренные Великой Любовью. Может это была шутка Великого Эроса, а может быть так он пытался вразумить этих заблудших овец.

Такие одаренные становились изгоями. Если их было мало, то они быстро перемалывались военной мясорубкой. Но новым друзьям Гургана повезло – они создали свой рыцарский орден – Орден Верных. Свое нынешнее имя, известное на Славной, Орден получил чуть позже.

Рыцари Ордена когда-то покинули свой мир. Покинули, чтобы уйти от бессмысленной межрасовой войны, которую вел их народ на протяжении тысячелетий с расой таких же бывших сверхсолдат, что жили на соседней с карабиантами планете. Их звали джамурами. Противники карабиантов малорослы, как дети. Они не владеют магией от рождения. Но джамуры не уступают в силе соперникам, они исключительно изобретательны и предприимчивы. Они способны перенимать и обучаться всему, что считают полезным, даже магии. Не связанные с природой, гениальные изобретатели джамуры создают для магии свои собственные источники силы. Джамуры научились изменять окружающий мир, переделывая под свои нужды. То, что предпринятые ими изменения губили других, джамуров не волновало.

Уже давно никто не помнил, когда началась война между расами бывших союзников. Уже давно никто не знал, ради чего она ведется.

В конце концов, все имеет свой предел. Карабианты проиграли свою войну. Они лишились дома и, главное надежды на будущее. Дело в том, что безжалостные джамуры просто уничтожили всю расу. Все, абсолютно все женщины карабиантов погибли. Жалкие остатки рыцарских отрядов воинов-магов не находили места в родной стране. Их мир был уничтожен. Единственные способные сопротивляться рыцари Ордена Верных покинули свою страну.

Они нашли другой мир, в котором были нужны, он не был тихим безмятежным. На новой родине тоже шли войны. Но случилось так, что одаренные Великой Любовью в этом мире, были слишком слабы, чтобы защищать себя. Рыцари Ордена Верных оказались как раз к месту в новом мире. Со временем они стали известны всем под именем Ордена Тигровой Лилии.

Профессиональные воины, умеющие только убивать, одаренные, по капризу судьбы, Великой Любовью обрели смысл жизни. Они опять вели войну, но она была не бессмысленной. Они воевали за свои идеалы. Впрочем, трудно утверждать, что эта война чем-то лучше той, что вели рыцари дома.

Так, спасаясь от одной войны, одаренные Великой Любовью карабианты, оказались втянутыми в другую. Рыцари, обладающие даром любить и прощать, опять убивали и гибли, казалось, они попали в замкнутый круг, не имеющий выхода.

Теперь эти четверо спешили по зову друга, попавшего в беду. Они представляли опасность своего похода, но надеялись, что другие члены Ордена вскоре придут им на помощь.

Муравей Разбойник.

Муравей Разбойник внезапно проснулся. Страшный и странный сон разбудил его. В этом кошмарном сне он увидел своего друга. Муравью приснился Гурган. Боже как он изменился!

Вместо отважного бойца, готового и способного в одиночку преодолеть все мыслимые преграды, Муравью предстал изнуренный, покрытый ранами и язвами, ободранный загнанный зверь. Лишь былой блеск в глазах напоминал о несокрушимом когда-то воине.

Но не жалкий вид друга, больше всего поразил Муравья Разбойника, а ошейник с толстой цепью на шее черного волка. Воин из расы могучих невра в ошейнике, такого не может быть! Это – абсурд! Какая сила могла одолеть доселе непобедимого бойца? Какой враг смог посадить на цепь того, кто олицетворяет полную свободу?

Первым порывом Муравья было желание немедленно броситься спасать друга. Но снящийся невр остановил героя. Волк сказал: «Муравей, ты должен найти обелиск, сложенный из осколков астероида. Люди называют его Обелиском Славной. Только тебе, рыцарю хранителю по силам найти храм Лели. Освободи его от демонов и защищай до прихода друзей. Обо мне не беспокойся, я справлюсь сам или помогут другие. Не дай демонам разрушить Обелиск Славной. Он наша последняя надежда. Защити его!»

Рыцари Ордена Тигровой Лилии верили во сны и знали, каким сном можно верить. Это – не кошмар. Это – зов Гургана. Перед самым рассветом, когда на небе появилась Утренняя Звезда²⁴, Муравей Разбойник отправился в путь. Он держал направление на планету, которую все называют Леля. Где-то там находится священный камень, который люди называли обелиском Лели. И его цель защитить храм Славной в огромном каньоне, населенном, по слухам, странными и опасными существами, которые по-своему поклонялись Великому Эросу.

Эти фанатики не подпускали никого даже близко к храму. Никого? Кто же тогда может разрушить их святыню? «Ладно, увижу на месте, Гурган зря не попросит» – решил Муравей – «Сначала надо добраться до каньона и самого храма, дорога вряд ли будет легкой прогулкой». И, ведь как в воду глядел. Неприятности начались почти сразу за порогом дома.

Около городских ворот наш невольный пилигрим натолкнулся на плотную толпу. Увидев Муравья Разбойника, народ расступился, пропуская к центру. Там лежал парень в доспехах стражника. Из его груди торчала стрела.

Парень был очень молод, подойдя ближе, Муравей узнал новобранца, которого часто посылали с особыми поручениями. Это был племянник начальника стражи, и тот доверял ему самые опасные и важные поручения. Это был личный гонец начальника стражи.

Муравья удивило отсутствие других стражников, ворота, распахнутые настежь, и, главное, стрела с оперением городской стражи в груди воина. Мелькнула мысль о мятеже. Но никаких признаков беспорядков не было.

Что ж, факт оставался фактом: гонец был мертв, никаких бумаг при нем не было, то ли забрали убийцы, то ли поручение было на словах. Послышалась суeta и движение, через толпу прокладывали дорогу городские гвардейцы. Муравей Разбойник салютовал им и направился к открытым воротам.

Он по-прежнему держал направление на Лелю. Некоторое время дорога шла прямо по открытому пространству. Потом она резко поворачивала, ныряла в овраг и шла вдоль опушки леса.

Сразу за поворотом путник наткнулся на следы боя. Всюду лежали убитые воины городской стражи. У самой кромки леса рыцарь увидел своего друга – начальника стражи. Это был старый вояка, покрытый шрамами, суровый, но справедливый, человек чести. Все звали его Батя²⁵.

Он лежал ничком, сжимая в руке эфес меча, без признаков жизни. Муравей подошел к павшему и перевернул его. Тот оказался еще живым.

Батя открыл глаза, в его мутном взоре мелькнул ужас. Но, узнав склонившегося над ним, раненый попытался даже улыбнуться. «Ты пришел, Разбойник, но немного опоздал» – прошептал он – «Вишь, оплошал я. Не дождался подмоги. Старею».

– Я здесь оказался случайно, шел по своим делам – ответил Муравей – Расскажи, что произошло, я вижу, была битва.

– Ты не знаешь?! Я послал гонца, помнишь моего племянша. Он надежный, не мог сбежать.

– Он не дошел. Его убили в городе, у самых ворот, стрелой стражника.

– Черт! Я послал его почти в самом начале, надеялся, что он успеет. Жаль парня. Значит и его достали. Тут все убиты нашими стрелами и мечами. Ты спрашивал о бое, его не было. Это была бойня, самоистребление. Нам сообщили, что на дальнюю заставу кто-то напал. Как водится, мы тут же вышли на помощь. Только в овраге наткнулись на засаду, если ее можно так назвать. Из леса выскочили двое в белых доспехах, с волчьими головами вместо шлемов и ранили двоих наших. Мы атаковали их, хотели схватить. Но, оказалось, что они колдуны-оборотни. Они называли один другого: Тромпул и Бифон. Они посеяли раздор среди моих воинов. Мы бились между собой. Отряд истребил себя сам. Как я уже говорил, гонца я послал в самом начале боя, к тебе за подмогой. Но он, как я понял, не добрался.

Батя закашлялся, изо рта пошла кровь.

– Помолчи, я помогу тебе, сейчас – сказал Муравей, пораженный рассказом ветерана.

– А, без толку, мне конец – прохрипел Батя – Я умираю. Я единственный, на кого не подействовала их странная магия. Думаю, меня защитил амулет, который подарил мне ты. Помнишь медальон Марены. Вы тогда расстались с ней. Возьми его назад, мне он уже ни к чему. Я больше не смогу беречь этот осколок вашей с Мареной любви. А эти гады где-то рядом, я знаю. Отомсти за нас, Муравей! Не дай подлым убийцам уйти безнаказанно!

Глаза Бати потускнели и уставились в одну точку, где-то далеко, далеко в небе, словно провожали улетающую в вирий¹³ душу воина.

Муравей Разбойник снял медальон с шеи погибшего друга и надел на себя. Амулет, от которого он хотел отказаться, так же, как вынужден, был отказаться от своей возлюбленной, вернулся к хозяину. В голове рыцаря мелькнула нелепая мысль: «К чему бы это? Может быть, все возвращается на круги своя? Марена, возможно, мы скоро опять будем вместе». Сердце путника екнуло, острой стрелой его пронзила непонятная тоска.

Похоронить воинов не было ни возможности, ни времени. Это сделают другие. «Что ж, прощай, Батя; прощай, друг; спи спокойно воин чести, ты будешь отомщен» – прошептал Муравей.

Рыцарь встал. Дальше его путь лежал не по большаку, а по узким тропинкам, петлявшим в лесу. Его дорога вела через одну из дальних застав. Путь был знакомым. Рядом с заставой стояла деревенька, в которой жила Марена. Жила его любовь, с которой волей случая Муравью пришлось расстаться. Как там она?

Муравей подошел к кромке леса и вгляделся в его сумерки. Кто там таится? Что это за таинственный враг, воспользовавшийся усталостью Всевышнего, чтобы установить свой порядок. Невр в ошейнике, перебитая городская стража, странные воины – что еще приготовил неизвестный противник. В голове созрела спасительная мыслишка – это просто кошмарный сон, стоит проснуться и все кончится.

Но внутренний голос, который часто именуют совестью, тут, же ехидно возразил: «Ты – рыцарь хранитель и прекрасно знаешь, что это не сон». Вот так одним махом обрубил все лазейки. Да, это не сон. Это – зов друга, зов умирающей Любви, зов Бога. Не пытайся увилить, хранитель никогда не бросит в беде, никогда не оставит друга.

Муравей грустно усмехнулся. Он все понимал, даже откуда взялась эта подленькая мыслишка – от элементарного страха. Какой силой должен обладать враг, способный свершить такие злодеяния, способный пленить и держать на цепи невра.

Что ж, разве не для этого он вступил в Орден, разве не для этого стал странствующим рыцарем. В конце концов, разве не к такому врагу шел всю свою жизнь рыцарь-хранитель Ордена Тигровой Лилии – Муравей Разбойник. Если ему суждено умереть, а, возможно, так и будет, что ж – он умрет за Большую Любовь.

Было бы гораздо легче, если бы рядом были верные друзья. Но они далеко, задумавшийся Муравей чувствовал, что они тоже в пути, тоже по зову Гургана. Придет время, и они будут сражаться плечом к плечу, как в былые времена. Придет время... Пока же придется справляться самому.

Муравей Разбойник тряхнул головой, словно пытался сбросить невеселые мысли, рукой пощупал то место, где к груди прижимался амулет Марены, пора в путь. Свое копьё рыцарь повесил на плечо, в густом лесу от него мало проку. Достав из ножен меч, надев на левую руку щит, путник еще раз взгляделся в лес. Что ждет его там? «Увидим» – решил герой. Разбойник тяжело вздохнул и пошел в направлении Лели.

Путь через лес оказался на удивление легким. Никого, не встретив, Муравей Разбойник вышел на большую дорогу, что вела к заставе. Когда вокруг оказалась открытая местность, путник облегченно вздохнул и направился к воротам заставы.

Он уже вложил меч в ножны и собирался забросить за спину щит, так легче и быстрее идти, как по наплечнику чиркнул метательный нож. Место, откуда он прилетел было открыто и абсолютно пусто, спрятаться негде. Метателя тоже не было видно. Прodelать такой «фокус» мог только ассасин, но здесь их почти нет.

Рыцарь остановился, пытаясь закрыться щитом, хоть это и не возможно. Он сосредоточенно замер.

Все представители расы Муравья Разбойника с рождения владели темной магией. Когда-то она спасла расу от гибели, поэтому ее усиленно развивали. И теперь хранитель, напрягая все свои чувства, с помощью своих знаний, пытался обнаружить коварного невидимку.

Присутствие магии он уловил сразу, в огромном количестве. Вся заставка была наполнена магической силой. Однако этот избыток магии мешал обнаружить того, кто был рядом. На заставе враги, это ясно, но они еще далеко, а этот один – рядом. Он опасен, если в следующий раз не промахнется, то путь спасателя будет бесславно завершён на этом месте, досрочно.

С помощью магии врага обнаружить не удалось. Муравей по-прежнему сосредоточенный, стал медленно поворачиваться. Рука легла на копьё. Ремень, на котором оно висело, плавно сползал с плеча.

Опытный боец знал, что даже ассасин не может стать полностью невидимым. В стрекоте кузнечиков и жужжании насекомых, в шелесте травы и редких трелях птишек не услышать бесшумной походки убийцы.

В густых и ярких степных ароматах не определить запаха врага. Над нагретой солнцем степью поднималась легкая дымка, скрадывая очертания окружающего.

Боевой опыт подсказывал: метателю удобней зайти с незакрытой щитом стороны. Туда и направил Муравей все свои чувства. Скорее инстинкт, чем зрение, выделил, вдруг, почти незаметное колебание воздуха справа от рыцаря. Там же Муравей увидел, что трава в некоторых местах колыхается не в такт ветру, а так, будто ее только, что задел прохожий.

Продолжая следить за необычным поведением дымки и травы, рыцарь, наконец, снял копьё с плеча. Он держал его у самого наконечника, крайне неудобно для боя.

Вдруг, в необычной дымке возникло колебание, мгновенное, почти незаметное. Оттуда вылетел тяжелый метательный нож. Почти одновременно Муравей метнул свое копье, метнул так, словно играет в городки и собрался одним махом снести все рюхи¹⁴ из «города».

«Бита» полетела в направлении волнения воздуха в невидимого врага. И, чистое везение, вращающееся копье попало в цель. Не просто попало, а ранило в ногу, лишив подвижности, главного преимущества ассасина.

Но и Муравей не успел закрыться от ножа, острый клинок вонзился в плечо. Раненые противники стояли некоторое время, рассматривая и изучая один другого.

Ставший теперь видимым метатель оказался действительно ассасином из расы джамуров. Шлем на его голове изображал голову зверя. Это, пожалуй, была не волчья голова, а, скорее, собачья. Да, шлем изображал голову чудовищного пса.

Ассасин, раненый в ногу, достал еще один метательный нож и, закрываясь небольшим щитом, двинулся на Муравья. Раненая рука рыцаря болела при каждом движении, но он вытащил меч и стал ждать.

Брошенный нож Муравей парировал щитом, от следующего просто увернулся. Противник достал короткий меч-акинак¹⁵ и продолжал очень медленно приближаться.

Схватка была жестокая, но короткая. Все-таки рыцари храма владели мечом лучше. У убийцы не было шансов. Возможно, если бы не раненая нога, враг предпочел бы бежать, а может, посчитал ранение Муравья более опасным, чем на самом деле. Так или иначе, все было кончено.

Путь был открыт, можно идти. Вот только рана в плече, а впереди застава, в которой кишат враги. Перво-наперво необходимо заживить рану. Муравей Разбойник знал, что неподалеку, за холмом, стоит небольшая деревенька. В деревушке можно найти все необходимое для приготовления зелья. Когда-то он часто посещал ее. В ней живет его Марена, оставленная, но не забытая любовь.

От одной мысли об этом сердце Муравья екнуло, засосало под ложечкой. Эту девушку рыцарь любил. Любил давно. Это к ней он наведывался при каждом удобном случае. Она была не такая как все, она была иная. Потом Муравей узнал, что в отдаленных глухих деревушках люди не так дружелюбны к представителям других рас и иным. Им не доверяют, их презирают, их боятся.

Марену в родном селе недолюбливали – она не такая, как все. Оказалось, что открытая любовь Муравья, представителя другой расы, только усилила враждебность односельчан к девушке. Тем более что та отвечала на любовь рыцаря взаимностью.

В деревне начались пересуды и кривотолки. Девушке стали «перемывать косточки». В спину ей бросали косые взгляды. Из враждебности или, очень многие, из зависти, не у каждой в женихах элитный рыцарь, стали болтать такое, что не в сказке

сказать, не пером описать. Некоторые, самые рьяные и безмозглые, стали упрекать в колдовстве и распутстве, грозили расправой.

Жизнь девушки превращалась в ад. И она не выдержала. Марена попросила Муравья исчезнуть из ее жизни, взяв клятву не искать больше встречи с ней. Уйти с рыцарем хранителем она отказалась, ей нужно помогать престарелым родителям. Больше Муравей ее не видел, он иногда посылал ей весточки, но ни разу не получил ответа. Тогда он попытался забыть Марену. Судя по нахлынувшим воспоминаниям, ему этого так и не удалось.

Сейчас ему, возможно, предстоит увидеть свою любимую. У него нет выбора, она поймет и не посчитает его приход нарушением данной клятвы. Вздохнув, раненый рыцарь направился в сторону деревушки. Тропинка, по которой он шел, змеилась по лесу. Она вела его по знакомым местам, полным приятными воспоминаниями, которые теперь навевали тоску.

Змейка тропинки пересекала поляну, до деревеньки было рукой подать. На этой поляне Муравей и Марена часто проводили время, вдали от людских глаз. На этой поляне они расстались. Прошло много времени, но поляна не изменилась, те же цветы, те же травы, только деревья вокруг чуть-чуть подросли, да в центре ковер разнотравья примят чем-то. Воронкообразное углубление выдавало, что там что-то лежит. А может и кто-то, возможно враг, времена темные и смутные.

Осторожно рыцарь стал приближаться к странному месту, готовый в любое мгновение вступить в бой. Он свернул с тропинки и сделал несколько шагов в сторону «воронки» в траве. Врагов поблизости не оказалось, но эти несколько шагов Муравей будет проклинять остаток всей своей жизни, а увиденное не сотрется из памяти никогда.

В центре поляны лежало тело молодой женщины. Судя по всему, она приняла страшную, мучительную смерть. Когда рыцарь подошел вплотную, он рухнул на колени, обхватив голову руками, и издал не то крик, не то рев, не то вопль отчаяния. «Марена!!! Марена!!! Прости, Морена!!!» – он безумно кричал куда-то в небо, как будто пытался докричаться до уставшего Демиурга. Что было в его нечленораздельном вопле: отчаяние, проклятие или даже угроза не знает никто.

Муравей стоял на коленях, не меняя позы. Наконец он поднялся. Вокруг сгущалась тьма. Нескромные ночные духи заглянули в мысли рыцаря и в ужасе разбежались. Рыцарь похоронил любимую по обычаю своей расы. Когда ритуал был закончен, вокруг была ночь, а небо освещала полная красно-желтая луна. Пришло время оборотней.

Рыцарь-хранитель Муравей Разбойник, молча, повернулся к деревне. Эфес меча жег руку, копьё жаждало крови и плоти. Больше ничего не остерегаясь и не таясь, напрямик, воин направился в деревню. На ее околице Муравей Разбойник достал рог и протрубил вызов. Ему ответили. Судя по звуку, враги ждали в самом центре, там, где стоял дом старосты.

Деревня была пуста: ни детей, ни женщин, ни стариков. Зато у дома, в котором заседали старейшины, собрались все взрослые мужчины. Все были вооружены, на головах

красовались собаководные¹⁶ шлемы. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – это уже не люди. Пораженные неизвестной и злой магией, Муравья ожидали оборотни. За стройными рядами бойцов выделялся ростом рыцарь в белоснежном костюме. Голову его защищал черный шлем в виде чудовищной собачьей головы. В памяти всплыли подробности рассказа Бати, амулет Марены обжег грудь. Рядом стоял демон в точно таких же доспехах, но ярко красного цвета. Этого Муравей знал, его звали Перфидул. Сердце подсказывало рыцарю, что именно этот демон повинен в судьбе Морены.

Перед глазами встал образ друга, его перекрыло лицо Марены, сначала юное и красивое, как при последней встрече. Потом оно стало изувеченным лицом той, кого он мог спасти, но не спас. В сердце прогудел колокол, гнев, копившийся в нем, ударил в голову.

За всю свою военную карьеру, такое состояние у Муравья Разбойника было лишь однажды. Давным-давно, еще на войне на глазах молодого тогда рыцаря хранителя, враги рубили раненых солдат, которые не могли сопротивляться. В Муравье открылись такие способности, такие силы и умения, что ему не смогли бы противостоять даже боги. Его тело стало почти неуязвимым, раны, старые и новые, закрывались сами собой.

Взмахом копья рыцарь-храмовник бросил вызов всем противникам сразу и отдельно главному, в белых доспехах. Муравей атаковал, его оружие получит свою долю вражеской крови, которой оно так жаждало.

Спустя много-много лет в народе ходили легенды об одиноком воине, который в одну ночь уничтожил, целую деревню оборотней, отбил у врага захваченную заставу и уничтожил трех могучих демонов, которые до этого считались непобедимыми.

Муравей атаковал первым, никаких переговоров быть не могло. Метнув копье с такой силой, что оно, преодолев расстояние, вдвое превышающее все разумные пределы, пробило насквозь демона в белых доспехах, пригвоздило его к дубовой двери в доме старейшин и выйдя острием с другой стороны. Бифон, так звали демона, был мертв.

Закрываясь щитом, Магистр Ордена Тигровой Лилии, выхватил меч. Таких приемов владения оружием, которые знали все карабианты, на Дзаре не знал никто. Муравей Разбойник вломился в ошестинившуюся копьями толпу оборотней. Они валились под ноги рыцаря, как колосья под серпом жнеца. Если бы не большое число врагов, карабиант без труда добрался бы до второго демона. Но ему приходилось защищаться от сыпавшихся со всех сторон ударов мечей и топоров, не все удавалось парировать. Но раны не могли остановить героя, он был в том состоянии, в котором был практически неуязвим. Его пластинчатые латы, созданные талантливым мастером Ордена Аркелатом, трескали от ударов, гнулись, местами даже разлетались. Но Муравей двигался вперед, его меч двигался с такой скоростью, что не был виден. Щитом воин не столько защищался, сколько ошарашивал и наносил разящие удары по врагу.

Когда до Перфидула было подать рукой, перед магистром Ордена оставалось всего два-три противника, демон дрогнул и побежал. Добив оставшихся врагов, Муравей бросился в погоню.

– Вернись, трус, ты все равно обречен, не стоило трогать мою возлюбленную! – Муравей Разбойник был как бешенный.

Казалось, битва с сотней врагов должна была лишить его сил, но этого не произошло. Рыцарь бросился в погоню, на бегу, даже не приостановившись, он вырвал копье из дубовой двери. Перфидул был уже достаточно далеко, он боязливо оглянулся, надеясь, что уставший мститель отстал. Увиденное демоном, привело его в ужас. Расстояние между преследователем и его жертвой сократилось. Демон-предатель понял, что Муравей настигнет его раньше, чем беглец добежит до заставы. От страха и отчаяния Перфидул завопил. Этот вопль больше напоминал крик перепуганной лани, чем воина, видимо, поэтому его и услышали на заставе.

Навстречу бегущим выскочило с дюжину ратников. Это были не простые оборотни. Навстречу муравью вышли демоны-стражи – млинзы¹⁷. Это были опытные вояки. Магистр Ордена Тигровой Лилии ринулся на новых врагов. Ни предыдущая схватка, ни длительная погоня не лишили сил неистового рыцаря. Он разбросал противников, почти не останавливаясь. Половину он уложил на месте, остальные бросились бежать за Перфидулом, ища спасения за стенами заставы.

Когда враги пересекли разводной мост, его быстро подняли, перекрывая Муравью путь к воротам. Рыцарь метнул копье, оно вонзилось в закрывающиеся створки, заклинив их. Выхватив меч, Муравей с разгону перемахнул ров и проскользнул в оставшуюся щель. Враги даже не успели опомниться. Выскочивший навстречу Тромпул, демон в белоснежных доспехах, был сражен одним ударом. Перфидул в панике метался по заставе. Муравей не отставал от врага. Все, кто оказывался пути рыцаря, были повержены.

Наконец Перфидул остановился, бежать было некуда. Он обернулся, трусливо оглядываясь по сторонам в надежде на помощь. На заставе остались лишь двое. Муравей, в конце концов, настиг врага. Бежать демону было некуда. Рыцарь закрылся щитом и, выставив перед собой меч, надвигался на врага. Демон вспомнил, наконец, о своем оружии. Он снял со спины тяжелое обоюдоострое копье-глефу, которое так мешало ему при бегстве. Муравей замедлил шаг. Даже уставший демон был силен. Немного нашлось бы героев способных сразиться с ним на равных. А загнанный в угол враг опасен вдвойне.

Муравей Разбойник прекрасно знал возможности противника. Любое неверное движение, и один из разящих концов странного оружия нанесет смертельную рану. Рыцарь остановился, несколько раз глубоко вздохнул. Лезвием меча, воин постучал по щиту, что-то насвистывая. Озадаченный Перфидул узнал ритм пасодобля¹⁸. Неужели Муравей решил танцевать? Он, что, рехнулся?

Муравей Разбойник и вправду занял какую-то танцевальную позицию и стоял, слегка покачиваясь, на пружинящих ногах, в гордой, чересчур, изогнутой позе. Беззаботно насвистывая, он продолжал отбивать ритм танца на собственном щите. На лице карабианта появилась улыбка. Такого демон еще не видел. Так продолжалось довольно долго. Обескураженный Перфидул смотрел, а рыцарь пританцовывал на месте. Напряжение нарастало. Демон не выдержал.

Замысловато раскручивая свое глефу, демон бросился в атаку, как бык. Муравью, только этого и было надо. Тореадор повел свою игру, коррида начиналась. Перфидул неистово атаковал, стремясь поразить противника непрерывно вращающимся оружием. Лезвия копья со свистом выписывали в воздухе замысловатые петли, чередуя рубящие, режущие и колющие удары. Муравей парировал удары мечом, принимал их на щит или просто уклонялся, почти не сходя с места. Его ноги выписывали замысловатый танец, гибкое тело, двигалось плавно и быстро, успевая в самый последний момент уйти от разящей стали.

После серии безуспешных, но стремительных и интенсивных выпадов, демон стал выдыхаться. Перфидул тут же отступил на пару шагов, переводя дыхание. Муравей по-прежнему стоял улыбаясь. Он больше не свистел, но продолжал отбивать свой проклятый ритм, выводящий демона из себя. Еще больше раздражала атакующего улыбка на лице карабианта. Несколько раз бросался демон на врага. Несколько раз отступал для отдыха. С каждой новой атакой Перфидул все сильнее выходил из себя, он начал терять бдительность. Тореадор, напротив, спокойно продолжал свой смертельный танец, лишь изредка делал быстрые удары, нанося не смертельные, но болезненные раны. Перфидул был в бешенстве. Он действительно стал похож на разъяренного быка. Наконец меч Муравья достиг цели. Демон рухнул. Магистр Ордена Тигровой Лилии осмотрел поле боя. Врагов не осталось.

Копье и меч получили свою дань сполна. Гнев, наконец, покинул голову и спрятался в глубинах сердца, бурча оттуда подобно старому ворчливому деду. Только теперь, Муравей почувствовал, как он устал, он еле держался на ногах. И, все-таки, наскоро подладив изрубленные доспехи, Муравей, пошатываясь, двинулся в направлении, где вот-вот должна была взойти Леля.

Трое у костра

Остаток пути до каньона Безумной Космической Любви, Муравей Разбойник преодолел сравнительно легко. Ему удалось избежать новых засад и сражений. Было несколько мелких стычек, да один раз пришлось спасаться бегством от группы лесных троллей. В другое время Муравей обязательно ввязался бы в схватку, рыцари Ордена Тигровой Лилии предпочитали смерть в бою бегству.

Но Гурган просил о помощи. Целью Муравья был Обелиск Славной, а не героическая смерть в одной из бесконечных стычек во время пути. Поэтому он был очень осторожен. Рыцарь полностью заживил раны и был полон сил.

И вот, наконец – каньон. Муравей вышел на одну из, с позволения сказать, троп, ведущих к алтарю. До цели один переход, если удастся избежать схваток. Каньон – территория, населенная фанатиками, поклоняющимися Леле. Они никогда и никого не пропустят к своей святыне. Ни одного чужака, будь он врагом или другом, не имеет значения.

Перед трудным участком пути нужен отдых, да и доспехи опять нуждаются в починке. В небольшой ложбине, у начала спуска в каньон, рыцарь увидел отблеск костра.

Решив присоединиться к сидящим у костра и, если повезет, отдохнуть, Муравей осторожно направился к ложбине.

В свете огня виднелось три силуэта, больше никого рядом не было. Муравей подошел и поздоровался. Ему повезло. У костра были не враги. Огонь развели три путника. Муравей Разбойник видел их пару раз, много о них слышал, но близко знаком не был. Сидящих постарше звали Дхене и Савве. Это были апостолы, какого-то нового учения или религии. Они долго сопровождали учителя новой веры, а после его гибели, пытались создать на основе услышанного свою церковь. Того что помладше Муравей не только видел, они были знакомы. Он был своего рода секретарем и одновременно историком новоявленных миссионеров. Звали его Матэ.

Когда рыцарь приблизился к костру, Матэ встал навстречу. Приветствовав подошедшего, представил его своим старшим товарищам и пригласил разделить трапезу и место у костра.

Пока Муравей утолял голод, сидящие продолжали, какой-то спор о тонкостях своей религии. Через некоторое время путешественник был втянут в разговор. Муравей Разбойник не разделял всех взглядов хозяев, поэтому в беседе был пассивным участником. В конце концов, он просто притворился спящим, а может и вправду задремал. Сквозь дремоту он продолжал слышать разговор. Говорящие не обращали на него внимания и спорили без обиняков, говорили откровенно. Хотя голоса Матэ Муравей не слышал, быть может, он тоже задремал.

Савве обратил внимание, что Муравей Разбойник заснул. Он перестал реагировать на вопросы. Долгий и трудный путь взял свое. Савве повернул голову к Дхене и, слегка прищурив один глаз, спросил: «Что же случилось после казни?»

Дхене, слегка опешил, бросил испуганный взгляд на спящего рыцаря и, успокоившись, тоже вернулся к разговору, прерванному приходом Муравья. Сообразительный Матэ достал свои записи и стал делать пометки. Они создавали свою историю.

Дхене продолжил свой рассказ¹⁸.

– Через некоторое время Учитель вернулся к нам. Он и вправду был богом. Он преодолел смерть. Когда Он предстал перед нами, мы испугались. О! Как мы тогда испугались – все одиннадцать. Виктиме уже не было.

Но Учитель не покарал нас, даже не упрекнул. Он ведь учил Великой Любви. Он пожалел нас «заблудших», и посоветовал вернуться к тому, чему учил. Он сказал, что тогда мы спасемся сами и спасем Мир от гибели. И еще добавил, что прощает нас. Вот и все.

Хоть Учитель и не карал нас, но то, что он простил нам что-то, слышали многие. Если сразу после казни ходили всякие смутные слухи, то теперь они усилились. Народ стал говорить, что дело не чисто. Самые рьяные преследовали нас, некоторых даже убили.

Исключением стала Джавила. Ее вознесли на самый верх, как святую. Вот тогда я с Матэ занялись нашей историей. Ты знаешь, как люди верят написанному. Было трудненько, но нам удалось очернить Джавилу, сделать из нее заурядную шлюшку. Раскайвающуюся, но – грешницу. Этого вполне хватило, чтобы сбросить ее с вершин на бrenную землю. Она стала не опасной.

Труднее было очиститься от обвинения в предательстве Учителя. Как ни как, свидетелей было многовато. В конце концов, Матэ предложил один интересный ход. Я сомневался, конечно, все было шито белыми нитками, но, как, ни странно, нам удалось выкрутиться.

Мы объявили, что так было предначертано Самим Эросом. Мы даже нашли подходящие пророчества в старинных писаниях. Мы объявили, что миссия был принесен в жертву Богом, для прощения и искупления людских грехов. Пришлось, правда, довольно основательно подправить учение о Великой Любви. Но, главного мы добились – народ нам поверил.

На сегодня у нас только одна проблема: меня обвиняют в том, что я предал Учителя, я ведь был там. Ума не приложу, что делать.

Дхене озабоченно и удрученно вздохнул. Он явно был расстроен и боялся.

Савве ухмыльнулся и саркастически произнес: «Проблема действительно есть, у ТЕБЯ». Дхене вздрогнул от этого ТЕБЯ, подозрительно посмотрел на собеседника, но промолчал. А Савве, как ни в чем не бывало, продолжил беседу. Вопрос его был, казалось бессмысленным и неуместным. Дружище, скажи, а что случилось с Виктимер?

После скандала в храме, все вернулись слегка подавленными. Только Джавила светила. Она как будто знала, что-то большее, чем все двенадцать. Учитель вышел во двор с сияющей Джавилой, увлеченно о чем-то рассказывая и указывая рукой в бесконечное небо.

Ученики, с озабоченным видом, остались в доме. По их виду, нельзя было сказать, что они счастливы. Они были выбиты из колеи, происшествием в Храме. Они не понимали, почему Учитель осудил торговцев и менял. Они не понимали, почему деньги, дающие власть, силу и многие приятные мелочи должны быть отвергнуты. Зачем отдавать кесарю кесарево? Что они имеют богово, чтобы отдать Богу? Почему не могут ужиться Великая Любовь, которой учит Учитель, и маленькая любовь к золоту?

Один мелкий эпизод разрушал все их представление о ценностях в мире. Получалось, все, что они знали, было не верно. Но не об этом ли говорил Учитель все время? Может они, просто, Его не понимали? А как же тогда тысячелетний опыт предков? Неужели все люди жили не так? Да полно те. Так не бывает. Учитель ошибся. Ошибаться могут все люди. А боги? А правда ли Учитель сын Бога? В очередной раз в души учеников закралось сомнение.

Разговор был коротким, но серьезным. Ученики по-прежнему были озадачены и удручены. После наступившего ненадолго молчания, все стали расходиться по своим делам.

Виктиме остался один. Он размышлял. В сложившейся ситуации для него было важно определиться в своем личном отношении к Учителю. Всей душой Виктиме верил, что Учитель совершенный Бог, посланный своим Отцом, для спасения людей. Но, где-то в темных закоулках сознания, эту веру точил червь сомнения.

Если Виктиме ошибается в божественной сути Учителя? Если Он просто великий мудрец, родившийся не в то время и не в том месте? Что тогда? Что ждет его последователей?

В это время в дом зашел Дхене. Куда он ходил никто не знает. Вошедший подошел к Виктиме, протягивая кошелек с деньгами.

– Окажи услугу, друг Виктиме. Возьми этот кошель, в нем тридцать монет. Отнеси их в Храм и передай жрецам в пользу нуждающихся. Было бы неплохо, чтобы побольше молящихся увидели, как ты передаешь деньги. После событий в Храме, это немного успокоит сомневающих. Я бы и сам отнес, но мне нужно сделать кое, что для Учителя.

Виктиме согласился. Учитель нередко посылал его с разными поручениями, Он доверял ему. К тому же во время прогулки по свежему воздуху можно еще раз обдумать свои сомнения.

Всю дорогу в Храм Виктиме пытался сосредоточиться на своих мыслях, но ему было тяжело это сделать. Мешал какой-то смутный образ, постоянно всплывающий в памяти. В храме гонец нашел верховного жреца. Как нельзя, кстати, тот находился в зале, переполненном паломниками. Виктиме подошел к священнику и протянул деньги.

В это время смутный образ, вдруг, прояснился. Перед Виктиме предстал Учитель, говорящий в Храме, на этом самом месте, о Великой Любви. Он вспомнил, как Учитель предостерегал, что его могут предать и оклеветать даже его ученики.

От этой мысли Виктиме вздрогнул. Он все понял. Кошель с деньгами упал на пол, звеня серебром. «Будьте вы прокляты!» – воскликнул он, обращаясь неизвестно к кому – «Вы и ваши деньги!». Сломая голову, внезапно обезумевший на глазах толпы ученик, бросился из Храма.

У дома Джавилы было полно народа. Во дворе сновали солдаты храмовой стражи. Вдалеке, но, оставаясь на виду, маячили имперские гвардейцы.

Двери дома открылись, на пороге появился Учитель. Он шел спокойно, держался прямо. В глазах Учителя была тоска. В них стояли слезы. На лице вышедшего застыла грустная понимающая улыбка.

Виктиме непроизвольно, не задумываясь о последствиях, бросился к крыльцу.

– Господи! Я хочу быть с тобой! Прости меня, Господи! Возьми меня в твое царство Великой Любви!

Виктиме упал на колени перед Учителем и поцеловал его руку. Его грубо оттолкнули солдаты, вышедшие из дома вслед за Учителем. Оттолкнули, но не арестовали. Вышедший из дома секретарь Храмовой канцелярии зловеще улыбнулся, глядя на рыдающего у порога ученика.

Учителя увели. Из дома вышел озабоченный Дхене. Джавила, неподвижно сидела в центре двора, уставившись в пустоту. Больше никого из учеников не было. Толпа любопытных начала редеть. Зрелище кончилось.

Виктиме рыдал, все еще стоя на коленях у крыльца. На его плечо легла чья-то участливая ладонь.

– Не горюй, друг, ты прекрасно справился со своей задачей. Ты вовремя передал деньги. Ты сделал даже больше, в безумии своем, назвав учителя царем.

Виктиме рывком вскочил. Казалось он разорвет, стоящего перед ним Дхене. Но, внезапно, он опустил руки и смиренно произнес: «Да, я предатель».

И Учитель был обвинен в присвоении царского звания. И Учитель был осужден. И состоялась казнь. И был дождь.

Виктиме стоял у подножия горы с безумным взглядом. Он шептал в пустоту только два слова: я – предатель. И вновь на плечо легла участливая ладонь: «Не печалься, Виктиме, все правильно, если бы не ты – все было бы иначе».

Безумец рванулся вперед. Он бежал, не разбирая дороги и вопя во всю глотку: «Я – предатель! Я – предатель!! Я – предатель!!!» Безумный беглец вырвался за пределы города, но и там не нашел успокоения. «Я – предатель! Я – предатель! Будь я проклят!!!» – задыхаясь, прокричал бегущий и с разгона бросился на собственный нож.

– Я так надеялся, что Виктиме пригодится в нашем деле. Я устроил так, что он был в моих руках. Но он покончил с собой, какой теперь с него спрос – закончил рассказ Дхене.

– Спроса действительно никакого, но, не забывай, мертвые молчат. Значит, Виктиме при свидетелях бросал деньги в Храме и проклинал кого-то? – скорее констатировал факт, чем спросил Савве.

– Да, ронял деньги, а проклинал нас – ответил удрученно Дхене.

– Прекрасно! Прекрасно! – воскликнул Савве – сколько, говоришь, было монет?

– Тридцать серебряников...

– И, потом, он всюду кричал о своем предательстве?

– Ну и что с того? – Дхене недоумевал веселости собеседника, его начинала раздражать эта неуместная радость.

– А, то! Эй, Матэ, как там говорят: бумага все стерпит, я не ошибаюсь?

– Да – отозвался Матэ, который уже понял план Савве, и добавил – а еще говорят, что написано пером, не вырубить топором.

Савве тихо, чтобы не разбудить Муравья, захохотал.

– Пиши! Один из двенадцати, именуемый Виктиме. Явился к жрецам и пообещал предать Учителя, если ему заплатят. Священники дали ему тридцать серебряных монет...

У Муравья, который сквозь дремоту слышал весь разговор, мелькнула мысль: «Так рождается новая религия – дело Бога, усовершенствованное человеком»

Ему самому припомнилась его встреча с Учителем.

Во время одного из путешествий рыцарь-хранитель повстречал группу людей. Некоторое время они шли вместе. Группа была необычной. Во главе ее был учитель, проповедующий веру в Великую Любовь. Видимо из-за этого, жители разных селений встречали путников по-разному.

В одном из селений Учителя приветствовали, хвалили, звали к себе и, буквально, завалили подарками. Проповедник был ласков и тактичен. Он действительно Любил всех встреченных на пути людей. На выходе из селения путников провожала восторженная толпа.

Учитель остановился и произнес:

– Мы странствующие люди, поэтому не можем взять с собой всех ваших даров. Позвольте мы оставим себе, только самое необходимое. Все, что мы не можем взять, оставьте себе. С нами навсегда останется ваша Любовь и тепло. Оставляя часть ваших даров, мы разделим эту Любовь с вами. Она принесет вам утешение и счастье.

В другом селении жители, по неизвестным причинам, жители не просто не принимали слов Учителя. Его речи выводили людей из себя, вызывали ругань и, даже, агрессию. Сопровождающие Учителя пытались переругиваться, чуть не дошло до драки. Но глава группы остановил своих спутников, попросив их не обращать внимание на окружающих.

– Каждый имеет право на свое собственное мнение. Не позволяйте манипулировать собой, поступайте так, как велит ваше сердце и совет, дорожите своей свободой.

Выходя из селения, он остановился и, обращаясь к жителям, произнес:

– В предыдущем селении нас встречали в точности наоборот. Но мы странствующие люди, поэтому большую часть того, чем нас одарили, мы вернули жителям, поделившись и Любовью и теплом, полученным от них.

Тот тяжкий груз, которым вы наградили меня и моих спутников, мы заберем весь. Я не могу обременять вас ненавистью и злобой, что дали вы. Вам хватит и тех, что вы не

успели выплеснуть на нас. Что вы будете делать с оставшимся у вас, ума не приложу. На этом прощайте и будьте счастливы.

После сказанного, Учитель, поклонившись, удалился по пыльной дороге. Ученики последовали за ним. Муравью, пораженному услышанным, захотелось пообщаться с необычным человеком, тем более, что ему было по-пути.

Путники разбили лагерь, чтобы отдохнуть. Учитель обратился к спутникам:

– Вся сила происходит изнутри и потому находится под нашим контролем. Любить добрых может всякий, кто есть в мире. Но если ты злых любишь, то ты победил себя. А победа над собой самая трудная. Все что мы есть – это результат наших мыслей. Все наши взаимоотношения с окружающим миром отражают наше отношение к самому себе. Держите ваши мысли в Любви к окружающим вас и вы обретете гармонию.

Неожиданно для себя, Муравей присоединился к беседе.

– Учитель, как можно любить того, кто жаждет твоей смерти?

– Не смерти должен бояться человек. Он должен бояться никогда не начать жить! Сама по себе жизнь ничего не значит; цена ее зависит от ее употребления.

– Получается, я должен полюбить тех, кто вносит в мой мир хаос; тех, кто сеет ложь и губит моих друзей. Выходит, я должен отказаться от борьбы? Мы потерпели неудачу в войне с джамуро, мы потеряли не только Родину, но даже Будущее, и я должен полюбить их? Оплакивать все, что потерял и любить тех, кто забрал у меня это все.

– Не плачь потому, что это закончилось, улыбайся потому, что это было. Твои враги сеют хаос? А может быть хаос – это порядок, который нам просто не понятен. Мир подчинён единому закону, и у всех разумных существ единый разум. Истина одна, и понятие о совершенстве тоже одно.

Насчет будущего, я думаю, ты не прав. Неудача – не когда мы падаем, а когда не можем подняться. Но, насколько я знаю, ты с друзьями как раз поднялись и, даже возвысились, благодаря вашему дару Великой Любви. Перемены всегда ведут к развитию событий. Быть может, вы возродите свою Родину в Новом Мире, за который боретесь сейчас.

Я вижу, тебя гложут сомнения, думаю, твоих друзей тоже. Я не могу ничего сказать наверняка, в этом мире нет гарантий, есть только возможности, но, пожалуй, я могу подбодрить тебя. От того, что ты за человек и откуда смотришь, зависит, что ты увидишь и услышишь.

Боритесь, ходящий на задних лапках, не может встать на дыбы. Он может быть только рабом. А мы все потенциально свободны, чтобы знать, передвигаться, создавать и быть тем, кем мы хотим. Какими бы не были слова и поступки человека – главное, чтобы они были настоящими. Не надо даже в шутку лгать и льстить. Пусть думает о тебе всякий, что ему угодно, а ты будь тем, что ты есть.

К сожалению, на Славной человечество подошло к порогу, за которым нужны и новая нравственность, и новые знания, и новая система ценностей. Я думаю, людям нужна Любовь.

– И что же, все способны любить всех? Я почему-то сразу вспоминаю джамуро и демонов, с их пособниками. Да и моя раса не отличалась любвеобильностью.

– Всякий любит настолько, насколько развита его натура. По мере развития или порчи нрава развивается или портится его способность любить. Совершенство нрава заключается в том, чтобы проводить каждый день, как последний в жизни – без тревоги, трусости и лицемерия. Совершенствуй нрав и учись Любить.

Тот кто научится Любить всемогущ. Он способен преодолеть любые препятствия. Он способен победить смерть. Он способен победить себя.

– Он способен победить смерть? Разве такое возможно?

– Многие дела считались невозможными до тех пор, пока они не были сделанными. Но я бы советовал больше обратить внимание на победу над собой. Впрочем, свобода выбора всегда за тобой. Я верю в тебя и твоих друзей. Вы сумеете сделать выбор.

9

Ночь у костра пролетела быстро, пролетела как стрела и вонзилась где-то далеко за горизонтом, пробив в черном небе светящуюся дыру. Взошла Леля.

Муравей, поеживаясь от утренней бодрящей свежести, встал, тряхнул головой, словно молодой бычок, который готовится к первой в жизни схватке. Даже ногой притопнул. «И вправду похож на бычка» – мелькнула веселая шальная мысль. «Только уже не молодого» – произнес он вслух, вызвав недоумение ночных собеседников. «Бычок. Не стать бы закланным на алтаре в храме Лели» – это уже просыпался в герое мрачный черный юмор. Пора в путь.

Отдохнувший Муравей Разбойник был бодр и полон сил. Теперь он готов к испытаниям. Подслушанный ночью разговор не давал ему покоя. Но он узнал одну важную вещь. Учитель этих троих сумел победить смерть. Оказывается такое возможно. Значит, финал его путешествия совсем не безнадежен.

Ободряла и другая весть. Матэ рассказал, что подвижничество апостолов новой веры устранило серьезное препятствие на пути Муравья. Дело в том, что Дхене и Савве удалось обратить в свою веру значительную часть поклонников Лели.

Как им это удалось известно одному богу, а точнее, учитывая сложившуюся ситуацию, никому. Видимо неофиты новой веры слышали в словах пришлых проповедников то, чего не слышали от своих лидеров. Тем более что, в общем-то, все религии возникли из одного корня и в главном схожи.

Кому-то смена религии давала шанс подняться на новые, ранее недоступные вершины, сбросить старых лидеров, отобрать у них все и присвоить себе. Потом

сработало рвение новообращенных. У отцов новой веры оказалось достаточно последователей.

Двум медведям не ужиться в одной берлоге, двум львам не водить один прайд, двум верам с фанатичными поклонниками не быть в одном храме. Фанатизм поклонявшихся обелиску Лели был известен с незапамятных времен. Муравей помнил, что нет никого фанатичнее, до мелочности, чем новообращенные. Нет более жестоких гонителей старой веры, чем изменившие ей.

«Видимо, это как то связано с совершенным предательством» – размышлял Муравей Разбойник – «Предательство всегда марает душу, а грязь с души можно смыть только кровью, реками крови своей и чужой. Последнее, обычно, приятнее для любого предателя».

Так, или иначе, а внедрение новой религии привело к самой обычной резне. Странно, что конфликт двух вер, проповедующих любовь, привел к самоистреблению целого народа. Жалкие остатки победителей разбрелись по всему миру неся свое учение.

Храм Лели с Обелиском Славной внутри теперь никем не защищался. Он, собственно, больше никому не нужен. «Кроме собакоголовых» – возникла тревожная мысль в голове рыцаря.

Может об этом просил Гурган, может в этом причина невольного паломничества рыцаря-хранителя.

В туманной дымке долины, на ровной как стол площадке возвышалась скала. Издали она напоминала торт причудливой формы, лежащий на блюде. Сходство усиливал клиновидный «вырез» в скале. Как будто какой-то гурман отрезал себе кусочек для пробы.

Скала – это и есть Храм Лели. А клинышек – единственный вход, ведущий к Обелиску Славной. Клиновидный проход к обелиску заканчивался узким коридором, по которому мог пройти один человек. Именно пройти, стесненный в движениях стенами, со смиренно опущенной головой, на которую давил низкий потолок.

Лишь, где-то на середине тоннеля имелся небольшой зал, в котором паломники обычно готовились к ритуалу. А дальше длинный узкий, темный коридор с низким потолком. В самом конце проход воронкообразно расширялся, открывая широкий доступ к святыне.

Весь путь занял у Муравья около двух часов. Если расставить ловушки, то у защитника будет время подготовиться к встрече с врагом.

Яркий свет в огромном зале ослепил Муравья. В центре зала возвышался серебристый обелиск. Днем его освещало яркое солнце, а каждое утро приветствовала Леля, с которой почему-то связывали происхождение обелиска.

Путешествуя, в свое время, по бесконечным просторам моста реальностей Муравей Разбойник узнал настоящую историю обелиска.

Безумный астероид.¹⁹

Эта история произошла за много парсеков²⁰ от нас. В одном захолустном задворке вселенной бороздил бескрайний космический вакуум резвый болид, звали его Т56. Он мчался по своей огромной орбите, пересекая пути разных комет и планет. Иногда среди них попадались довольно милые особы. Т56 позволял себе изредка мимолетные знакомства, этикие вспышки, яркие и холодные, и снова бесконечные просторы космоса и безграничная скорость.

Встречая какую-нибудь симпатягу, астероид распушал свой хвост, а он, надо признаться был совсем неплох. Т56 был верен своей орбите, несмотря на то, что давно не любил ее, иногда она его даже тяготила. Но Т56 был все-таки порядочным болидом и не мог позволить себе вольностей. Именно поэтому, подлетая к очередной системе, наш герой всегда внимательно рассматривал ее обитателей и, особенно обитательниц. Завидев привлекательных, а, следовательно, потенциально опасных, он так рассчитывал свою траекторию, чтобы держаться от них на почтительном расстоянии. «Незачем гусей дразнить» – справедливо полагал болид. Вы, наверное, уже догадались, что Т56 был холодным ледяным астероидом.

И в этот раз, подлетая к новой системе, Т56 по привычке, примечал стоящие внимания планеты, чтобы пролететь от них подальше. Береженого космос бережет. Но, вдруг, в сказках всегда есть место для неожиданностей, находясь еще очень далеко, болид увидел славную планету. Она была настолько хороша, что не обратить на нее внимания было просто невозможно, даже на таком огромном расстоянии. Не в силах удержать желания познакомиться поближе Т56 снизил скорость и чуть-чуть свернул с привычной и наскучившей орбиты.

И, опять, как это случается в сказках, произошло неожиданное. Славная планета обратила внимание на скромный ледяной болид. Дождавшись, когда он подлетит достаточно близко, прекрасная шалунья игриво улыбнулась и направила в Т56 прицельный, точно рассчитанный импульс гравитации.

Притяжение – великая сила. Приблизившись к славной планете, Т56 уже понял, что встретил Настоящую Планету. Золотое правило при встрече с Настоящей Планетой гласит: «Улепетывай во все лопатки, если хочешь жить». Опытный болид так и поступил, но...

Зачем он снизил скорость, зачем поддался мимолетному искушению познакомиться поближе? Волна притяжения Славной настигала незадачливого космического искателя приключений. Астероид заметался, на короткое время даже запаниковал, когда понял что бежать невозможно. А потом махнул хвостом, почему бы и нет, почему бы не завязать интрижку, не пофлиртовать. Т56 повернул к игривой планете.

Видно уже тогда, что-то произошло с холодным болидом, иначе он бы вспомнил, что с силами, которые не подвластны даже звездам не шутят. Гравитационная волна Славной ударила по шаловливому болиду и вызвала такое завихрение, что возникло взаимное притяжение двух небесных тел.

Затормозившего Т56 буквально сорвало с орбиты, с такой силой, что аж крыша съехала. Повинуясь законам притяжения, Т56 понесся к игривой планете, увеличивая скорость и сметая все на своем пути. Ни о каких условностях и правилах космического движения не могло быть и речи. Даже хвост вышел из повиновения, распушился сам по себе и рос по мере входа в атмосферу планеты.

Чем ближе они становились, тем стремительнее был полет астероида. Это был уже не полет, а падение в бездну, несущее то ли приключение, то ли гибель.

Т56 видел, что его приближение причиняет притягательной планете неудобство, пожалуй, даже дискомфорт, а возможно уже и боль. Он тоже начинал чувствовать боль. Всеми фибрами он ощущал гибель. Т56 понимал, что должно произойти, видел подобное, бороздя бескрайний космос.

Видение Т56.

Накатилась первая волна настоящей боли, она была неожиданно сильной. Сознание померкло. На его месте возникли образы. Поначалу бесформенные и расплывчатые, они медленно обретали очертания до тех пор, пока не превратились в реальную картину.

На сумасшедшей скорости Т56 несется к Славной. Это действительно не полет, а свободное и неуправляемое падение. Уже не свернуть. Поздно! Едва приблизившись к телу планеты, астероид вспыхнул. Вспыхнул так ярко, что затмил бы солнце, окажись оно поблизости. Близость планеты была бы приятна, если бы не боль.

Разогревшийся болид как будто вспорол атмосферу планеты, пробороздил, выжег ее дотла. Не выдержав напряжения, от перегрева и притяжения, Т56 взорвался, едва прикоснувшись к планете. Пик невыносимой боли совпал с верхом блаженства. Поэтому ни та, ни другое не имели значения. От взрыва астероид разлетелся вдребезги и обрел, наконец, освобождение от убивающей боли и сжигающей страсти.

От взрыва на Славной образовался кратер размером с одно из ее морей. Тучи пыли заволокли все небо. Боль и удушье были ужасны. Планета уже завидовала погибшему болиду. Тогда Славная чуть не погибла. Как напоминание об ужасном приключении на ее поверхности навсегда остался огромный каньон, а все тело нафаршировали осколки космического пришельца.

От ужаса видения Т56 пришел в себя, и тут же получил новую волну боли, которая была сильнее прежней. Больно!!! О космос, как же больно!!! От боли, жара и страха в мозгах болида все спуталось. Его жег нестерпимый огонь страсти. Его рвала на куски сила гравитации. Его давил неведомый ему ранее страх. Боль!!! Боль!!! Бо-оль!!! Бо-о-оль!!! Бесконечная Бо-о-о-о-о-о-о-о-о-о-оль!!!

Нет спасения!!! Нет прощения!!! Нет пощады!!! Нет выхода!!! Нет ничего!!!

Славная сама была не рада своей прежней легкомысленной игривости. Она-то не собиралась устраивать космических катастроф. Так, захотелось пококетничать, поиграть, может быть пофлиртовать, в общем, приключений. Хорош флирт – со смертельным исходом!

На последних проблесках сознания, почти потерявший голос Т56, прохрипел: «Помоги, иначе мы погибли. Помоги или молись. Молись о чуде и наших душах!».

Может быть, Славная услышала вопль погибающего астероида, может тоже поняла, что все идет не так, а, скорее всего и то, и другое, но она пришла на помощь.

Спасти их могло только чудо.

Чудо свершилось!

У этой сказки, в разных странах, рассказывают целых три конца, поэтому и чуда тоже три.

Чудо 1. Чудо космоса.

Нет, они не избежали катастрофы. Т56 погиб, сгорел в собственной страсти. Все произошло именно так, как видел болид в своем последнем видении «Где же чудо?» – спросишь ты. Чудо действительно произошло. Осколки раненой планеты смешались с пронизанными болью и страстью остатками астероида. В результате возникло совершенно новое небесное тело. Это было – чудо творения. Но это – уже совсем другая история.

Чудо 2. Чудо безумного болида.

С последним проблеском сознания к Т56 пришла спасительная мысль: «Если нельзя остановиться, нужно разогнаться!». Используя силу притяжения, возникшую между астероидом и планетой, преодолевая все нарастающую боль, Т56 стал увеличивать скорость. Одновременно он старался повернуть так, чтобы пройти позади летящей по орбите Славной. Перед тем, как отключиться окончательно, он сумел повернуть всего лишь на сотые доли градуса. Этого хватило, чтобы проскочить как раз за пролетевшей планетой.

Астероид чиркнул по ее поверхности, оставляя болезненный, но не глубокий шрам. Сам он почти разлетелся от удара. Но разгон позволил уже потерявшему сознание болиду выскочить из гравитационного поля планеты и улететь в открытый космос.

Там он оклемался, нашел свою орбиту. Когда во время своих бесконечных полетов планета и Т56 встречались, они мило улыбались друг другу, перекидывались парой словечек. Но всегда держались на подчеркнуто почтительном расстоянии, строго в рамках приличий.

Чудо 3. Чудо Славной.

С подкатившей очередной волной боли Т56 полностью отключился. Он больше не мог воспринимать окружающий мир. Он почти умер. Славная пришла на помощь погибающему. Все-таки он полюбился ей, этот безумный болид. Спасти его могло только чудо, а любое чудо требует жертв. Игривая планета решила на жертву. Собрав все свои особые силы, которые есть только у Настоящих Планет, Славная сделала изящный реверанс, сошла с орбиты, раскрыв объятия, она приняла Т56 на свое лоно. Исцелила его и сделала своим постоянным спутником. Т56 поучил позднее имя Фаэтон³⁷. За свое чудо любви Славную называли Лелей – богиней любви. Фаэтон кружил вокруг своей планеты и

летел вместе с ней по ее орбите. Они жили долго и счастливо, до тех пор, пока их солнце не погасло.

К сожалению – это только сказки. В жизни может быть так, а может иначе. Может быть, и так и иначе одновременно. А может быть и не так, и не иначе. Может быть по-всякому.

На самом деле все произошло так, как привиделось безумному астероиду. Из его обломка, пропитанного Любовью и Болью, люди сделали обелиск, названный в честь Славной. Планету, посвященную Славной, переименовали в Лелю и стали поклоняться новоявленной богине любви. Население планеты даже не подозревало, что попирают ногами свою богиню, а храм с обелиском стоит на месте гибели безумного влюбленного T56.

Вспоминая эту давнюю историю, Муравей Разбойник готовил ловушки для врагов. Последнюю ловушку он устроил прямо на алтаре, расположенном перед обелиском Лели. Это было самое удобное место для контроля над входом в зал. «Не стать бы, последней жертвой» – невесело усмехнулся Муравей.

Рыцарь закончил приготовления и, заняв удобную позицию, стал ждать. Враги оказались «отзывчивыми» и не стали испытывать терпение одинокого ратника. Ловушки у входа в храм сработали. Муравей зарядил арбалеты и выложил перед собой несколько метательных ножей.

Гном Небесный

Гном Небесный спешил. Он держал путь в далекую северную страну. Где-то там, в ледяных застенках сидел на цепи невр.

Гном нес невеселые вести. Собственно, по плану Гургана, он должен был сейчас идти в противоположном направлении, и не один.

Когда Гном услышал зов друга, то отправился на поиски Тигренка. Потом, они вместе должны были идти к Обелиску Славной, где их ждал Муравей Разбойник.

В поисках Тигренка, Гном постоянно размышлял о той роли, которую сыграла девушка в судьбе Гургана, в их судьбе и, возможно, даже в судьбе всей планеты.

Гурган был в самом начале своего пути. Тогда он встретил очень красивую девушку. Как ее звали не важно. Главное, она обладала редким даром любить и быть любимой. Она была одаренной Великим Эросом. Правда, дар ее был еще слаб, но его вполне хватило, чтобы направить невра по пути всех одаренных любовью.

В Гургане проснулся его дар. Он полюбил. Свою возлюбленную невр называл Тигренком. Во-первых, девушка считала себя настоящей тигрицей, опытной и искушенной. Во-вторых – она действительно обладала тигриным характером, только тигр ее был маленький. Он был ласковый и пушистый, нежный и теплый. Но, как и положено, тигр ее характера мог укунить. Даже играя, тигренок может сделать очень больно.

Влюбленный невр забыл об этом. Он любил без оглядки, истово и страстно. А Тигренок... Этого не знает никто, возможно даже она. Может быть, она любила, а может, только играла в новую интересную игру под названием любовь.

И, однажды, она ранила его. Ранила болезненно и сильно. Гурган и Тигренок расстались. Но в сердце невра по-прежнему жила любовь к пушистому и опасному созданию. Где-то в глубине его души жила безумная надежда на другой исход. Гурган отправился на мост между реальностями, где надеялся найти ответ на свой вопрос. Там он познакомился и подружился с рыцарями Ордена Тигровой Лилии.

Тигренок исчезла неизвестно куда. Говорят, она сошлась с какими-то демонами. Что она переживала, не знает никто. Вскоре произошли описываемые события. Тигренок, с ее редким, даже для одаренных, даром, была в опасности.

Невр надеялся, что Тигренок выполнит какую-то очень важную задачу у обелиска в храме Лели. Это каким-то образом было связано с редким даром девушки. Но, видимо, все пошло не так, как планировалось. На пути к Тигренку, Гном Небесный преодолел множество препятствий. Сколько раз ему пришлось биться с превосходящими силами каких-то вояк в шлемах в виде собачьих голов. Сколько на его пути попадалось странных существ, о некоторых он даже не слышал.

Не раз он задавал себе вопрос: откуда повывлезали эти создания жаждущие его смерти? Кто такие эти собакоголовые воины, с непонятным рвением стремящиеся убить именно его – Гнома Небесного. Ответов на эти вопросы Гном не знал, но догадывался, что все они связаны со всем, происходящим в мире и с его заданием в частности.

Из множества больших и маленьких стычек, Гном вряд ли сможет забыть лишь одну. Это случилось, когда, ассасин, наконец-то узнал, где искать Тигренка. Он был близок к цели своего путешествия. В ущелье, через которое пролегал путь рыцаря, произошел поединок, навсегда оставшийся в его памяти.

На узкую тропу меж валунами вышла демон по имени Арауке. Дело в том, что она не всегда была демоном, и раньше ее звали совсем по-другому.

– Привет, Мангуст, ты как прежде бродишь, спасая слабых и беззащитных? – приветствовала она путника – Не надоело?

– Арауке, почему-то мне кажется, ты знаешь, куда и зачем я иду – ответил Гном.

– Да, я не ошиблась. Ты все тот же рыцарь без страха и упрека. Жаль, что мне придется убить тебя.

– Лучше уйди с дороги, Арауке, не искушай меня.

– Ты упорно называешь меня Арауке, но ведь тебе известно и другое мое имя. Может, ты боишься произносить его?

– Нет, не боюсь. То имя тебе больше не принадлежит. Уйди с дороги, прошу, не искушай.

– Что ж, глупенький Гномик, придется опять утереть тебе сопли, как в старые времена – засмеялась с издевкой демон.

– Попробуй – печально произнес ассасин.

Арауке сняла с плеча большой лук, не спеша достала стрелу, прицелилась.

– Лови, Гномик! – крикнула она с насмешкой.

До самого последнего момента, ассасин не двигался с места. Он стоял как замороженный, будто окаменел. Когда казалось, что стрела достигнет цели, воин внезапно выкинул вперед левую руку и поймал стрелу на лету. Одновременно Гном выстрелил из арбалета, что держал в правой руке. Демон закрылась щитом, на мгновение, потеряв противника из виду. Когда она опустила щит, рыцаря на месте не оказалось.

– Да, Мангуст, вижу, реакция у тебя сохранилась. Но, ты опять хочешь сбежать, Гномик, напрасно надеешься, тебе не уйти.

Арауке отбросила лук, достала тяжелый метательный нож, и швырнула его в смутный силуэт Гнома, что почти сливался со скалой, на фоне которой он хотел укрыться.

– Гномик, не забывай, я одна из немногих, кого ты научил видеть невидимых.

Гном Небесный всячески уклонялся от боя, казалось, он боится. Удивительно было то, что, несмотря на полученные им ранения, ассасин не пытался поразить врага. Наконец Арауке загнала Гнома в тупик. Отступить было некуда.

– Попался, Мангуст! – торжествующе воскликнула демон.

Да, отступить было невозможно.

– Последний раз прошу, не искушай – раздраженно ответил Гном.

Арауке метнула еще один нож, который рыцарь без труда отбил щитом. Демон достала длинный узкий меч и медленно стала приближаться, злобная ухмылка не сходила с ее лица. Вдохнув, Гном Небесный метнул в нее нож, не пытаясь даже попасть. Как и следовало ожидать, атакующая без усилий отбила его. Ассасин достал свой короткий меч, закрываясь щитом, он начал кружить по небольшой площадке, оставшейся в его распоряжении. Арауке злобно хохотала, предвкушая победу. Внезапно Гном поскользнулся. Демон захохотала громче. Стараясь удержать равновесие, ассасин взмахнул рукой и выпустил меч. Лезвие вошло глубоко в грудь демона, поразив сердце.

– Вот и все, прощай любимая. Прощай и прости, я не хотел тебя убивать.

Гном Небесный засыпал тело камнями и продолжил путь. За оставшийся отрезок пути, он не проронил ни слова. Молча шел ассасин, не обращая внимания на встречных. В его голове засела одна единственная мысль – он убил свою любовь. Пусть она превратилась в демона. Пусть она желала смерти Гнома. Это была его любимая. Гнома постоянно грызли угрызения совести за то, что он не уберег невесту от коварных демонов, хоть рыцарь прекрасно понимал, что это было не в его силах.

Посланец Гургана с большим трудом нашел убежище Тигренка. Как и многие одаренные она была вынуждена затаиться. Тигренок не сумела воспользоваться своим даром, не устояла перед давлением окружающих, сдалась. Гном нашел Тигренка в небольшой пещере.

Несмотря на внешнюю неказистость, убежище, внутри оказалось довольно комфортным. Тигренок полулежала на огромном количестве подушек. Вокруг нее стояла троица демонов. Двух из стоящих Гном узнал.

Рыцарь, с невероятным трудом, достигнув цели, сразу понял – его миссия провалена. У Тигренка начисто отсутствовал интерес к Гургану. Равнодушие было такое, что даже Гном, которого это не касалось, почувствовал озноб. Возникло ощущение, будто сердце покрывается ледяным настом, даже стало трудно дышать.

Тигренок, даже не соизволила выслушать посланца. Ассасин предполагал, что она откажется идти к Обелиску. Но чтобы его даже не выслушали! Тут явно ощущалось влияние демонов. Гном начал злиться.

Чуткая женщина моментально уловила раздражение рыцаря.

– Послушай, Мангуст, ты ведь прекрасно понимал, что я никогда не откликнусь на зов того, кто погубил моего Алатея. Не злись, ступай к своему другу.

– Да, ступай к своему хозяину, шакалам вроде тебя, следует бегать за большими и сильными, иначе останешься голодным – насмешливо подхватил Сутасан. К громкому хохоту Седуктора и Убариди присоединилась и Тигренок.

Как ни странно, но этот хохот привел в себя Гнома. Гнев, закипающий в нем, исчез. Его место заняла холодная и жестокая жажда убить врагов. В помещении у Гнома шансов почти не было, к тому же не хотелось проливать кровь, пусть и мнимых, друзей Тигренка на глазах девушки. История с Алатеем могла повториться.

– Тигренок, я обращаюсь только к тебе. Я уйду, оставлю тебя наедине с этими, так называемыми друзьями. Что произойдет дальше, я догадываюсь. Сутасан и Седуктор, когда-то точно также окрутили мою невесту. По дороге к тебе, я убил демона, в которого она превратилась. Выбор всегда остается за тобой. Но прежде, чем решить, что лучше, подумай о своей роли в истории, которая произошла с тобой, Гурганом и Алатеем. Обвинять других легко, а невинна ли ты? – повернувшись к демонам, Гном продолжил – А вас, господа, я ожидаю увидеть в роще, что у подножья горы. Нанесенные оскорбления требуют сатисфакции²¹.

С этими словами, ассасин повернулся спиной к замолкшей троице, что окружала девушку, и нарочито не торопясь, не оглядываясь, направился к выходу.

– Не смей трогать моих друзей – прозвучал голос Тигренка, он дрожал.

Гном Небесный не поворачиваясь, поднял вверх указательный палец правой руки, как будто читал нравоучение и произнес громко и отчетливо: «Милая, я не Гурган, если

меня и гложет совесть, то не перед тобой. А эти... Эти заслуживают смерти. Я жду в роще».

Гном вышел из дома и направился к роще, приветливо раскинувшейся у подножья холма. Достигнув опушки, ассасин остановился и стал ждать. Враги обязательно выйдут, иначе Тигренок может в них разочароваться. Тем более, что трем демонам не сложно справиться с каким-то бродячим рыцарем.

Мангуст не ошибся в расчетах, коварная и наглая троица показалась на тропе, но ждать их пришлось неожиданно долго. Ассасин достал рог и протрубил вызов. Он вышел на открытое место, повторил вызов жестом меча и исчез. Демоны, встали как вкопанные, с оружием наизготовку. Только секунду назад на ровной пустынной поляне, поросшей мелкой травой стоял враг. Теперь ошеломленные бойцы видели пустую поляну.

Из пустоты вылетела стрела и вонзилась в щит Убариди. Мангуст не пытался убить врага, скорее он дал понять – бой начался.

Демоны не видели своего врага. Ассасин, оказался не настолько прост и самонадеян, когда бросал вызов трем могучим противникам. Единственное, что оставалось троице – это занять оборону. Демоны встали спиной один к другому и закрылись щитами. Облаченные в тяжелые сплошные доспехи, закрытые щитами, они были неприступны. Единственное незащищенное металлом место, прорези для глаз, было слишком мало, для нанесения удара. Мечи, выставленные перед импровизированной живой крепостью, описывали сплошную дугу, не позволяя противнику приблизиться. Все сражающиеся выжидали. Кто-то должен ошибиться.

Стрелы Гнома звенели об металл, не нанося вреда. Несколько брошенных ножей не достигли цели. Оставаясь невидимым, ассасин был недостижим для врагов. Станный бой, казалось, зашел в тупик.

Внезапно, меч Убариди лязгнул о металл и остановил свое движение. Прямо перед демоном возник Гном. Это он, своим мечом помешал движению смертоносной стали. В левой руке Менгуста оказалась стрела, которую тот моментально вонзил в глазницу шлема противника. Только такое узкое оружие могло пройти в узкое отверстие шлема, им и воспользовался Гном. Убариди рухнул.

Двое оставшиеся в живых тут же отреагировали на атаку. Быстро развернувшись, они нанесли удар по дерзкому врагу. Меч одного из врагов с грохотом ударил по щиту Мангуста. Удар второго принял меч. От удара, руку чуть не вывихнуло. Меч ассасина отлетел в сторону, меч демона разлетелся на куски. Гном повалился вперед, может только это и спасло его. Перекувыркнувшись через голову, рыцарь вскочил на ноги и метнул нож в Седуктора. Демон, стремясь поразить врага, слишком размахнулся и потерял равновесие. Стараясь удержаться на ногах, он отвел щит в сторону и открыл узкую щель между шлемом и кирасой. Нож Гнома поразил врага в горло.

Гном Небесный стоял перед Сутасаном, закрываясь небольшим круглым щитом, оружия у него не осталось. Демон отшвырнул в сторону обломок меча и щит. Он взял в руки огромный боевой молот, запасливо положенный перед битвой у своих ног.

Сугасана, иногда называли колебателем почвы. Он умел наносить удары, вызывающие сотрясение поверхности на несколько десятков метров вокруг. После таких ударов на поверхности оставались большие трещины и валуны. Устоять на ногах было просто невозможно. Демон высоко поднял молот и грохнул, что есть силы по земле.

Мангуст рухнул на колени, роняя щит. Демон, не теряя времени, бросился в атаку. Высоко подняв молот, он готов был сокрушить обезоруженного врага, лишённого подвижности. Гном был обречен.

Перед глазами Мангуста возникла щель между кирасой и шлемом демона, единственное уязвимое место. Сбросив щит с руки, Гном метнул его как диск. Вращающийся снаряд, острой кромкой начисто снес голову врага.

Тигренок.

Гном выскочил из дома с громким стуком. Задышающийся от раздражения посланник Волка, хлопнул дверью на прощание. Сидящая в подушках женщина не пошевелилась. На ее лице не дрогнула ни одна жилка. Сохраняя «непробиваемую» мину, она безучастно смотрела в пустоту.

Казалось, что в ее голове нет ни одной мысли, не одного чувства или, хоть, эмоции. Губы сидящей беззвучно шевелились. Если бы ее увидел кто-нибудь, умеющий читать по губам, он понял бы, что Тигренок просто ритмично повторяет какие-то странные звуки, не имеющие смысла.

Между тем, сердце внешне равнодушной красавицы сжалось с тоскливой и противной болью. Оно шептало хозяйке странные и непонятные вещи, оно тревожило душу. Несмотря на то, что лицо женщины было по-прежнему отрешенным, в ее голове внезапно возник бурный вихрь мыслей, воспоминаний и вопросов. Тигренок продолжала повторять и повторять ритмичные звуки, все громче и отчетливей. Она произносила какое-то заклинание или, быть может, молитву на неизвестном языке. Окажись рядом Волк, он без труда узнал бы мантру²², которой сам научил свою подругу – мантру любви.

Тигренок сидела, не меняя позы, но вокруг уже не было мягких подушек, и знакомых стен. Ее тело утопало в душистых травах, над головой в ветвях необычных деревьев щебетали птички.

Чья-то добрая рука коснулась волос женщины. От неожиданности она вздрогнула, но не испугалась. Наоборот, это прикосновение несло удивительный покой и радость. Девушка повернула голову и удивленно улыбнулась. Рука Учителя продолжала нежно гладить ее волосы. Его мягкая улыбка лучилась теплом и Любовью.

– Ты растеряна и не знаешь что делать?

– Учитель?! Я слышала о тебе. Ты прав, я совсем запуталась. Одни мои друзья сражаются за Любовь и сеют смерть вокруг себя. Другие отрицают Любовь вообще и, тоже убивают всех, кто им не подчиняется. И те, и другие сильные, но чего-то хотят от меня. А я – такая слабая.

– Ты вовсе не слабая. У тебя есть дар. Ты умеешь Любить и быть Любимой. Этот дар – великая сила. Ее нет ни у одного из твоих друзей, за исключением Лиллит³⁹. Ты владеешь даром Великой Любви. Это огромная сила и, одновременно, тяжелое бремя. Все зависит от того, как ты им воспользуешься, куда направишь.

– А, если я не хочу этого дара? Если он мне не нужен? Как быть?

– Он у тебя есть, но ты можешь от него отказаться. Все зависит от выбранного пути.

– Значит, если я пойду с рыцарями Ордена, то буду любить и убивать? А, если приму сторону тех, кого называют демонами, буду просто убивать? Не велик же у меня выбор.

– Выбор огромен. Приняв или отказавшись от своего дара, ты просто встанешь на один из возможных путей, и перед тобой вновь встанет выбор. Так будет длиться бесконечно потому, что приняв или отвергнув что-нибудь, мы изменяемся, и вместе с нами изменяется наш мир. Ты всегда свободна выбирать, но никогда не сможешь отказаться от этой свободы. Даже если ты решишь отказаться от свободы выбора, ты сделаешь это сама, и это тоже будет твой выбор.

– Это, как-то не укладывается в голове. Мне нужно время, чтобы понять сказанное тобою.

– Совершенно верно, иногда на понимание уходит вся жизнь, а то и ее не хватает. Впрочем, тебе так много времени не понадобится. У тебя есть Дар.

Озадаченная девушка внимательно посмотрела в глаза Учителя, несмело отвела взгляд, и, задумчиво уставилась в одну точку.

– У меня есть дар. У рыцарей Ордена тоже есть дар и они убивают. Демоны отказались от своего дара и тоже крушат все и всех. А я не хочу никому причинять вреда, я хочу жить в свое удовольствие.

– Не ты первая, кто этого захотел и, к сожалению не последняя. Невозможно жить, не влияя на окружающий мир, на людей. Даже полное бездействие может причинить вред или принести пользу другим. Все дело в выборе.

– Значит, мне все равно предстоит стать убийцей, как рыцари или демоны, или их жертвой. Я не хочу быть ни жестокой, ни беззащитной.

– Так получилось, что на Славной самыми преданными защитниками Великой Любви стали Рыцари Ордена. Но так не везде. Есть миры, где одаренные не жестоки и не беззащитны. Отказавшиеся от дара, становятся равнодушными и жестокими всегда.

– Почему же у нас произошло именно так?

– Ваша планета еще слишком молода, но она прекрасна. Люди одаренные Великим Эросом у вас еще не научились пользоваться своей силой. Опытные в вечной борьбе

демоны из других реальностей без труда взяли верх. Возможно, поэтому Великий Демиург и позволил карабиантам поселиться на Славной.

– Позволил одним убийцам воевать с другими, так что ли?

– Получается так.

– Так в чем же отличие рыцарей от демонов, если они всего-навсего убийцы?

– В выборе. Рыцари Ордена – карабианты. Они из расы, которая тысячелетиями растила превосходных солдат. Они воины еще до рождения. Тот Дар, что получают все дети, у них уничтожен еще в утробе матери. Это чудо, что среди расы солдат появились такие, как Рыцари Ордена. Они смогли сохранить свой дар и не отреклись от него. Все, что умеют карабианты – это воевать. Их учат этому с рождения. И никто не учит их Любить. Поэтому в вопросах любви все рыцари самоучки. Из-за этого они многого не понимают, или не знают как поступать иначе. Но они сделали выбор. Если уж воевать, то за добро, защищая тех, кто умеет любить по-настоящему. Кстати, многие их соплеменники и враги из расы джамуро, перешли на сторону демонов, стали наемниками.

– А Гурган, он же родился на Славной, а Змей Горыныч?

– Гурган – невр, то есть наполовину человек, на половину демон. Горыныч – просто монстр. Их тоже некому было учить любви, они самоучки. Заметь при этом, Гурган получил такую силу от Великого Эроса, что стал почти равен богам, живущим на планете. Он многому научился, в том числе и у тебя. Это он открыл твой Дар. Я, признаться, был удивлен, когда одной твоей фразы хватило, чтобы остановить невра от убийства Сутасана.

– Гном мне напомнил об этом. Я никак не пойму, убийство – это зло или нет.

– Убийство всегда зло – это путь к саморазрушению. Даже, если добрый убьет отъявленного негодяя и принесет всем добро, он одновременно породит новое зло.

– Как же быть?

– Этого не знает никто, кроме Создателя, но Он считает, что мы должны найти ответ сами. Тогда мы действительно станем подобны ему.

– Как ты?

– Я еще не настолько совершенен. Но у меня действительно одна сущность с Создателем – Великая Любовь. В этом я равен Ему.

– Ты равен Великому Эросу? Значит ты сильнее любого из наших богов. И ты позволил себя убить?

– Это мой путь Любви. Он называется самопожертвование.

– Ты, мог одолеть всех своих врагов и не стал этого делать. Я этого не понимаю. Рыцари, например, так не поступают. Они бьются со всеми врагами. Значит, они не способны на самопожертвование?

– На самопожертвование способны все одаренные. Те же рыцари знают, или, по крайней мере, догадываются, что их путь ведет к саморазрушению. Но они сделали свой выбор и готовы отдать жизнь за Великую Любовь. Быть может, они не правы в своих действиях, но они искренни в своих стремлениях. Они защищают добро от зла.

– Опять добро, зло, но что это такое, как их различить?

– До конца этого не знает никто. Но некоторые считают, что добро – это все то, что позволяет нам открывать и развивать наши лучшие качества. А зло – мешает нам.

– Убивать – это зло, ведь тогда мы кого-то лишаем возможности стать лучше. Мне кажется, самопожертвование тоже может быть злом, мы позволяем злодею стать еще хуже, и лишаем себя шанса развиваться дальше.

– Возможно, ты права. Кроме одного, самопожертвование – это путь к бессмертию. К тому же самопожертвование – это не обязательно смерть, ты можешь отказаться от чего-либо важного для тебя оной, принеся жертву ради добра многих. В любви главное это готовность пожертвовать чем угодно, даже отдать жизнь ради любимого человека. И поэтому, тот, кто любит, никогда не потребует таких жертв от любимого. В этом отличие рыцарей Ордена, готовых пожертвовать собой, от их врагов, которые приносят в жертву других.

– Тебя трудно понять, мне нужно время.

– Да, конечно, иди. Помни только о выборе, который тебе предстоит сделать.

Тигренок оглядела обстановку знакомого дома и развалилась на подушках, задумчиво уставившись в потолок. Сегодня она впервые была на мосту между реальностями без невра и в ней что-то изменилось.

Атака Гризли.

В то время, как Тигренок беседовала с Учителем, Гном Небесный, ассасин Ордена Тигровой Лилии, шел спасать плененного невра. На пути, то и дело, ему встречались поля сражений. Иногда это были следы мелких, но жестоких стычек. Чаще это были поля больших побоищ, усеянные павшими. Чем дальше продвигался Гном, тем чаще и ожесточеннее были битвы, следы которых он находил.

Как ни странно, за весь путь самому Гному пришлось сразиться лишь однажды. Ему встретился небольшой и изрядно потрепанный отряд собакоголовых, который двигался с юга. Что-то подсказывало ассасину, что этот отряд близко познакомился с Муравьем Разбойником.

Гном уже догадался, следы какой войны он встречает. Путь Атаки Гризли был отмечен ужасными вехами.

Наконец, путнику попала небольшая деревенька. Судя по местами разрушенному плетню и нескольким сгоревшим домам, она недавно подверглась нападению. Народ столпился у храма, что стоял в центре. Шел молебен. Гном направился к храму и, остановившись поодаль, стал ждать.

Когда церемония закончилась, в середину свободного от людей круга вышел жрец в черно-красном одеянии. С противоположной стороны, двое здоровенных детин вывели девушку. Глядя на нее, Гном назвал бы ее симпатичной, если бы не выражение безнадежного ужаса на лице, не усталая согнутая осанка и не изможденная походка. Девушка явно перенесла немало лишений и невзгод. Собравшиеся молча, провожали ее взглядами, не выражая ни сочувствия пленнице, ни одобрения происходившему.

Судя по обстановке и действующим в церемонии лицам, процесс над ведьмой подходил к концу. Гном решил, что пора вмешаться. Он протиснулся сквозь плотные ряды зевак и молча, направился к жрецу.

Не произнеся ни слова, рыцарь остановился перед священником и взглянул на девушку. Одного взгляда было достаточно для ассасина, чтобы понять: перед ним очередная жертва гонений на одаренных. Что-то, а уж тех, кто одарен даром Великого Эроса, рыцари Ордена узнавали безошибочно. Он повернулся к жрецу.

– Я, Гном Небесный, прозванный Мангустом, ассасин Ордена Тигровой Лилии, хотел бы узнать, в чем вина этой девушки.

– Дела нашего бога не касаются никого, кроме жителей Гората, однако я отвечу тебе. Эта особа – ведьма. Она заключила договор с демонами и отказалась выполнять его, чем подвергла опасности все селение. Ее грешная душа, одержимая странным пороком, нуждается в спасении. Мы предоставим ей шанс спастись, она назначена в жертву для очищения Гората, от гнева демонов. Ступай рыцарь прозванный Мангустом, не мешай правосудию нашего бога.

Гном Небесный бросил взгляд на приговоренную, что в ужасе куталась в серебристую накидку. Изображение тигровой лилии, бросилось в глаза рыцаря. Это был плащ Атаки Гризли. Кодекс чести Ордена требовал защиты всех одаренных.

– К сожалению, я не могу последовать вашему совету. Как рыцарь Ордена, созданного для защиты всех, кто одарен даром Великой Любви, я не могу допустить, чтобы свершилось задуманное вами. Девушка должна быть освобождена.

– Рыцарь, не бери на себя слишком много. Для спасения души этой несчастной, она должна быть сожжена, чтобы умиловить разгневанных демонов.

– Я, что-то не вижу каким образом можно спасти кого-либо, предав мученической смерти. Что же касается жертвоприношения людей в угоду демонам... Я, на вашем месте задумался бы, а не нуждаются ли в спасении ваши души.

Жрец, кивком головы, вызвал из храма трех вооруженных верзил, очевидно из храмовой стражи. Двое, конвоировавших жертву, оставили ее и приблизились к Гному. Тот оглядел подошедших и улыбнулся.

– Что ж, я всегда рад разумному подходу в вопросах веры и правосудия. Девушка свободна и пойдет со мной. Рад тому, что вы не сторонники излишнего насилия.

Ассасин повернулся к девушке и протянул руку, приглашая следовать за собой. Жрец аж полыхал от ярости и негодования. Этот самозванный защитник просто издевался. Такого не перенес бы ни один уважающий себя руководитель. Взмахом руки, жрец отправил в атаку охранников храма.

Гном Небесный, окинув быстрым взглядом окружающую толпу, убедился: зеваки не станут вмешиваться. Для этих равнодушных зрителей всего-навсего стало одним зрелищем больше. Мангуст достал меч и встал в оборонительную позицию.

Нескольких коротких взмахов было достаточно, чтобы обезоружить врагов. Охрана, в недоумении боязливо пятилась к жрецу, не получив ни единого ранения. Их руководитель словно сел на ежа, по крайней мере, такая мина появилась на лице священника. Гном, слегка помахивая мечом, предупреждая попытки возможных контратак, приблизился к потерявшему дар речи жрецу.

– Во избежание бессмысленного кровопролития, повторяю, что девушка, как одаренная Великой Любовью, находится под защитой Ордена. О чем свидетельствуют мои слова и плащ на ее плечах.

С этими словами Гном повернулся к девушке, взял ее под руку и медленно, не поворачиваясь, направился мимо опешившего жреца и охранников к выходу из кольца. Он наклонился к девушке и попросил показать дорогу к ее дому.

– Не бойся, ты действительно под охраной нашего Ордена. Плащ Атаки Гризли, на твоих плечах, будет лучшим свидетельством нашей протекции...

Речь ассасина была прервана на полуслове. Жрец сотворил какое-то знамение руками и начал произносить не то проклятие, не то заклинание на специфическом языке демонов.

Не отпуская руки девушки, Мангуст стремительно развернулся и нанес короткий удар кулаком в полуоткрытый подбородок жреца. Тот рухнул, страшные слова не были произнесены. Гном помахал рукой, оцепенело стоящим стражникам, изображая что-то среднее между салютом и прощанием, и продолжил путь к дому спасенной им ведьмы.

Некоторое время Гном и девушка шли молча. Рыцарь поддерживал ослабевшую спутницу, а та вела спасителя к своему жилищу, что стояло на окраине селения. Первые слова, услышанные Гномом, казалось, не были обращены ни к кому. Это были мысли вслух.

– Я словно пережила одно и то же событие во второй раз. Все повторилось почти точь-в-точь.

Гном озадаченно посмотрел на девушку, а та продолжила.

– Несколько дней назад в Горат явились три демона: Курза, Вахши и Инвазор. Они предъявили ультиматум старейшинам: или я добровольно отдам себя в их распоряжение, или селение будет уничтожено за укрывательство ведьмы. Не знаю, чем я так насолила этим демонам, я ведь даже не представляю, как колдовать и всякое такое.

Старейшины согласились без колебаний. Они прислали за мной стражу и привели к демонам. Те заставили подписать с ними договор, и заявили, что теперь я их собственность. Они велели приготовить меня для жертвоприношения, которое состоится через три дня. Старейшины в точности выполнили все их указания. Я была в ужасе, но ничего не могла поделать. Меня тщательно охраняли.

Ровно через три дня демоны явились вновь. Они притащили с собой всякие приспособления и странные штуки, якобы предназначенные для ритуала посвящения перед жертвоприношением. Когда я поняла, в чем будет заключаться ритуал, то пришла в ужас. Я отбивалась от стражников как могла, но те, злорадно улыбаясь, и отпуская всякие шуточки, тащили меня к демонам.

Вдруг я услышала сзади чей-то незнакомый голос. Но фраза, которую он произнес, была очень знакомой, как привет из далекой юности.

– Господа, я хочу, чтобы вы оставили эту девочку в покое.

Самое поразительное, что и ответ был тоже знаком.

– А больше ты ничего не хочешь, мальчик?

Три демона и все пять стражников храма бросили меня и повернулись в ту сторону, откуда прозвучала фраза. Я тоже повернула голову. Память меня не обманула, там стоял Атака Гризли.

– Я повторяю в последний раз, оставьте девочку в покое. Она находится под защитой Ордена Тигровой Лилии и моей личной.

– Да ты кто такой? – вскричал один из стражников.

Ответа не последовало, но демоны проявили большую осведомленность.

– Гризли, не лезь не в свое дело! Она ведьма и подписала договор. Все законно.

– Она не ведьма, а одаренная. Ваш договор я аннулирую. Кто-нибудь будет возражать?

Все восемь, окружавших меня воинов были не согласны с рыцарем. Они достали оружие и двинулись на храмовника.

Почему-то я всегда слышала, что Атака Гризли, самый беспощадный из рыцарей Тигровой Лилии. Но, ведь это не правда. Гризли даже не достал оружие. Он попросту набил морды всем восьмерым. Потом поднял за шиворот Инвазора и сказал: «Я знаю, ты главный в этой шайке. Заруби себе на носу и передай своим хозяевам, чтобы отвязались от девчонки. Это мое последнее предупреждение»

Так я во второй раз в жизни встретила этого рыцаря.

Девушка стала, почему-то печально задумчивой. Гном внимательно посмотрел на спутницу.

– Ты говоришь во второй раз, а когда был первый?

– Несколько лет назад. Когда закончилась война с гномами каннибалами, я была в столице. Там все только и говорили о Гризли Везунчике. Он был главным героем мечтаний всех девчонок. Его окружал ореол тайны. Слухи о его беспощадности, почти кровожадности, придавали пикантность образу рубаки-рыцаря.

Однажды я прогуливалась недалеко от дома, он стоял на окраине. Неожиданно ко мне пристали с десятков подвыпивших вооруженных парней. Возможно, это были подгулявшие солдаты имперской армии, может быть – разбойники. Ты же помнишь, тогда шаталось много разного сброда.

Я отбивалась, кусалась, царапалась, а эти придурки только ржали. Вдруг я увидела как поодаль прошел какой-то вооруженный человек. Он остановился, внимательно посмотрел на нас, и зашел в ближайший дом. Было ясно, что помощи от него не дождешься. Ясное дело, куда ему одному против десятка головорезов.

Вдруг, за моей спиной прозвучала фраза: «Господа, я хочу, чтобы вы оставили эту девочку в покое». Напавшие ответили ему: «А больше ты ничего не хочешь, мальчик?». Они достали оружие. Гризли стоял в простой одежде, свободного покроя, не вооруженный. Он их не убивал, просто набил морды. А потом отвел меня домой.

Такова была наша мимолетная и единственная встреча.

– Значит вот ты какая – Леванда. Вот из-за кого наш Везунчик был таким недоступным для женщин. Что ж, это на него так похоже.

Удивленная девушка посмотрела на Гнома так, как будто тот нес сущий бред.

– Перед уходом у нас с Гризли был странный разговор. Я никак не пойму, почему он так сказал.

– О чем вы говорили, если, конечно, это не секрет?

Девушка задумалась ненадолго, вспоминая и вновь переживая ту беседу.

Атака Гризли собрался уходить. Он встал, взял свою амуницию и повернулся к девушке.

– Береги себя. Я ни за что не хочу тебя потерять. Я просто не могу себе этого позволить.

– Разве можно потерять то, чего не было, нет, и никогда не будет?

– Можно. Прощай.

И Атака Гризли ушел, ни разу не обернувшись.

Леванда пересказала этот странный диалог спутнику. Тот, к удивлению девушки, не был ни удивлен, ни насмешлив.

– Все очень просто, Леванда. Когда два человека замечают друг друга, выделяя из общей безликой массы, между ними обязательно устанавливается какая-то связь. Как бы мимолетна не была первая встреча – она БЫЛА. Связь, которая возникла, не исчезнет никогда. Какой бы приятной или противной она не была – она всегда ЕСТЬ. До тех пор, пока живы эти люди, установившие связь между собой – она БУДЕТ. Будет, даже, если встретившиеся потеряют один другого, только тогда связь приносит ужасную боль. Поэтому, иногда, можно потерять то, чего не имел, не имеешь, и не будешь иметь. Гризли говорил об этом. То самое «будет» всегда оставляет крохотную надежду. Оборвать связь может только смерть, и то, если питающий надежду откажется от нее.

– Значит, если я захочу, связь оборвется? Нет! Я не хочу этого!

– Ты о чем? Я что-то не понимаю?

– Куда уж понятнее – Везунчик Гризли погиб!

Девушка иступленно выкрикнула последние слова и, неожиданно заплакала.

– Как погиб, этого не может быть?

– Может. Еще как может.

Когда храмовник покинул пределы Гората, все продолжалось как обычно. Его пытались задержать и остановить большие и маленькие отряды демонов и их приспешников. Успеха их затеи по-прежнему не имели. Гризли Везунчик неукротимо продвигался на помощь к Гургану.

До замка, где сидел в заточении невр, было уже рукой подать. Перед рыцарем возникли многочисленные отряды собакоголовых. Во главе их стояли его недавние знакомцы: Курза, Вахши и, конечно, Инвазор. Враги перекрывали единственную дорогу к замку. Атака Гризли окинул взглядом несметные полчища, стоявшие на пути. Видимо везение его кончилось. С таким количеством врагов не справится никто. «Вот и пришел мой час» – грустно подумал храмовник – «Что ж, облегчим дорогу идущим за мной»

Рыцарь храма достал рог и протрубил вызов. «Великая Любовь стоит того, чтобы умереть за нее, господа, лично я готов. А вы?» С издевательским смехом рыцарь храмовник начал последнюю атаку. Бросив в бой сразу все свои силы, демоны остановились поодаль у скалы судьбы.

Собственно говоря, это была вовсе не скала, а огромная глыба льда. Здесь в вечной мерзлоте огромный кусок льда, веками стоял на трех опорах, сохраняя равновесие буквально каким-то чудом. Под этой льдиной и готовились встретить врага троица демонов. Если он конечно дойдет.

Атака Гризли дошел. Каких усилий и трудов стоило ему пробиться сквозь полчища врагов, обратив их в бегство. К своему неудовольствию демоны увидели, что противник не получил ни единого серьезного ранения. Легендарная везучесть Гризли опять не

подвела. В отчаянии демоны рубили своих солдат, пытаясь заставить сражаться с неистовым храмовником, но тщетно.

Наконец, у скалы судьбы, их осталось четверо: рыцарь-храмовник, против трех демонов. Подробностей битвы не знает никто. Когда Леванда, на свой страх и риск, последовавшая за Гризли, приблизилась на расстояние, позволяющее видеть детали боя, Инвазор был уже убит. Гризли в стремительном броске атаковал Вахши и сразил его ударом топора. Курза, стоявший за спиной павшего демона, нанес какой-то магический удар. Струя адского пламени ударила в рыцаря.

Обладающий феноменальной реакцией и ловкостью Гризли увернулся от огня. Пламя ударило в основание скалы судьбы. Равновесие было нарушено, огромная глыба льда накрыла храмовника сзади. Разлетевшиеся осколки и волна воздуха отбросили Курзу далеко назад. Демон с трудом поднялся и, шатаясь, направился к замку.

– Демон добрался до замка. Именно он приказал принести меня в жертву, когда появился ты – закончила рассказ Леванда.

– Если ты помнишь все так подробно, если до сих пор переживаешь увиденное, вряд ли связь между тобой и Гризли оборвется, даже, несмотря на его гибель.

Гном Небесный довел девушку до дома и стал прощаться.

– Ничего не бойся. Ты под защитой Ордена и всех его рыцарей. Так хотел Атака Гризли, так, теперь хочу я.

Гном направился по дороге, по которой совсем недавно уходил рыцарь-храма, после почти таких же прощальных слов. Сердце Леванды екнуло, на глаза навернулись слезы. Ассасин продолжал путь, не заверченный другом. Он думал о нем.

Непревзойденный боец, везунчик, Атака Гризли, мог победить кого угодно. Он умудрялся выходить сухим из воды в таких битвах, в которых сложил бы голову не один Герой.

С видимым безрассудством, Гризли бросался на противников, сгубивших десятки богатырей и когда казалось, что он, в конце концов, свернет себе шею, непременно одерживал верх. Атака Гризли, пожалуй, единственный из рыцарей Ордена, кто бросал вызов даже бессмертным. И уж точно единственный, кто обращал в бегство богов.

Гном, продолжая путь, с каждым шагом видел подтверждение репутации своего друга. Врагов на своем пути ассасин встречал только мертвыми. Он даже со страхом начал прикидывать, где бы закончился его поход, будь он на месте неукротимого храмовника.

В течение нескольких последних часов пути, почти половину дня, вся дорога представляла собой одно поле боя. Создавалось впечатление, что этот отрезок Атака Гризли прорубал через плотные ряды противника.

Не удивительно, что сам Гном не встречал врагов. Те, кто не сбежал, лежали неподвижно там, где их настигал меч рыцаря-храмовника.

Наконец, вдалеке, показалась ровная снежная равнина, не покрытая телами павших. Как будто для того, чтобы подчеркнуть чистоту белого снега, перед самой равниной все пространство было усеяно телами. Черно-красного цвета было в избытке. В самом центре ослепительно блестели, до боли знакомые серебристые доспехи.

Гном приблизился. Окруженный грудой изрубленных тел, лицом вниз, неподвижно лежал рыцарь-храмовник Атака Гризли. Он был заключен в глыбу льда. Рядом валялся обломок его меча. В руке рыцарь сжимал боевой топор. Копья нигде видно не было, возможно сломалось раньше. Щита тоже не было, впрочем, в бою Гризли больше полагался на свою ловкость и реакцию, так, что щита могло и не быть вовсе.

Вот оно место, где кончилось везение бесстрашного воина. В холодной, ровной как стол, снежной пустыне закончил свой путь благородный рыцарь.

Как не спешил Гном, но он обязан был воздать почести павшему другу. Больше это сделать некому. Ритуал был краток. В качестве памятника в изголовье могилы, ассасин воткнул обломок меча, что верно служил своему хозяину. Вот и все, что получил славный боец за все свои невзгоды и подвиги.

Все мы, рано или поздно, закончим так. И не останется никаких следов нашего пребывания в этом мире. Грустная мысль посетила Гнома Небесного. Но сердце тот час возразило: «Нет, а как же память о наших делах? Останутся результаты наших побед и поражений. Они будут храниться в памяти живых, пусть даже без конкретных имен. Имена забудутся, но дела Ордена и его рыцарей останутся навсегда».

Шальная мысль проскочила в голове Гнома. Он озабоченно повернулся в сторону селения и подумал о Леванде. История слишком часто повторялась. Ассасин направился в направлении Гората.

У домика на окраине селения собралась толпа. Там были старейшины, жрец с храмовой стражей и, конечно, толпа зевак. Леванда удрученно смотрела по сторонам, ежась в окружении стражников. «Все повторяется снова и снова» – размышляла девушка. Ее уже не пугали страшные слова приговора, не грозно сопящий конвой. Отчаяние переросло в полную отрешенность от мира. Она смотрела на все происходящее так, будто все эти ужасные вещи происходят с кем-то другим. Девушка наблюдала и думала о Везунчике Гризли.

Жрец, выйдя впереди старейшин, вознес короткую молитву и прокричал приговор так, чтобы слышали все.

– Согласно договору, заключенному между Инвазором, Курзой и Вахши со стороны демонов, и селением Горат в лице его старейшин, ведьма Леванда отдана в распоряжение выше упомянутых демонов. В связи с тем, что ведьма, ранее добровольно

подписавшая договор, отказалась его выполнять, чем подвергла опасности и бедам селение Горат, последняя приговорена к смерти через сожжение на священном костре.

Грозно оглядев собравшихся зевак, не возникнет ли у какого-нибудь безумца желание возражать, жрец продолжил речь.

– Во избежание недоразумений добавлю, что слухи о том, что договор был признан незаконным и аннулирован рыцарем-храмовником Ордена Тигровой Лилии Атакой Гризли не соответствуют действительности. Упомянутый рыцарь может лично оспорить выше сказанное. Доказательством того, что договор сохраняет силу, является сам договор, который нам любезно предоставил достопочтимый Курза.

С этими словами жрец принял из рук демона свернутый пергамент и торжественно развернул его, демонстрируя публике. Тяжелый метательный нож рассек развернутый документ надвое, сорвав сургучную печать и пригвоздив ее к двери домика Леванды.

Гном Небесный протиснулся сквозь толпу зевак и направился к ошарашенному жрецу. На ходу он произносил речь, пародируя ранее услышанную.

– Досточтимые граждане Гората, во избежание недоразумений и дальнейшего недопонимания, вызванного неполнотой предоставленной вам информации, заявляю: Леванда находится под полной защитой Ордена Тигровой Лилии. Мой друг Атака Гризли официально объявил вам об этом,

Гном остановился перед старейшинами и продолжил.

– Совсем недавно, я уже говорил вам, что Леванда не ведьма, а одаренная Великим Даром девушка. Я, подтвердил слова моего друга Атаки Гризли, что она находится под защитой рыцарей нашего Ордена.

Ассасин повернулся к жрецу.

– Рыцарь-храма Атака Гризли, безусловно, лично подтвердил бы свои слова, но ваш достопочтенный друг Курза, видимо забыл упомянуть, что лично убил моего друга. К тому же, как я вижу, ваш достопочтимый друг не может предоставить оригинал договора, ввиду того, что его попросту нет. Клочки бумаги, которые вы держите в руках и осколок печати на двери несчастной девушки, вряд ли могут служить доказательством законности притязаний демона. Если, кто-либо из старейшин желает возразить, то я с радостью и вниманием выслушаю все их аргументы.

Гном обвел взглядом старейшин, посмотрел на жреца, перевел взгляд на стражников храма. Желających возражать, почему-то не было.

– Как я вижу, мои аргументы признаны достаточно убедительными. Чтобы избавить от соблазна в дальнейшем устраивать гонения на Леванду, я делаю официальное заявление от имени Ордена.

Рыцарь достал из сумки две тонкие пластины из неизвестного материала, такими пользовались на его родной планете для сохранения архивов. Он ткнул пальцем в

начальника храмовой стражи и жреца. Поинтересовавшись, как их зовут, Гном внес имена в пластины и повернулся к окружающим.

– Это договор Ордена Тигровой Лилии с двумя гражданами Гората. Два ваших жителя взяли на себя ответственность за жизнь и безопасность девушки по имени Леванда. С этой минуты они головой отвечают перед рыцарями Ордена. Я не столь благороден, как мой друг Атака Гризли. Я всего лишь ассасин, то есть профессиональный убийца, поэтому не столь щепетилен в выборе средств. Как говорится, с волками жить по-волчьи выть. Кстати, о волках оборотнях...

Гном Небесный повернулся к Курзе, что угрюмо наблюдал за происходящим.

– Милостивый достопочтенный Курза, вас, вероятно, ожидают с докладом в ледяном замке. Случилось так, что мне тоже необходимо попасть в этот замок, у меня встреча с другом, гостящим там. Боюсь, что мой друг уже злоупотребляет вашим гостеприимством. Я с радостью буду вашим попутчиком на этом пути полном опасностей и неожиданностей. Предваряя ваши благородные жесты, добавлю, что не приму никаких отказов.

Неторопливо подойдя к опешившему демону, рыцарь нежно обнял его за плечи и что-то шепнул на ухо. На лице Курзы появилась кислая мина. Не прощаясь ни с кем, оба путника направились по дороге к ледяному замку. Оставшиеся жители с удивлением провожали взглядом обнявшихся, как старые друзья путешественников.

Вскоре странные товарищи скрылись из виду. Что было дальше неизвестно. Курза пропал без вести.

Наконец выбившийся из сил Гном Небесный был близок к цели. Вдали показались ледяные стены незнакомого замка. Там, в холодных застенках, сидел на цепи невр. Вытащить Гургана любой ценой должен Гном. Вытащить во имя прошлого, во имя возможного будущего, во имя всего, что совершил его друг Атака Гризли, погибший в нескольких шагах от цели.

Даже если это не возможно, если против будет весь этот мир. Вытащить, даже если этого не захочет сам пленник. Вытащить в пику уставшему Любить Богу, наперекор не в меру расплодившимся демонам. Вопреки убивающему равнодушию и, невзирая на собственную слабость – Гном Небесный вытащит Гургана, чего бы это ни стоило.

Учитывая, что ассасин сейчас, чуть ли не вдвое слабее, чем был. Зная силу противника, Гном считал, что не годится даже в подметки Атаке Гризли, а тот не дошел. Задача была почти невыполнимая. Почти.

Гном Небесный – ассасин Ордена Тигровой Лилии, один из лучших. Он умел, как никто скрываться, наносить неожиданные, коварные удары, смертельные для врага. Для освобождения пленного друга этого должно хватить. А вдвоем с Гурганом они сделают даже невозможное.

Гном Небесный выбился из сил. Несмотря на нарастающую усталость, слабость, оставшуюся после длительного путешествия, он вырвал друга из ледяного плена. Даже

сильно ослабевший невр стоил не одну сотню воинов. Так что у двоих были неплохие шансы выбраться из переделки. Но...

Четырех друзей давно тревожило то обстоятельство, что их друг попал в плен. Они прекрасно знали возможности Гургана. Знали, что на сегодняшний день на всей планете были единицы богатырей, способных хотя бы противостоять невр. А победить его могли разве, что боги, и то не все.

Ответ оказался прозаичен и прост. Прежней силы у Гургана не осталось. Он просто утратил интерес к жизни. Нет, невр не помышлял о самоубийстве, он боролся. Но исчезла прежняя неодолимая жажда жизни, благодаря которой рыцарь был непобедим.

Одаренный когда-то Великим Эросом, человек-волк получил такой запас жизненных сил, которых хватило бы на десятки могучих героев. Всей своей Любовью он, подобно Богам, мог поддержать жизнь на небольшой планете.

И весь этот запас Великой Любви Гурган направил на свою подругу – Тигренку. Она встретила невра незадолго до происходящих событий. Вместе они путешествовали по Вселенной и между реальностями. Там рыцарь познакомился, а потом подружился с четырьмя рыцарями Ордена Тигровой Лилии. Это Гурган уговорил их поселиться на Славной. Благодаря Тигренку, сила его росла. Все было прекрасно.

А потом стало твориться что-то непонятное. Любовь в Мире стала катастрофически исчезать. Ее место заняла корысть и жестокость. В тех, кто не сберег свой дар, появились эгоизм и зависть. За ними пришла ненависть к иным. Мир медленно сходил с ума.

Одним из самых опасных и почти незаметных признаков надвигающейся катастрофы было растущее равнодушие ко всем и ко всему. Тигренка оказалась не готовой к борьбе с равнодушием, ее дар был еще слабо развит. Она сдалась равнодушию. Вся Гурганова одаренность разбилась вдребезги о его толстые стены. Место Любви в невре заняло разочарование.

Стремясь жить осмысленно, Гурган стал помогать другим одаренным. Любовь в Мире неуклонно исчезала, спасать иных и одаренных становилось все труднее. Неудачи усиливали разочарование и порождали злобу. Любовь в сердце рыцаря таяла и, вместе с ней, таяли его силы. В конце концов, он угодил в плен, сначала собственных демонов, а потом в ледяную тюрьму.

Плен принес новое разочарование, Гурган утратил веру в себя. Весть о неудаче Гнома Небесного окончательно сломила невра. Он стал безразличным ко всему.

Из-за полной утраты интереса к жизни Волк не только не мог помогать Гному, он стал обузой. Поэтому непонятно каким чудом Гном выбрался из ледяного замка. Еще большим чудом было то, что ассасин сумел дотащить апатичного друга до леса, в котором жил Пан¹⁷. Пан, бог лесов и полей, был старинным другом невра, он мог чем-нибудь помочь.

Когда спутники вошли в лес, они сразу услышали песнь сиринги²³. Гном направился на волшебные звуки, таща безучастного друга на себе.

Лесной бог.

Гном Небесный из последних сил двигался по направлению мелодии. Невр тащился следом. Они нашли Пана, сидящим на небольшой полянке и задумчиво играющим какой-то замысловатый мотив.

При виде путников музыкант умолк и поднялся навстречу, приветственно взметнув руки. «Я ждал вас друзья!» – воскликнул лесной бог, как показалось Гному не слишком весело.

Путники вошли в шатер Пана и сели у очага. Гном вкратце рассказал богу о своих злоключениях и проблеме с Гурганом. Невр безучастно смотрел в пустоту в странной полудреме.

Печальный бог тяжело вздохнул, всматриваясь в глаза гостей, и произнес: «Я, пожалуй, смогу вам помочь, но сначала должен рассказать одну важную историю».

Когда Великий Эрос позволил управлять своим миром другим Богам, очень скоро выяснилось, что новые хозяева не столь уж совершенны. Новые правители мира во всем были равны своему создателю. Единственно чего им не доставало – это избытка Великой Любви. Но, как известно, свято место пусто не бывает. Недостаток Великой Любви заменили большие и маленькие, безобидные и опасные страсти. Так получилось, что даже у самых совершенных из Богов, была своя черная сторона.

Могущество несовершенных хозяев планеты было практически безграничным. Потакая своим страстям, некоторые умудрились развить их до невероятных размеров. Стали возникать конфликты и, даже, войны бессмертных. Планета могла погибнуть от деяний тех, кто должен был ее оберегать.

Существующий Мир нужно было спасать. И тогда боги создали огромного зверя, видом напоминающего пса. Они вложили в него все, от чего должны были избавиться. Шухеде⁴⁵ – это имя, которым нарекли чудовищного пса, оно означает – конец всему.

С одной стороны имя означало, что в чудовищном псе нашли конец все пагубные страсти богов. С другой стороны, Шухеде получил такие дары от всех бессмертных, что его появление в любой из реальностей приведет к гибели всего.

Чтобы обезопасить миры от страшного Шухеде, боги заключили его в ледяной темнице. Для безопасности, вход в нее перенесли в противоположную сторону. Он скрыт в какой-то жаркой стране. Но даже из своего заточения пес порождает страшных демонов, которые несли в мир беды и разрушение.

Тогда боги обратились к Великому Эросу за помощью. И Великий помог своим созданиям. В первый и единственный раз Эрос принес в жертву одно из своих созданий.

Он усыпил Шухеде вечным сном и закрыл его темницу Великой Любовью, которая никогда не позволит проснуться чудовищу.

Все сегодняшние невзгоды вызваны тем, что Великий Эрос устал нас любить. Устал по вине жителей планеты. Сон пса в какой-то мере сохраняла Любовь всех одаренных на планете, но чем меньше их остается, тем сильнее становится Шухеде.

Гурган знает о какой-то связи Шухеде и Обелиска Славной, именно поэтому он и собирал всех в храме Лели. Но, как я вижу, невр выбыл из игры. Он слишком высоко взлетел на крыльях Любви. Но направленная на единственный и ненадежный объект, его одержимость не выдержала равнодушия. Гурган был свергнут с высот на твердую землю. Длительный плен у собакоголовых слуг Шухеде окончательно раздавил одаренность невра, место Любви заняло равнодушие.

К чему это привело – ты видишь. Без Гургана, никто из вас не сможет остановить приход Шухеде. Я знаю, чем вам помочь, я, все-таки тоже бог. Я принял свое решение. К сожалению, цену своего решения я тоже знаю.

С этими словами Пан подошел к безучастному невр и что-то прошептал ему на ухо. Гном посмотрел на спутника – никаких перемен. Ассасин вопросительно взглянул на повелителя природы – тот спокойно улыбался.

– Скажи, Пан, почему ты помогаешь Гургану, зачем отдаешь свой Дар, какую цену тебе придется платить?

Лесной бог печально улыбнулся.

– У нас есть немного времени, пока наш друг придет в себя. Я расскажу тебе свою историю, тогда поймешь все сам.

Пан и Сиринга.

Еще древние греки утверждали, что Пан погубил Сирингу и обрек себя на страдания. Но дело в том, что история эта произошла давно. Уже первые известные нам рассказчики передавали ее с чужих слов.

События эти произошли в те далекие времена, когда Олимпийские боги²⁴ создавали свой мир. Они только что победили неумолимое время – Кроноса и его титанов²⁵. Потомки богов и людей – Герои²⁶ совершали свои самые первые подвиги.

Боги обживали Землю и Небо. В лесах, в морях, в горах, в пустынях, всюду можно было встретить кого-нибудь из бессмертных в сопровождении свиты. Разношерстные компании сновали по всему миру. Иногда эти процессии объединялись, иногда к ним присоединялись одинокие путешественники. Те, кто хотел перемен покидали своих товарищей на время или навсегда и уходили в поисках новых впечатлений. Одним словом, было настоящее утро планеты.

В одно время к свите бога-пьяницы и балагура Диониса присоединился не менее беспокойный и буйный Пан. Этому владыке лесов, покровителю пастушьих стад, умеющему наводить ужас на самих Олимпийцев, захотелось веселья и развлечений. А где

же найти их, как не у бога виноделия. Там вина льются рекой, там веселье и буйство бьет через край, там прекрасные нимфы²⁷, доступные вакханки²⁸, там бесшабашные сатиры²⁹, там друг Силен – мудрый алкоголик, воспитатель самого Диониса.

Дело в том, что все последнее время Пан провел в поисках ответов на свои вопросы. Лесной бог размышлял о будущем, о том каким будет мир, созданный новыми богами, будет ли этот мир отличаться от прежнего хаоса. Хаос – это тот порядок мироздания, который был разрушен при сотворении нового мира. Пана интересовало, был ли тот мир хуже нынешнего. Пан размышлял о своем месте в новом мире. По могуществу и возможностям, по обширности владений и функций Пан не уступал, пожалуй, не одному Олимпийцу, а многих даже превосходил. Вот приверженцев и поклонников у него поменьше.

В поисках ответов на свои вопросы Пан обращался к самым древним, самым могучим богам, к тем которые стояли еще у истоков мироздания. В конце концов, он обратился к самому первому, самому главному, к тому, с кого все началось. Молодой бог-философ обратился к Эросу. Не к тому, которого мы знаем сейчас, маленькому шалуны³⁰ с воробыиными крылышками, а к тому, что породил всех богов и богинь, создал мир по своему образу и подобию и населил его. А потом, почему-то оставил свое детище, отдав его другим богам, и больше не интересовался, что происходит с его созданием. Этот вопрос тоже интересовал Пана.

О своей встрече с Самим, пытливый почемучка никому не рассказывал. Ответов на свои вопросы он тоже не получил. Зато Великий Эрос одарил его частицей Вселенской Любви. Так всегда происходит с теми, кто встречается этого Великого Бога.

В душе Пана поселилось беспокойство и сумбур. Желаемого он не получил, зато приобрел новые проблемы, которые тоже нужно как-то решать. В попытке освободиться от всего груза разом, Пан пришел к Дионису, пытаясь утопить все проблемы в безумном прожигании жизни.

Спустя некоторое время, к свите Диониса присоединился еще один бог. Охотница Артемида присоединилась к веселому Дионису, чтобы поучаствовать в его бесшабашных вакханалиях. Однако вскоре ей надоела безудержная веселость спутников Диониса. Артемида удалилась на Олимп, погостить у своего отца Зевса. Свите же своей, богиня позволила продолжить веселую жизнь вакханок.

Жизнь вакханок применительно к спутницам Артемиды – сильно сказано. Все-таки они были подвержены одной страсти – охоте. Также как их богиня, они были горды и неприступны, строгого поведения, очень дорожили своими привычками.

Пан был слегка удивлен переменами, царившими в компании Диониса и его спутников. Дело в том, что Дионис, как всегда непоследовательный и импульсивный, азартный и увлекающийся, нашел развлечение в том, что решил ввести строгие нравы охотниц Артемиды среди своих сотоварищей. Естественно сделать вакханку целомудренной поклонницей Великой Охотницы было невозможно. Да, в общем-то, никто и не собирался. Но каких-то перемен в обеих свитах Дионис добился, бог как-никак.

Его приятель Силен, не выдержав, слишком жестких порядков покинул своего воспитанника. Перед уходом он заявил, что покидает Вакха до тех пор, пока мозги у последнего не встанут на место. Силен ушел в неизвестном направлении. Где искать бунтаря рассерженный Дионис не знал и не хотел знать.

Пан встал перед выбором: искать Силена и скучать с ним вдвоем; пойти на поиски другой компании или собрать свою; а может остаться. Взвесив все за и против, козлоногий бог решил остаться с Дионисом. Если в своей новой ипостаси бог-винодел был и не буен, но зато весел. В крайнем случае, сатиры здесь, нимфы рядом и вино не иссякло.

Пану даже понравилось поначалу тихое веселье необычной команды. Он иногда отдыхал в компании сатиров, иногда пировал с Дионисом. Бог завел знакомство с несколькими нимфами и часто болтал с ними. Он рассказывал им тайны мироздания, раскрывал красоту поэзии. Он окрылял их мечты, отправлял в полет их фантазии. Иногда, чтобы порадовать своих подруг, он творил маленькие чудеса.

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы уставшая душа бога получила отдых и умиротворения. Его уже не тянуло в страстные любовные игры сатиров, его не манило безудержное веселье. Пан нашел прелесть в спокойствии. Иногда, для встряски, он участвовал в безумных затеях Диониса, но всегда относился к ним с большой долей иронии.

Вернувшийся к товарищам Пан был окрылен Любовью. Это была всеобъемлющая, направленная на весь Мир Большая Любовь. Во время своего путешествия Лесной Бог успешно избежал встреч с кем-либо. Поэтому дар, полученный им вместо ответов на вопросы, не обрел воплощения ни в ком.

Но продолжаться вечно так не могло. Рано или поздно Пан встретит ту, что будет достойна его любви. Все-таки это был могучий Бог Природы. Он сумел укротить и даже ослабить силу приятного и опасного подарка, он научился управлять им. Однако за это пришлось заплатить своим веселым, компанейским, отчасти бесшабашным характером. Чтобы не наделать глупостей, даже бог должен от чего-нибудь отказаться. Пан перестал участвовать в веселых гуляньях спутников Диониса и Артемиды. Перестал интересоваться нимфами прекрасными и игривыми. Только изредка он мог позволить себе расслабиться на очень короткое время. Все свободное время Пан проводил в размышлениях в своем шатре.

А вокруг, по-прежнему шло веселье: вино лилось рекой, нимфы, сатиры веселились и флиртовали, Дионис проводил эксперименты, Артемида отдыхала на Олимпе. В компании нимф, собравшихся вокруг меха с прекрасным молодым вином, шел обычный веселый разговор ни о чем. Некоторых из собеседниц заинтересовало необычное поведение нелюдимого сатира, живущего в отдельном шатре. Дело в том, что эти нимфы были из свиты Артемиды и плохо знали Пана. Они принимали его за обычного сатира, а эти игривые, вечно хмельные парни были очень падки до нимф. Стоило чуть поманить их, как веселое приключение было гарантировано.

Захмелевшие нимфы никак не могли смириться, что один из этих славных ребят одиноко скучает в своем шатре. Одна из самых веселых и рискованных, даже предложила сыграть в их любимую игру – «охота» на сатира. «Так как этот сатир через чур, серьезен, ты и займись им.» – тут же согласились подружки нимфы.

Пан отдыхал душой, его не тревожили мысли, он отправился в полет безудержных фантазий. Вдруг, полог его шатра откинулся, и вошла прекрасная нимфа. Звали ее Сиринга. Вошедшая была слегка навеселе, грезящий бог сразу обратил на это внимание. Визит неожиданной гостьи слегка ошарашил и ошеломил Пана. Именно эту нимфу романтический владыка стада давно заметил среди охотниц Артемиды, именно в нее он тайно был влюблен. «Великий Эрос, не твои ли это проделки? Ты что, вновь решил обратить свой взор на свой Мир, решил развлечься?» – мелькнуло в голове Пана.

Возможно, это была правда, а скорее всего, Пан просто ждал удобного случая. И теперь решил, что незачем противиться тому, что свершается само. Может быть, сыграла роль его расслабленная нега. Но Пан не только не отверг заигрывания Сиринги, а напротив, стал поощрять их. И был веселый вечер, и была ночь. И этой ночью было все и не было ничего. Той ночью Пан понял, что хочет от Сиринги совсем не того, чего искал в других нимфах. Флирта, развлечений он мог получить сколько угодно и от кого угодно. Но от Сиринги он не хотел получать ничего, он хотел ей отдавать. Ему нужна была Сиринга, но вся: с ее прекрасным телом, с ее неприступной душой, с ее характером охотницы.

После той памятной ночи, когда звезды легли так неожиданно для Пана, он долго размышлял. И были еще встречи. И пилось вино. И много времени Пан и Сиринга провели наедине.

Теперь уже была озадачена, а возможно и ошеломлена Сиринга. Столько времени провести вместе и только говорить, говорить, говорить... Нимфа, «охотившаяся на сатира» была растеряна. Когда он неожиданно открыл ей свою большую любовь, то возможно не просто выбил ее из привычной колеи, а испугал. Кто знает?

Одно смущало Пана, свободно и расковано, нимфа вела себя только под действием алкоголя. В обычном же состоянии Сиринга очень дорожила мнением своих подружок-охотниц. По крайней мере, встречи их становились все реже и все короче. В конце концов, они стали мимолетными, такими короткими, что невозможно было перекинуться парой слов. Теперь Пан и Сиринга встречались только случайно и только мельком.

Козлоногий Бог поначалу страдал, потом смирился. Спустя некоторое время он понял, что так и должно было произойти. Пан расхохотался. Нескромные ночные духи заглянули тайком в мысли лесного бога. Они никогда не видели, чтобы после расставания с любимыми так веселились. Духи заглянули, ничего не поняли, и ретировались в полном недоумении.

А непонятное веселье Пана было вызвано вот чем. Он неожиданно увидел, что его отношения с Сирингой были необычны. Пан и Сиринга, как два героя вели долгий поединок. В этом поединке каждый хотел добиться своей цели и принудить принять ее

оппонента. Смешно было уже то, что не один поединщик не представлял толком чего добивается. Как и не знал того, что будет делать со своей победой, если, вдруг, победит.

На протяжении всего поединка, оба «бойца» активно сражались. Но при этом, ни один из сражающихся не хотел победить. Победа одного несла боль другому, а это было недопустимо. Оба «соперника» не хотели даже случайно ранить друг друга. Победить было возможно, только, если один из сражающихся сдастся. Но оба вели бескомпромиссную борьбу, о сдаче не могло быть и речи.

Пан понял, что и победа, и поражение в этом странном поединке для него были поражением. Что бы ни произошло, он терял Сирингу. Перед самым прощанием Великий Эрос предупредил, что его дар может принести счастье, а может и боль. Что ж Пану достался второй вариант. Но он был Бог, окрыленный Бог. Чтобы заполнить пустоту в своей душе Пан создал особую свирель, которой дал имя своей возлюбленной. С ее помощью он стал создавать свой собственный мир, чем уподобился Великому Эросу, несмотря на то, что это был мир его иллюзий.

Единственное от чего он не смог избавиться – это мучительная тоска и боль в глубине сердца, которые накатывали всякий раз, при воспоминании о Сиринге. Он никак не хотел принять правду о том времени. Он гнал ее. Он хотел жить со своими иллюзиями, а те порождали ему демонов.

В такие минуты Пан играл на сиринге и уходил от реальности в свой мир населенный демонами и фантазиями. А нимфа с таким же именем ушла вместе со спутницами вслед за Великой Охотницей. У нее остались ее собственные демоны. Больше она не «охотилась» на Пана.

– Я все глубже погружался в мир своих демонов и терял связь с реальностью. В чем-то я стал подобен демону. Меня даже стали путать, иногда, с дьяволом. Но мне повезло, я встретил Гургана. Он рассказал мне историю проклятого ангела. Он втянул меня в свои благородные приключения. Невр привел меня в Орден Тигровой Лилии, там я опять обрел себя. Пришло время вернуть мой долг другу. Я передал Гургану свой дар, он принес мне страдание, так пусть поможет вам – закончил Пан.

И произошло чудо. В глазах рыцаря появился прежний живой блеск. На глазах, к нему возвращались его стать и сила. Невр превращался в прежнего непобедимого и почти всесильного Героя.

Пан тяжело вздохнул. Это был вздох не то печали по утерянной тоске, не то облегчения от тяжелого бремени. Он обратился к Гному, протягивая свою свирель: «Возьми сирингу, пусть она поет вам во время пути».

– А теперь, друзья, спешите. Я знаю, собакоголовые близко. В путь, рыцари, остановите Пса. А я, что ж, я слишком долго тосковал о несбыточном. Пора напомнить миру кто такой Пан. Я задержу ваших врагов. Посмотрим, как понравится собакоголовым панический страх.

На краю поляны стали появляться воины в шлемах в виде собачьих голов. Гурган и Гном Небесный спешно удалялись в противоположном направлении. Их ждал долгий путь. Сирина пела торжественно и, почему-то, печально. Всю дорогу ассасин ломал голову, какую цену заплатил лесной бог и что за слова он сказал невру?

Из шатра в центре поляны вышел козлоногий бог с маленькими рожками на голове. Зловещий хохот лесного божества потряс окружающий лес. Пан достал из-за спины два огромных топора. Собакоголовые дрогнули и остановились.

Два рыцаря Ордена Тигровой Лилии быстро удалялись от шатра. Пана. Они слышали его хохот. Они слышали шум битвы. Лязг металла, вопли умирающих и жуткий смех лесного бога создавали ужасную какофонию.

В противовес этому насилию над слухом сирина пела тревожную и мелодичную песню, пронизанную тихой печалью. Казалось, флейта прощается и одновременно просит прощения у Пана за некогда совершенную ошибку.

Шум битвы становился все тише и тише и, вскоре совсем исчез. Беглецы удалились слишком далеко от места кровавой драмы. Только сирина продолжала петь. Ее песня мягко, но настойчиво резала мирные звуки окружающего леса. И, вдруг, песня оборвалась. Рыцари остановились и в недоумении переглянулись.

Ответ на немой вопрос они почувствовали одновременно. Битва закончилась. Гном, внезапно понял, что ценой спасения друга было бессмертие Пана. Бог-страдалец отдал свою жизнь.

Прощай, Великий Пан. Ты посвятил всю свою жизнь единственной и неповторимой Любви. Ты отдал свое бессмертие для спасения Великой Любви. Ты был самым великим Богом на планете. Ты единственный из богов знал что такое Любить, Страдать и Жертвовать собой.

Не имея возможности отдать последние почести Богу-герою, друзья похоронили навеки умолкшую флейту. Отсалютовав павшему богу, рыцари покинули печальное место, чтобы больше никогда сюда не вернуться.

С тех пор среди лесистых холмов в день гибели Пана слышали печальную и торжественную мелодию, которую издавали все растения, все птицы и вообще все, кто мог издавать хоть какие-то звуки. Песнь была удивительно гармоничной. В мелодии ее звучала тоска и просьба о прощении за некогда совершенную ошибку. Но была в ней и радость освобождения от тяжелого бремени. Те, кто ее слышал, уже никогда не мог совершить подлость, не мог поступить бесчестно, не мог предать.

Гурган и Гном добрались, наконец, до тропы, ведущей к храму Космической Любви. Они увидели остатки бивака, устроенного Дхене и его спутниками, где совсем недавно отдыхал Муравей Разбойник.

Место было удобным, и друзья решили задержаться, чтобы отдохнуть. Что ждет их впереди неизвестно, а сил после долгого опасного пути поубавилось.

Сидя у костра, Гном, наконец-то решился спросить о словах, которые Пан сказал другу.

– Ты не поверишь, но это прописные истины. Пан сказал²⁶, что для настоящей любви взаимность не обязательна. Он сказал, что настоящая любовь – это единство с другим, при полном сохранении своей индивидуальности. И еще он сказал, что любовь – это единственный дорогой человек; это ты – мой друг; это ты – незнакомец; это все живое, окружающее нас. Потом добавил, что если тебя не любят – это всего, лишь неудача, если ты не любишь – вот это настоящее несчастье. А если хочешь иметь то, что никогда не имел, сделай то, чего никогда не делал

– Немного запутано, но мы действительно знаем, о чем речь – ответил Гном – Жаль, что мы забываем эти простые мысли как раз тогда, когда наступает время их понять. И попадаем в собственные ловушки. С тобой так и произошло?

– Да – вздохнул невр – и я зашел слишком далеко... Это стоило Пану бессмертия... Это моя, и, только моя вина... Теперь – это будет моим крестом...

Гном промолчал, ему почему-то вспомнилась Арауке.

Мишка Ушастик.

Мишка Ушастик устало поднимался вверх по тропе, что серпантином опоясывала скалу. На самом верху скалы была ровная площадка с единственным входом. На площадке ютился небольшой каменный домик. По сведениям Мишки в этом домике обитала Лиллит.

Лиллит, была невестой одного из рыцарей Ордена. Когда-то он отдал свою жизнь ради своей любимой. Эту историю вспоминал Мишка во время долгого подъема.

Сказка о Змее Горыныче и Маленьком Гноме.

История эта произошла давным-давно в одной уже забытой стране. Земля ее была изобильна. Текли в ней молочные реки с кисельными берегами, с неба падала манна. Народ, живший в ней, был очень горд своей родиной. Еще бы, люди со всего света съезжались сюда за провизией. Все ее жители были счастливы. Развивались искусства, ремесла, науки. Изобилие позволяло жить хорошо, и не напрягаясь.

Наша история началась гораздо позже тех славных времен. В стране этой появился Змей. Не просто Змей, а трехголовый – настоящий потомственный Горыныч. В землях этих Горынычи не водились, но о них слыхивали.

Прибыл гость из соседнего полудикого государства, большого, богатого, но беспокойного. Как раз там и жить драконам разных мастей. Драконы там и вправду были. Но тоже не кишели как муравьи.

В нашей же стране любой завалящий дракон был в диковинку. А Змей Горыныч был не просто диковинка. В своем кругу, среди драконов, считали, что Горыныч подает большие надежды. Одним словом, перспективный дракон. Однако при этом иногда вздыхали: «Странноватый он какой-то».

Змей Горыныч и вправду был необычного для дракона поведения. Нормальные драконы были свирепыми, расчетливыми и деловыми, при этом неразборчивыми в средствах. Самое главное, все драконы были вспыльчивы и взрывоопасно раздражительны. Основным занятием драконов было жечь, бить и жрать богатырей, и таскать девок (и тех и других без разбора). Злодействовали просто так, от скверности характера.

Змей Горыныч отличался, прежде всего, щепетильностью. Старался, чтобы все, что он делал, было по совести. Не то, чтобы характер у него был ангельский, дракон все-таки, но любил справедливость.

Горыныч терпеть не мог насилия, особенно чрезмерного, не выносил бессмысленной жестокости. Витязей, правда, пожевал не мало, аж изжогу заработал, да зубы о доспехи повредил. Потом долго лечил их у зубных дел мастера и, с тех пор берег. Но витязей бил, скорее по необходимости, самых задиристых и свирепых, что не одному дракону рога пообломали, да и сами от драконов нравом не отличались. Сирот не обижал, с добрыми молодцами дружил, не одну чару вместе выпили, разбойников шебутных³¹ да татей³² вместе изводили.

По причине природного неприятия насилия девок не таскал вовсе. Змей любил женщин, часто общался с нами и (ужас!) мечтал о настоящей любви (это дракон-то!?). Самое неприятное для соплеменников – Змей Горыныч пытался контролировать и обуздать свой драконий характер.

Дело в том, что характером драконов управляют две стихии: огня и воды. Эти стихии и делают драконье племя взрывоопасно вспыльчивым. Но, как говорится, семья не без уroda.... В Змее Горыныче уживались целых четыре стихии.

В главной центральной голове обитал огонь. Он делал Горыныча горячим, отважным и агрессивным.

В правой голове нашла пристанище вода. Она давала Змею напор, силу и ясность мысли.

Такое сочетание было вполне обычно для дракона.

В левой же голове нашего персонажа обитала стихия... воздуха. Это уже не вписывалось в обычные рамки драконьего нрава. Из-за воздуха у нашего необычного монстра появился полет фантазии и возвышенность чувств. Все это было очень основательно наэлектризовано.

Если бы на этом все, дракон получился бы, хоть куда, даже, пожалуй, опаснее и страшнее всех вместе взятых. Но, к сожалению, в сердце нашего героя тоже обитала стихия (у настоящих драконов сердце всегда пустое). Это была стихия земли. Земля несла в себе спокойствие, самоотдачу и (о, ужас!) любовь.

Таким образом, и сложился у Змея Горыныча характер пылкого романтика идеалиста.

Вот такой субъект появился в славной стране. Причина его приезда была проста: надоело ему изображать свирепого монстра, не по душе ему была такая роль. Вот и решил Змей Горыныч пожить в стране, о чудесах которой слышал много сказок с детства. А, если повезет, то и остаться в ней навсегда.

Приехав в сказочную страну, наш путешественник сразу обратил внимание, что ни рек с кисельными берегами, ни манны не видно. Возможно, они были в другом конце государства, а может быть, их посторонним не показывали. И люди почему-то не сияли от счастья. Поразмыслив, Змей решил, что так, вероятно, и должно быть. Сами подумайте можно ли сиять от счастья всю жизнь, даже к счастью привыкаешь.

Одним словом, решил Горыныч тут осесть, пожить, узнать все и, конечно, стать счастливым.

Не знал Змей Горыныч, что еще много лет назад, когда в стране было изобилие, произошли в чудесной стране перемены. Ты помнишь, что население страны очень ей гордилось. Так вот, с людьми стали происходить странные перемены.

Одних от гордости так распирало, что стали они похожи на пузыри, огромные пузыри. Их носило ветром, шарахало из стороны в сторону. Благодаря своим огромным размерам, они стали заправлять всеми делами в стране. Но скоро, очень скоро, все они лопнули, как пузыри, обычные мыльные пузыри.

В память о них осталась только одна, может даже разумная, идея: «Все эти богатства мы не делаем, а просто имеем, но они могут кончиться». От таких мыслей остальное население страны занялось самоуничижением в своем ничтожестве. Их души, а у некоторых и тела, стали мельчать. В головах у них появились мелкие мыслишки.

Оказалось, что те из людей, у кого мельчали тела, приобрели невероятную их крепость и силу. Сначала они захватили власть, потом спрятали от народа все сокровища страны. Дальше больше, они объявили все это своим, стали продавать и выделять «заслуживающим» то, что еще совсем недавно принадлежало всем.

Ко времени появления в стране Змея Горыныча, а, следовательно, и начала нашей истории, людей в ней почти не осталось. Всем заправляли гномы, жили в основном сказики³³. Сказики очень похожи на людей, но из-за постоянной привычки приспособливаться и пресмыкаться стали мягкотелыми, пластичными и почти бесхребетными.

Змей Горыныч всего этого не знал. Это была государственная тайна. Поскольку Змей был прирожденный воин, он поступил на службу к самому главному в стране Маленькому Гному.

Чтобы прояснить ситуацию расскажу немного о гномах. Прежде всего, гномы бывают разные. Всем известны подземные гномы, которые добывают сокровища и ревностно стерегут их. Мало кто знает, что существуют гномы лесные, полевые, луговые и, даже домовые. В общем, гномы эти живут повсюду. Они берегут занимаемые ими территории от любых посягательств. Совсем немногие знают о гномах небесных³⁴, которые посвятили себя охране добра и справедливости.

Охраняя свои территории, гномы естественно следили за порядком на них. Вот из-за этого и случилась беда. Некоторые гномы решили, что только они знают, что можно, а чего нельзя. Эти гномы стали поучать всех остальных. Поскольку гномы обладали большой силой и волшебными возможностями, они легко убедили мягкотелых сказиков в своей правоте. Тех, кто спорил – наказывали. Со временем все подчинились таким гномам. Мы знаем их под именем гномов-каннибалов³⁵.

Внешне гномы-каннибалы мало отличаются от других. Но их легко узнать, если внимательно присмотреться. Как только вы увидите «самого умного», вспыльчивого и нетерпимого к другим субъекта, стоит присмотреться к нему. Если он считает, что только ему известна истина в последней инстанции, только он знает как должно быть, только ему ведомо, что можно, а чего нельзя, если он считает окружающих круглыми дураками; знайте – это каннибал.

Жаль только, что гномы-каннибалы умеют себя преподнести, красиво подать и даже вызвать к себе всеобщую любовь. Именно поэтому сказики так охотно подчиняются каннибалам, тем более что все сделанное гномом-каннибалом кажется разумным, добропорядочным и полным здравого смысла. Подкупает здравомыслие таких гномов.

Сказики не знают, что здравый смысл всегда рядом и на виду, а Большой смысл, Главный смысл – всегда далеко и путь к нему всегда труден и беспокоен иногда, даже опасен. Они забыли, что важен Главный, Большой смысл, а здравый – только помогает выжить.

Так вот, Маленький Гном, к которому поступил на службу Змей Горыныч, как раз был из каннибалов, одним из самых главных и сильных. Мало кто мог соперничать с ним в коварстве, умении обмануть, обольстить, втереться в доверие, а потом, если надо, вонзить нож в спину. Этот гном обладал большой силой, поэтому и в открытом бою с ним мало кто мог справиться. А поскольку Маленький Гном сумел очаровать огромное количество витязей, богатырей и могучих монстров, меряться с ним силой было равносильно самоубийству.

Змея Горыныча Маленький Гном тоже очаровал, умел он это делать. Горыныч со всей своей романтической отвагой беззаветно служил своему боссу. Обмануть романтического служаку оказалось просто. Маленький Гном посылал Змея на борьбу с самыми отпетыми, самыми жестокими злодеями, от которых земля стонала. Так он устранял конкурентов. Когда же Змей Горыныч полностью доверился Гному, тот смог посылать его на предприятия более сомнительного характера. Одно смущало Маленького Гнома – необходимость постоянно убеждать дракона, что все его подвиги совершаются во имя добра и справедливости. Горыныч и пальцем бы не пошевелил ради каких-нибудь государственных интересов или политических соображений. Но ради обладания одним из лучших воинов, пожалуй, сильнейшим драконом своего времени, с такими неудобствами Гном мирился.

На одном из балов во дворце Гнома, Змей Горыныч случайно встретил одну симпатичную ведьмочку. Звали ее Лиллит. Горыныч и раньше встречался с ней и уже давно заметил, что Лиллит особенная. Было в ней что-то такое, что отличало ее от прочих

сказиков. Она выделялась не только внешне. В характере, в поведении Лиллит было нечто демоническое и вместе с тем гармоничное. Она была независима и своенравна, очень гордая и одновременно беззаветно добрая, возможно единственная из всех сказиков, знавшая свою истинную сущность. Лиллит обладала редким даром любить и быть любимой. Надо заметить, что пользовалась она своим даром не часто и осторожно. В то же время ведьмочка имела свои слабости, к примеру, была капризной в своих желаниях. Иногда в минуты расслабления она охотно потакала своим капризам. Даже внутреннее чувство чести не могло удержать ее взбалмошного характера от рискованных поступков.

Наш герой своим драконьим чутьем давно почуял – Лиллит не просто сказик. Она настоящая, как были несостоящими люди того золотого века, о котором сложено столько легенд. Она такая же настоящая, как Змей Горыныч, и также не похожа на других, как сам он отличается от всех драконов.

На том бале, о котором идет речь, Змей Горыныч познакомился с Лиллит и, как следовало ожидать, влюбился. Вот она его долгожданная настоящая любовь. Вот она – дама достойная подвигов и безумств.

Маленький Гном был очень, я бы сказал дьявольски, умен. Он сразу увидел все выгоды такого положения вещей. Появилась единственная возможность влиять на щепетильного наемника.

К сожалению, несмотря на все свои качества Лиллит поддавалась влиянию гномов-каннибалов. Она верила, что только им дано знать, что такое хорошо и, что такое плохо. Она верила гномам, потому, что все верили им, а все не могут ошибаться. Она поверила, что поступать нужно только так, как это должно, а как должно быть – знают только гномы-каннибалы

Каким образом Маленький Гном и бесхребетные сказики окрутили Лиллит никто не знает. Но Лиллит безоговорочно поверила, что общественное мнение о добре и зле – всегда истина.

С этого времени в биографии Змея Горыныча появились черные, очень черные страницы. Поддавшись уговорам обманутой Лиллит, Горыныч уничтожил не одного вольнодумца и защитника обездоленных. С помощью Лиллит, Маленький Гном расправлялся с любым противником, натравив на них дракона. Многие честные витязи, многие герои сложили головы под мечом Горыныча. Его именем стали пугать детей так же, как раньше благословляли.

Змей Горыныч мог превратиться в кровожадного злодея не достойного нашего внимания, но его спасли его четыре стихии. Хрупкое равновесие необычных для дракона стихий души нарушалось при каждом злодействе. Наверное, правильное было бы сказать, в Змее просыпалась совесть и все громче подавала свой голос. Змей Горыныч все сильнее сомневался в правильности своих поступков и все труднее поддавался уговорам Лиллит.

Мало того, Горыныч попытался убедить свою возлюбленную, что добро и зло не определяется моралью гномов-каннибалов и подчинившихся им. То, что называют добром или злом сказики обеспечивает им спокойную растительную жизнь: сытую и беззаботную.

Такое добро никого не защитит, оно только предаст слабого в руки обидчика, сделает бедного нищим, безропотного – бесхребетным. Ради жалкой подачки научит предавать друзей и родных. Ради общего блага лить реки крови и позволять вытирать об себя ноги, душить собственный голос. Настоящее Добро – это все то, что помогает раскрыться нашим лучшим качествам, то, что ведет нас к достижению смысла всей нашей жизни. А настоящее Зло наоборот мешает нам. И еще не известно, не является ли Злом общественное мнение безвольных, бесхребетных, униженных и деградирующих сказиков.

Дракон становился трудно управляемым, Лиллит выходила из-под контроля Маленького Гнома. И он решился на крайние меры. Используя свои волшебные силы, Гном заколдовал Лиллит. Он заморозил все человеческое в ее сердце и вселил в нее своих демонов. Бедная ведьмочка утратила связь с непокорным Змеем. Демоны толкали ее на самопожертвование ради иллюзий, которые сами в нее же вселили. Сказики, верные Маленькому Гному, постоянно нашептывали, что от Горыныча нужно отречься. А, еще лучше, сделать так, чтобы он отказался от своей любви.

Лиллит поддалась уговорам, ради любви к Змею Горынычу, она отказалась от него. Как только это произошло, несчастная полностью попала под власть каннибала. Гном не теряя времени, спрятал ее от совестливого наемника. Теперь он мог диктовать свои условия.

Маленький Гном вызвал Змея Горыныча. Разговор был коротким: «Хочешь увидеть Лиллит – служи мне без оговорок, если нет – не увидишь ее живой». Змей не видел выхода и согласился.

Горыныч получил задание, от которого у него все перевернулось. В дремучем лесу, на границе страны, живут три сестры: Вера, Мечта и Надежда. Они поддерживают остатки человеческого огня в сердцах сказиков. Только это не дает превратить все население страны в послушных рабов. Убить трех сестер – значит лишить сказиков последнего шанса стать Настоящими.

Змей Горыныч отправился в путь. Ни он, ни Маленький Гном не знали тогда, что первый шаг Змея из дворца, будет началом конца.

На окраине страны в дремучем лесу на поляне сидел одинокий сатир и играл на свирели. Мелодия была очень печальной. Вид одинокого сатира, что весьма необычно для этих любителей массовых гуляний, печальность мелодии, что тоже странно для таких гуляк-весельчаков, привлекли внимание Змея Горыныча. Он приблизился к одинокому музыканту.

«Здравствуй, маэстро» – произнес дракон – «Я принял тебя за сатира, но вижу, что ошибся». Ты держишь в руках не простую свирель – это сиринга. Ведь так звали твою возлюбленную, не правда ли, Пан? Ты ведь Пан – бог природы и властелин панического страха? Ты не раз помогал мне в бою, я не мог ошибиться. Правда, в последнее время ты не так охотно приходишь ко мне на помощь.

Козлоногий Бог прервал игру и ответил: «Ты прав, дракон, ты угадал все: и то, что я Пан, и то, что это сиринга, и то, что я не хочу тебе помогать». Ты перестал быть

благородным рыцарем, воином чести и света. Ты попался на крючок гнома-каннибала, он играет тобой как марионеткой. Ради любви к нимфе, я когда-то отпустил ее и обрек себя на вечные муки. Ради любви к Лиллит, ты губишь ее и обрекаешь на муки многих героев. Сейчас ты идешь завершить свой путь злодея. Если ты убьешь Веру, Мечту и Надежду, ты лишишь сказиков всех шансов на будущее. Они деградируют окончательно, даже проклясть тебя будет некому. Если это произойдет, гномы-каннибалы захватят весь мир, все мироздание. Они уничтожат всех богов, даже самого главного, имя которого Любовь. Они превратят мир в свой игрушечный театр и будут развлекаться, изгаляясь над униженными жалкими существами.

Этому миру нужна Любовь, иначе он станет продажным и бездушным. То, что мы зовем, здравым смыслом уничтожит его. Без Любви исчезнет Главный смысл жизни – свобода быть самим собой. Остановись, Змей, пока еще не поздно. Миру нужна Лиллит, не теперешняя, а Настоящая, равная своей прабабке, которую оклеветали, той, что была равна первому мужчине и Демиургу, свободная, любящая и счастливая.

Если ты спасешь Лиллит, ты спасешь мир. Иди, она находится в плену у Маленького Гнома. Из всех ныне живущих, ты один способен расколдовать ее, только слушай и береги свое сердце.

Некоторое время Змей Горыныч стоял в раздумье, он слушал сердце. Он слушал, о чем говорят ему стихии Огня, Воды, Воздуха и Земли. Он взвешивал свою отвагу, чистоту мыслей, возвышенность духа и силу любви. Не сказав ни слова Пану, дракон повернулся и зашагал в неизвестном направлении.

Горыныч шел, не зная куда, его вело сердце. После знакомства с Лиллит, он впервые был уверен, что поступает правильно, совесть молчала, не била тревогу как прежде. В сердце его родилось чувство, что вся его жизнь, все его подвиги и злодеяния вели его на эту дорогу. Он понимал, раз нет сомнений в правильности действий, значит, он делает самую большую глупость в своей жизни. Он уже догадывался, что вряд ли останется жив в конце пути. Но это было не важно.

В степи дорогу ему преградили три витязя: Фортул, Охтар и Луктатор. Слухи о них ходили разные. Горыныч с ними еще не встречался, но знал, что они верой и правдой служат Гному. Обманутые, как и сам Змей, они не смогли найти своей дороги, возможно, не встретили своего Пана или, скорее всего не послушали его.

Три верных слугаки еще никого не пропустили через охраняемые рубежи. Как ни странно, они уже знали, куда и зачем идет Горыныч. «У Гнома хорошо поставлена служба информации» – мелькнуло в голове дракона.

Битва трех богатырей и Змея Горыныча была страшной. Такой сечи не было со времен титаномехии³⁶. Богатыри пали. Но Змею дорого досталась победа. Левая голова не работала. Воздух, обитавший в ней, был уничтожен. Жалкие его крохи нашли приют в сердце, электрические разряды постоянно вызывали в нем боль.

Но сердце вело Змея дальше. Из-за нарушенного равновесия в Горыныче начинала закипать ненависть. Как ни странно ненависть росла не только к Гному, но и к сказикам, позволившим низвести себя до уровня игрушки в чужих руках.

На лесной опушке дорогу Змею преградили семь витязей³⁷, обманутые Гномом, как сам дракон, как убитые им три богатыря, как сотни других героев, охранники спящей красавицы Лиллит ни за что не пропустят супостата. И снова битва, и снова ужасный звон стали, свист стрел, ураган криков и матерной ругани. Змей Горыныч и вправду был самым сильным драконом. До этого никто не мог одолеть семерых братьев богатырей, что питали силу друг друга, да еще получали ее от предков из вирия.

Из такой бойни нельзя выйти без потерь. Чудо, что еще способен двигаться и есть силы для новых боев. Но правая голова вышла из строя, а вместе с ней и стихия Воды присоединилась к остаткам воздуха, пуская пар. Исчезла чистота мысли. Огонь стал полновластным хозяином Змея. Он воспламенил земную любовь в сердце. В Горыныче бушевали одновременно две страсти: ненависть ко всему миру и любовь к этому же миру. Он жаждал одновременно, и спасти, и уничтожить его.

Вот и лес позади, впереди за рекой замок Маленького Гнома, осталось перейти мост. На мосту его ждал поединщик. Бузук Кобылин, так, кажется, звали его. Змей Горыныч видел этого воина в деле. Не один многоголовый змей нашел смерть от дубины богатыря. Но разве есть на свете сила, способная остановить пылающий ураган. Со Змеем происходило что-то странное, но пылающий ураган только отчасти отразит разрушающий напор, овладевший им. будь противник хоть чуть-чуть послабее дракон смел бы его как щепку, даже не остановившись. Но противник был неимоверно силен. Перед смертью он нанес такой удар в сердце Змея, что Земная любовь забилась в самом укромном его месте, рядом с Воздухом и Водой.

Змеем Горынычем окончательно завладел Огонь, не осталось ничего, кроме слепой ярости и горящей ненависти к Гному, к сказикам, к Миру, к Лиллит. Но, вдруг, в единственной работоспособной голове зазвучала сиринга. Это Пан пришел на помощь. Он вернул Змея Горыныча из бездонной бездны ярости и ненависти.

Маленький Гном ждал. И свершилась великая сеча. И Змей уже одолевал врага. В его душе полыхал адский все уничтожающий огонь. Вдруг, поверженный Гном дико захохотал. Такого зловещего хохота дракон еще не слышал. А Маленький Гном хохотал, как сумасшедший. Хохотал и кричал: «Убей! Убей меня, Змей! Я все равно победил! Тебе не вернуть Лиллит! У тебя нет больше сил! Ты скоро сам станешь каннибалом! Самым жестоким, самым безжалостным тираном! Ты способен теперь, только убивать!»

В голове вновь звучит сиринга. Она приносит на память старую легенду о том, что победитель дракона сам становится еще худшим драконом. С гномами-каннибалами видимо также. Адское пламя внутри способно уничтожить, но не оживить Лиллит. Значит, все было напрасно. Сиринга, о чем ты плачешь? Сиринга, что ты шепчешь мне? Ты говоришь о тех жалких крохах, что спрятались в самом потаенном уголке моего сердца. Да, ты права!

Змей Горыныч сделал самое невероятное. До победы оставался один удар. Но его не последовало. Вместо смертельного удара, Змей Горыныч грудью бросился на клинок, которым Гном пытался защититься. Клинок вошел в грудь и достиг сердца. Сердце не вынесло такой несправедливости, уже победившее сердце Змея рвала на куски чужая злая и жестокая сталь. Не выдержав, сердце разлетелось в клочья. Из пасти Змея Горыныча вырвался освобожденный, сжигавший его адский огонь. В этом пламени сгорел Маленький Гном.

Вместе с последним ударом сердца Змея Горыныча, с последним его вздохом вылетело нечто светлое. В этом светлом Нечто были: горячий, отважный и агрессивный огонь; сильная, напористая и чистая вода; искрящийся, возвышенный, парящий воздух и спокойная, самоотверженная и, главное, любящая земля. Это нечто поцеловало заколдованную Лиллит. Такого поцелуя никогда не было раньше, и никогда не будет позже. Лиллит вернулась. Вернулась та настоящая Лиллит, наследница золотого века. Лиллит независимая и гордая, знающая сущность добра и зла, обладающая редким даром любить и быть любимой. Именно тогда у искусственного и бутафорского, построенного на условностях и поклонении общественному мнению, продажного и фальшивого мира сказиков появился шанс на спасение. Они обрели возможность стать Людьми.

Всю дорогу вверх рыцарь беззлобно, ворчливо ругался. Ругал крутизну подъема, ворчал на Лиллит, которую занесло в такие дебри. Ворчал, но сам прекрасно понимал: в наступившем хаосе для Лиллит, имеющей редчайший дар любить и быть любимой это был единственный шанс уцелеть.

В разгуле всеобщей ненависти, заполонившей планету, люди и менее отличающиеся от общей массы гибли под ногами бездушной толпы. Собственно, для этого Ушастик и забрался в такую глушь. Гурган попросил защитить возлюбленную их погибшего друга Змея Горыныча. Защитить и проводить к храму Лели, где может понадобиться ее помощь.

– Миру опять нужен твой дар, Лиллит – прокряхтел рыцарь, продолжая путь на вершину.

Дальний путь утомил Мишку Ушастика, слишком много препятствий: на каждом шагу разбойники или просто разъяренные без причины жители. Мишка Ушастик – черный рыцарь Ордена Тигровой Лилии, был иной. Как все друзья Мишки, как все рыцари Ордена, он был одарен Великим Эросом.

Жители, не имеющие такого дара, сразу замечали отличие путника. Это отличие вызывало не то зависть, не то презрение, а может быть ненависть. Но, так, или иначе, а у всех не похожих на Мишку возникало желание убить странника.

Но особенно докучали собакоголовые. Эти, похоже, вели целенаправленную охоту на Ушастика. Причин такой целеустремленности Мишка не знал, но догадывался, что это как-то связано с наступившей смутой и его миссией. Четно говоря, рыцарь предпочел бы, чтобы столь похвальное рвение его преследователи обратили на что-нибудь другое. Но, к

сожалению, никто из врагов не спрашивал его мнения. Они гибли под мечом черного рыцаря, на их место приходили новые и все повторялось.

Одним словом путь героя проходил в постоянной борьбе за жизнь. Поневоле устанешь и будешь ворчливым.

Поднявшись, наконец, на вершину, рыцарь разочарованно вздохнул и, опять, выругался. Каменного домика не было. На его месте были руины, вокруг лежали воины в шлемах похожих на собачью голову. «Опять эти собакоголовые» – зло сплюнул Мишка. Но, что, же случилось с хозяйкой дома?

Ушастик обошел всю площадку, но никаких следов ее обитательницы не нашел. Озабоченный рыцарь отправился в обратный путь. Вопросов по поводу исчезновения Лиллит было много. Главный – жива ли она? Если да, то куда исчезла? Были непонятны и следы побоища у развалин дома. Мишка знал, что Лиллит способна постоять за себя, но положить такое количество врагов... Или Черный Рыцарь сильно недооценивал возможности Лиллит, или на скале был кто-то еще. Вопрос кто?

Спустившись в долину, Ушастик решил направиться к густой роще, что виднелась на горизонте. Это было единственное место поблизости, где можно укрыться на время и обдумать сложившееся положение.

В роще стояла странная тишина, даже птицы и насекомые молчали. Вдруг, чуткий слух рыцаря уловил странный звук. Звук напоминал бы речитатив, если бы не сопровождался всхлипыванием и подвыванием.

Мишка пошел на звук. На поляне он увидел свежий холм с импровизированным обелиском. Перед холмом на коленях стояла Лиллит и, плача, произносила какую-то молитву. Чуть поодаль, как в почетном карауле стоял молодой рыцарь, лицо которого показалось знакомым. Рыцарь был из новобранцев Ордена. Как он здесь оказался?

Подойдя ближе, черный рыцарь разобрал надпись на обелиске и опешил. «Лиллит, ты оплакиваешь того, кого проклял сам Великий Эрос?» – воскликнул Мишка, возможно, даже громче чем подобало в подобной ситуации.

Лиллит продолжала читать молитву, молодой рыцарь молчал. Как и положено в почетном карауле. Лишь закончив ритуал, Лиллит обернулась к подошедшему.

– Да, Ушастик, ты абсолютно прав. Я оплакиваю проклятого Заряницу. Но ты удивляешь меня. Ты, рыцарь Ордена Тигровой Лилии, посвященный в тайны Великой Любви, задаешь такие вопросы! Я в недоумении. Кому, как ни тебе не знать, что Великий Эрос и есть Великая Любовь. Он не может проклинать и карать, потому, что знает причины всех наших поступков и потому прощает нам все. Он наделил нас свободной волей, знанием добра и зла, душой и совестью. Этого вполне достаточно, чтобы самому осознать содеянное. Мы все проклинаям себя сами и наказываем себя сами, порождая своих же демонов.

– Да, Заряница действительно проклят, но не Богом – продолжила женщина – Если хочешь, я поведаю его историю, что, кстати, уместно при данных обстоятельствах.

Змей искушитель.

Сан сидел на берегу и наблюдал, как набегают на берег барашки волн. Ленивая нега разливалась по телу. Делать ничего не хотелось. Его собеседник задумчиво уставился в сереющий небосклон. В глазах Заряницы была грусть.

Беседа текла вяло, оба ее участника просто коротали время. В Саду еще не было ни политиков, ни футбола, ни, тем более автомобилей. Поэтому из всех тем для серьезных бесед, излюбленных мужской половиной в наши дни, в распоряжении сидящих на берегу была только одна. Они говорили о женщинах. Правда, от избытка последних Сад тоже не страдал. Объектов для беседы, было, прямо скажем немного. Всего лишь две женщины жили в окрестностях.

Сан размышлял о Илле. Вместе они провели не один день, они понимали один другого. Они знали друг о друге все. Вместе Сан и Илла учились у Великого Эроса. Их соединяла Великая Любовь. Каждый раз, когда Великий Эрос открывал им новую грань души, перед людьми открывалась новая грань Великой Любви.

Духовный рост требовал огромных усилий. Подняться на очередную ступень духа было неимоверно трудно. Но, зато, на новой взятой вершине оба испытывали огромное счастье. Наслаждение, полученное после великих усилий и тяжелой работы души было неопишимо.

На каждый новый шаг уходило немало времени. Может быть, поэтому Сана и Иллу иногда посещала скука. Это случается даже при Великой Любви. Однообразное повторение известного может наскучить, особенно, если душа с нетерпением ждет чего-то нового. А это новое все не приходит.

В таких случаях между Саном и Иллой возникало легкое отчуждение. Каждый искал отдушину в чем-нибудь еще. Короткие промежутки отчуждения усиливали радость от встречи.

Сан обладал непоседливым характером. В периоды наползающей хандры он отправлялся путешествовать. Ему нравилось открывать что-нибудь новое. Неведомое было для него игрушкой, которой он забавлялся до тех пор, пока она не теряла свою новизну. Всеми найденными «игрушками» он делился с Иллой.

Илла была большей домоседкой, чем ее супруг. Ей нравилось подолгу наблюдать и изучать давно известные вещи. Это требовало кропотливой и, с точки зрения Сана, скучной работы. Но Илле нравилось открывать неизведанное там, где, казалось бы, все известно. Свои открытия она демонстрировала Сану. Оба были счастливы, как дети. Собственно они и были еще детьми по духу. Великий Эрос бережно и осторожно готовил свои создания для другой, взрослой жизни. Эрос возлагал большие надежды на людей.

В одном из своих путешествий в поисках приключений. Сан встретил Лоуну. Это была первая женщина, созданная вместе с Саном. Она была прекрасна и независима. Ее характер был очень похож на характер Сана. Она тоже любила все новое и неизведанное. Тогда, в самом начале, они не ладили. Лоуна удалилась, а Эрос создал Иллу, столь же

прекрасную, но совершенно непохожую на свою предшественницу, отличную и внешне, и по натуре.

При новой встрече с Лоуной в Сане вспыхнули старые воспоминания. Это было приятно и будоражило душу. В скучающем сердце мужчины возникло совершенно новое чувство. Оно грело и обжигало. В этом чувстве была радость нового и, странным образом сочетающаяся, тревога. Возникшее чувство притягивало и пугало. Влечение толкало Сана к Лоуне. Он не сопротивлялся.

Потом эти встречи повторялись каждый раз, когда между Саном и Иллой возникало отчуждение. Впервые Сан не поделился своим открытием с Иллой. Он чувствовал, что эту тайну раскрывать не стоит.

Но можно ли скрыть то, что на виду? Ни Сану, ни любому другому его потомку, никогда не удастся скрыть эту тайну от наблюдательной женщины, особенно если она любит. Илла заметила, как меняется Сан после своих путешествий. Эти изменения были едва уловимы, даже Сан не обращал на них внимания. Но Илла, умеющая находить неизведанное в обыденных вещах, быстро раскрыла секрет.

Ей впервые захотелось испытать нечто подобное. Быть может, в постоянных поисках Сан открыл в Любви что-то такое, чего она не знала. Открыл и не поделился с ней.

Илла давно обратила внимание, что не все обитатели Сада относятся к ней одинаково. Были такие, которые явно уделяли ей больше внимания, поклонялись ей. Одним из таких поклонников был Заряница. Первенец Эроса, он был почти равен Отцу по мудрости и силе. Он был красив. К нему и решила обратиться Илла за советом.

Заряница действительно часто оказывал женщине знаки внимания. Он всегда стремился сделать ей приятное. Даже будучи в отдалении, Заряница не сводил взгляда с Иллы. И женщина читала этот взгляд. Чем больше открывал ей Эрос тайн души, тем больше видела Илла в глазах Заряницы. Однажды она поняла – Заряница любит ее.

Обратиться к нему за советом, показалось женщине вполне естественным. Любящий ангел ни за что не откажется помочь. Он прекрасно знает любовь Иллы к Сану и, конечно поможет ей.

Когда Илла обратилась к Зарянице со странной просьбой, тот опешил. Пустили козла в огород. Он был почти равен Отцу, почти. Он тоже мог многое, но он не был совершенен как Великий Эрос. Эта просьба сломала последнее препятствие в смятенной душе ангела.

Он любил Иллу. Огромных усилий стоило ему держать свою страсть в рамках. Сил на борьбу с самим собой едва хватало. Зачастую его останавливала лишь невинность Иллы. И, вдруг... Заряница ответил на просьбу женщины. Он открыл ей все свои чувства, всю силу своей страсти. Илла отвечала тем же.

Ослепленный Заряница не замечал, что Илла не любит его. Она, как прилежная ученица перенимает все, что мог дать ей ангел. Заряница не видел, что для Иллы все происходящее – игра, скорее даже, научный опыт.

Илла искала новизны. Что ж он покажет ей то, чего не знает ни она, ни Сан. Он научит ее понимать музыку тела³⁸. Он покажет, как извлекать из него чарующие звуки. Он покажет, какое это наслаждение играть мелодию прекрасной плоти...

Когда змей уполз, вручив на прощание сочное яблоко, Илла, решила открыть глаза. Она все еще переживала касания Заряницы, музыка ее тела продолжала играть. Тело требовало продолжение игры. Илла встала и, слегка дрожа от возбуждения, направилась к Сану.

Сан ничему не удивился. Мужчины не так наблюдательны, как женщины. Вскоре Сан и Илла овладели наукой музицировать. Оба открыли, что для этого вовсе не нужна любовь. Удовольствие можно получать, обходясь без утомительной работы души. Без напряженного карабканья по ступеням на высоты Великой Любви.

Когда Великий Эрос показал последствия открытий, сделанных людьми, Зарянице, тот пришел в отчаяние. Не этого он хотел. Он мечтал добиться любви прекрасной Иллы, хотел научить ее разнообразить любовь. Вместо этого, он научил людей искать легкие пути в погоне за призрачным наслаждением. Когда оно приестся, люди будут искать другие способы наслаждаться без труда. С их настойчивостью, пытливостью и, главное, безграничной фантазией это будет не трудно. Погоня за легким удовольствием подобно снежному кому будет расти, и расти, отдаляя от Настоящей Великой Любви. Придя в ужас, Заряница проклял себя. Он покинул Сад, снедаемый демонами, рождающимися в его душе.

После разговора с Эросом, Сан и Илла рассказали. Но сделанного не вернуть. Тело требовало продолжения игры, а борьба требовала слишком много сил. Подчиниться требованиям тела было легко и приятно, бороться мучительно. Сдавшись, люди не посмели остаться в Саду. Сан и Илла покинули Творца, чтобы неумело лепить свой собственный несовершенный мир.

– Вот так, глупенький Мишка, никогда не осуждай того, кто осудил себя сам – полущутя закончила Лиллит.

Ушастик не спорил.

– Ты права, Лиллит. Но расскажи, что случилось на скале, я был там и все видел.

– На скале? – задумчиво и печально переспросила Лиллит, ей явно не хотелось вспоминать о недавних событиях – Ладно, слушай.

Заряница пришел за день до собакоголовых. Он сказал, что один из рыцарей Ордена идет на помощь, но не успевает, что слишком много препятствий на пути. Он

сказал, что собакоголовые знают о приходе рыцаря и опередят его. Поэтому, он послал весть к Ардату и пришел сам.

Когда собакоголовые пришли Заряница защищал меня. Ты видел, как может сражаться дьявол? Но врагов было много, слишком много. И Заряница пал. Я впервые видела смерть того, кто считался бессмертным. От собакоголовых почти ничего не осталось. Но их было достаточно много, чтобы убить меня. К счастью подоспел Ардат. Он появился в самый последний момент неожиданно для всех. Не смотри, что он еще молод, он не уступает в доблести своему отцу. Он перебил всех собакоголовых. Потом мы забрали тело погибшего дьявола и похоронили его здесь. Герой должен быть погребен с почестями, а Заряница был героем.

Кстати, я думала, что придет Атака Гризли. Он помог мне тогда, после гибели змея, он заменил Ардату отца. Что с Гризли, не слышал?

Мишка Ушастик был слегка удивлен, не столько рассказом Лиллит, сколько услышанными подробностями о ее спутнике. Ардат, который не уступает в доблести отцу и готов отдать жизнь за Лиллит. Ушастик повернулся к молодому рыцарю. Отсалютовав, Мишка произнес, может быть, слишком, торжественно, но искренне: «Приветствую тебя, Ардат Лилиту, сын Змея Горыныча, рад познакомиться с тобой поближе».

Ардат Лилиту, один из самых молодых рыцарей Ордена Тигровой Лилии, был егерем³⁴. О нем ходила слава отважного бойца. Ардат слыл универсалом, как все егеря³⁹. О его смешном спутнике, все егеря умели вызывать помощника-зверя, рассказывали даже анекдоты. Ардат умел вызывать саблезубую белку, которую звали Лилу.

Наступали сумерки, а друзей ждал еще нелегкий путь к обелиску Лели. Пора было в дорогу. Учитывая, что за Лиллит целенаправленно охотятся собакоголовые, Ардат изъявил желание сопровождать мать. Ушастик великий воин и непревзойденный защитник, но и ему может понадобиться помощь. Мишка не возражал. Он никогда не отказывался от предложенной помощи, так же, как никогда не отказывал помочь другим. Может быть именно поэтому, пройдя не одну сотню сражений, он был еще жив и здоров.

Троица отправилась в каньон Безумной Космической Любви. Нет смысла рассказывать обо всех сражениях, в которых им пришлось участвовать. Рассказ получился бы слишком длинным.

Путники сидели у костра во время очередного короткого привала. Неожиданно для спутников Лиллит задала вопрос: «Ушастик, у всех рыцарей Ордена есть любимые, только о тебе и Гноме все помалкивают, это какой-то секрет? »

– Секрета никакого нет. С невестой Гнома случилась та же история, что и с Тигренком – она превратилась в демона. Теперь она очень несчастна и обвиняет во всех своих бедах Мангуста. Она просто ненавидит его.

Только, в отличие от Гургана, Гном не потерял голову. Он сумел сберечь свою любовь. Он сохранил нетронутым образ своей большой любви. Поначалу Гном метался, бросался в крайности, подобно невру. Но потом понял, что его любовь навсегда останется с ним. Это значит, что он по-прежнему любит мир, в котором живет.

Он понял, что любить одного нельзя, что это множество всевозможных связей и привязанностей, но не любовь. Он осознал, что любовь – это значит: я люблю Тебя, в тебе – весь мир, в том числе и себя. Любовь – это забота, ответственность, уважение и независимость. Благодаря своему знанию, Гном сохранил надежду, которой живет.

– Да-а, я всегда считала Мангуста беззаботным шалопаем, а оказывается он мудрец. Ну, а какова твоя история?

Мишка Ушастик некоторое время молчал, словно решая, стоит ли посвящать сидящих у костра, в свои тайны. Наконец, он тяжело вздохнул и начал рассказ.

– Моя любимая из нашей расы – она карабиант.

Слушатели затаили дыхание. Все знали, что все женщины карабиантов погибли в войне с джамурами. Многие сразу стало понятно. Ушастик же продолжил свой рассказ, словно не замечая всеобщего замешательства.

– Мы были счастливы. Жизнь была прекрасна. Будущее обещало большие надежды. А потом... Потом произошел разгром. Наш альянс трещал по швам. Мы сражались до последнего, но конец был неумолим... Раса карабиантов была обречена.

Рыцари нашего Ордена, те немногие, что остались в живых, были последней преградой для джамуров. Благодаря тому, что нас объединяла могучая сила, дарованная Великим Эросом, мы держались вместе. Братская любовь великая сила, способная на чудеса. Но даже ее не хватило, чтобы остановить захватчиков.

Остатки нашего отряда были зажаты в ущелье, из которого не было выхода. Мы были обречены последовать за всей расой. Возможно, так было бы лучше, но...

Моя невеста была Темной Жрицей⁴⁰. Темные рецы редко рождались и, к сожалению жили недолго. Дело в том, что темные жрецы обладали возможностью спасать целые группы воинов. Когда возникала необходимость срочной эвакуации, они создавали врата, которые переносили воинов в любое безопасное место выбранное жрецом. Единственным недостатком такого спасения было то, что в момент перехода через врата воин абсолютно беззащитен. К тому же сами врата выдерживали атаки врага очень недолго.

На плечи создавшего врата мага ложилась обязанность защищать проход. Темный Жрец всегда уходил последним, если успевал.

Ушастик грустно усмехнулся и, помолчав некоторое время, продолжил.

– В том последнем бою мы стояли насмерть, мы знали, что обречены. В том бою погибли многие рыцари. Решение об эвакуации принял Муравей Разбойник. Я видел, как тяжело ему это далось. Магистр сказал, что единственным шансом для спасения расы является эвакуация, прежде всего он указал на мою невесту и меня.

Сложность плана заключалась в том, что создать и защитить врата могла только моя невеста, к тому же безопасных мест для нас нигде не было, всюду были джамуры. И все-таки мы решили рискнуть.

Врата были созданы. Несколько рыцарей прошли через них для создания плацдарма для эвакуации, их возглавил Атака Гризли. После непродолжительной, но жестокой схватки, он сообщил, что плацдарм готов. Мы начали отступать.

Но джамуров оказалось слишком много. Их не задержали ни мины и ни ловушки, расставленные Гномом и Муравьем. Такой массированной атаки боевых машин джамуров я никогда не видел. Они смяли все защитные турели, которые расставил мастер Аркелат. Тщетно пытался он поддержать их смертоносный огонь. Защитный барьер, созданный моей невестой, трещал, едва сдерживая натиск врага. В конце концов, последняя линия защиты рухнула.

Моя невеста и Аркелат попали под перекрестную атаку джамурских магов. Они лежали, не подавая признаков жизни. Муравей и Гном подхватили пострадавших и бросились к вратам. Джамуры, видя происходящее, бросились за ними.

Мне удалось отбить атаку джамурской пехоты. Это позволило моим друзьям эвакуироваться. Второй волной врагов шли стрелки. Мои доспехи выдержали, но меня буквально швырнуло в открытые врата, в самый последний момент.

На той стороне происходило что-то неладное. Первое, что я увидел – это исступленное лицо Атаки Гризли, который швырнул в закрывающиеся врата джамурского воина. Швырнул, словно это был чурбан, а не живое разумное существо.

Ошеломленный вражеским огнем, проходом через врата и, первым, что я увидел на другой стороне, я стоял, ничего не понимая.

На земле лежали без признаков жизни Аркелат и моя любимая. Над мастером хлопотал Гном Небесный. Муравей стоял на коленях перед раненой жрицей. Атака Гризли казалось, лишился рассудка, он пытался прорваться в закрывающиеся врата, истошно вопя какие-то проклятия. Псил, Бури и Брут держали его изо всех сил.

Испуганный малютка Мом прижался к Актеону, как младенец к матери, а тот накрыл его собой как птица защищающая свое гнездо.

Муравей Разбойник поднялся с колен и подошел ко мне. Я не сразу понял смысл того, что он мне сказал. Меня поразил его надтреснувший дрожащий голос. Он сказал: «Прости меня, Размахай, если хочешь, убей. Я ошибся. Я не сберег нашей Тигровой Лилии. Твоя невеста – мертва». Из груди моей возлюбленной торчал короткий джамурский клинок.

– Прости, Ушастик, что растеребила старые раны. Теперь я понимаю, почему Муравей избегает оставаться с тобой один на один. Его не покидает чувство вины.

– Да, это глупо с его стороны, но это так. Мы все солдаты, вся раса. Мы знали, что тот, кто однажды взял в руки меч, рано или поздно, будет убит, таким же мечем. Это закон любой войны.

– Мишка, а из-за чего началась война с джамурами, вы ведь были когда-то союзниками?

– С чего все началось, никто не помнит. Но суть конфликта, видимо, в способе выживания. Джамуры создали мощную техногенную цивилизацию.

Я думаю, что все дело в разуме. Разум – это благо и проклятие одновременно. Самосознание и воображение открывают нам бесконечность и могущество нашего существования, в тоже время мы видим свою слабость и ограниченность.

Разумное существо оказалось выброшено из общей гармонии природы, разум сделал нас аномалиями, превратил в причуду вселенной. Мы отстранены от окружающего мира, мы можем жить независимо от него. В тоже время мы привязаны к миру. Получается, что разумное существо изгнано из собственного дома, который никогда не сможет покинуть.

Мы, карабианты, пытались выжить, приспособивая свои желания к окружающему миру. Мы искали гармонию с природой, своей колыбелью. Похоже, большинство разумных существ на этой планете пошли таким же путем.

Джамуры, наоборот, решили переделывать окружающий мир под свои растущие потребности. Они перестраивают свой дом, приспособивая к своим прихотям. Этим они разрушают окружающую гармонию и создают свою.

Путь карабиантов не решает проблемы разума, но, благодаря любви, мы нашли выход в творчестве, в созидании. Наш выход – это искусство.

Джамуры отказались от дара Любви. Они выбрали путь разрушения. Творение и разрушение – суть одно и тоже: преодоление пределов возможного.

Наш путь позволял каждому жить так, как ему лучше. Джамуры успешно переделывали мир для себя. Все бы ничего, но они разрушали наш мир. Они лишали нас шансов на выживание. Поэтому мы и вели непримиримую войну. И мы ее проиграли.

Сейчас в опасности ваш мир, джамуры уже проникают в него, используя ваших же демонов. Поэтому наш Орден и ввязался в эту новую войну за чужой, но близкий мир. Мы не можем позволить расползаться раковой опухоли, живущей за счет уничтожения других. Как бы не преуспевали джамуры, до тех пор, пока они угрожают существованию иных миров, мы будем вести с ними войну. Это война за великую Любовь.

– Какое же безумие могло оттолкнуть целую расу от пути созидания к жизни за счет уничтожения других, это невозможно представить.

– Лиллит, ты удивляешь меня. Это безумие называется любовь. Вспомни, что ты рассказала мне о Зарянице.

Его неразделенная любовь вышла из-под контроля. Это он научил людей приспособливать природу к своим естественным и не естественным желаниям, вместо того, чтобы научить их соразмерять свои прихоти с естественной жизнью окружающего мира. Он допустил ошибку, за которую проклял себя, и которую тщетно пытался исправить. В погоне за счастьем, он встал на путь, которым идут джамуры.

– О, боги, научите же нас неразумных как достичь счастья.

– Ты к кому взываешь? Боги, живущие рядом с нами слабы и капризны. Если ты обращаешься к Великому Эросу, будь осторожна. Он укажет самый трудный путь.

– Почему, он ведь и есть Любовь?

– Потому, что Он никогда и ничего не делает наполовину. Познать счастье можно только в сравнении. Чем тяжелее испытания, пройденные на пути к цели, тем большее счастье ты испытаешь, одержав победу. К тому же Он и так дал нам все необходимое: дар Любви, творческий разум, безудержную фантазию и абсолютную свободу выбора. Научись пользоваться дарами Бога и будь счастлива.

– Я больше не жалею о том, что уговорила тебя рассказать о себе. Я как будто впервые узнала тебя и всех рыцарей Ордена. Кстати, герб вашего Ордена, имя этого цветка носила твоя невеста, не так ли?

– Да, мы обязаны ей своими жизнями, поэтому цветок тигровой лилии стал гербом Ордена. Но, смотри, костер догорает, а на небе появилась Леля. Она зовет нас, там наши друзья ждут от нас помощи. Разбуди Ардата, юношу сморила моя болтовня, пора в путь.

Троица выступила в поход к Обелиску Славной.

– Знаешь, Лиллит, иногда я жалею, что не остался по ту сторону врат – произнес Мишка Ушастик.

Его спутники переглянулись, но отвечать не стали. Каждый думал о своем.

Каньон космической безумной любви.

Так уж получилось, что в это смутное и странное время пути многих, и Одаренных Великой Любовью, и их гонителей вели в одно место. Похоже, именно у храма Лели будет решаться судьба этого мира. К Обелиску Славной стремились лучшие силы противоборствующих сторон.

Недалеко от каньона, Мишка и его спутники встретили Дхене с товарищами. Молодой спутник миссионеров, Матэ, рассказал все, что слышал про Муравья Разбойника.

Из услышанного, Ушастик понял, что Муравей, как всегда успел и, как всегда с заданием справляется. Но, по всей вероятности, ему требуется помощь. Не задерживаясь, друзья продолжили путь.

Вот и каньон, недалеко от входа в ущелье, где начиналась тропа к храму, путники нагнали Гургана и Гнома. Это была единственная радость за последнее время. Невр, как, оказалось, давно знал Ардата, а Гном много слышал о нем, и был рад знакомству. Радость, правда, была омрачена известием о гибели Атаки Гризли.

Ушастик пересказал все, что узнал от Матэ. Гурган и Гном подтвердили, что по слухам, храм свободен, несмотря на то, что его много раз штурмовали собакоголовые. Окрестные жители утверждали, что уже несколько дней к храму идут отряды собакоголовых, и еще не один не вернулся. Каньон поглощал массы воинов, как водоворот, и никого не выпускал. В хорошую погоду можно было видеть сияние обелиска Лели над храмом, значит, они еще целы. Это значит, Муравей Разбойник по-прежнему защищает святыню.

Друзья спешили. Муравей нуждается в помощи – это ясно. Трудный спуск в каньон осложнился из-за грозы. Идти было скользко, тьма скрывала препятствия на пути, но рыцари упорно продолжали путь. Держись Муравьище, мы рядом!

В это время Муравей действительно держался. Тореадор почти выбился из сил. Атаки врагов следовали одна за другой. Короткие передышки случались лишь для того, чтобы могли подойти новые войска, вместо уничтоженных Муравьем Разбойником. Этих передышек едва хватало, чтобы восстановить часть ловушек.

Если бы не удачное строение храма и не изобретательность Муравья, обелиск был бы давно разрушен. Только огромный запас сил, присущих карабианту, позволял рыцарю все еще защищать подступы к святыне.

В то время как друзья преодолевали трудный спуск в каньон, Муравей Разбойник вел сражение. Очередная волна захватчиков достигла входа в зал. Немногочисленные ловушки немного проредили ряды нападавших, но задержать их не могли. Муравей, вооруженный щитом и мечом сражался у входа.

Щит гудел от ударов атакующих врагов, рука, держащая меч онемела, но рыцарь как заведенный бил, бил, бил, бил, бил. Никто не узнал бы в сражающемся Тореадора. Не было ни возможности, ни сил для ловких уворотов, красивых выпадов, молниеносных уколов. Муравей, скорее, напоминал сборщика тростника или лесоруба. Его меч подымался и опускался, подымался и опускался, выбивая с каждым взмахом одного врага, за другим.

Наконец напор нападавших стал угасать. Они уже не лезли вперед, толкая один другого в спину. Появились короткие передышки, позволявшие Муравью перевести дух. Вот к ногам рыцаря-хранителя упал еще один поверженный оборотень. За ним никого не было. Муравей Разбойник постоял некоторое время, прислушиваясь и всматриваясь в полумрак туннеля. Больше никто не нападал.

Тяжело вздохнув, Магистр Ордена опустил меч. Сил совсем не осталось. Шатаясь, Муравей подошел к алтарю и сел, прислонившись спиной основанию Обелиска. Стало немного легче. Страж святыни, первым делом, зарядил арбалеты, лежащие перед ним. Его

взгляд упал на доспехи. Пластины на латах были помяты, местами надколоты, а две, норовили отвалиться совсем.

Несмотря на огромный запас сил, возможности карабианта, тоже имеют свой предел. Мураве Разбойник давно перешагнул этот предел. Он держался лишь за счет сознания необходимости держаться. Глаза защитника Обелиска слипались. Ему нужен был сон.

Впрочем, сон не спас бы положения. Рыцарь-хранитель понимал, что умирает. Полученные в последнем бою раны были слишком опасны. Муравей ясно осознал. Что через пару часов обелиск лишится защитника. Что ж, если нельзя остановить зло, можно, хотя бы задержать его приход. Рыцарь установил еще два заряженных арбалета в ловушку, которая защищала вход в зал.

В это время, чуткий слух рыцаря уловил шорох, краем глаза он заметил какое-то движение. Муравей Разбойник повернул голову на звук, раздался щечек и свист. Острая боль поразила сидящего. В грудь воина вонзилась стрела, пробив доспехи и правую лопатку насквозь, она вонзилась в основание Обелиска, пригвоздив воина.

Перед Муравьем стоял ребенок и ехидно улыбался. Рыцарь почувствовал присутствие странной, не природной магии. Кого меньше всего ожидал увидеть Магистр Ордена, так это стоящего перед ним вечного врага карабиантов – воина джамура. Муравей подхватил лежащие наготове арбалеты и выстрелил из обоих одновременно. Обе стрелы вонзились в противно улыбающийся рот врага, и вышли насквозь, почти обезглавив напавшего. Одновременно стрела джамура вонзилась в грудь хранителя чуть-чуть выше сердца и вонзилась в основание Обелиска.

Поверженный враг рухнул. Муравей Разбойник, пригвожденный к обелиску, остался сидеть. Вторая стрела нанесла ему смертельную рану. Тореадор понимал, что времени у него совсем немного. Если друзья не подоспеют, то Обелиск Славной вскоре останется беззащитным. Ему не суждено больше защищать святыню.

Муравей Разбойник сидел, наклонив голову. Он вспоминал. Вспоминал родную планету, которую очень любил, но вынужден был покинуть. Он вспоминал о том, что успел сделать на своей новой родине, на Славной. Он вспоминал Марену. Когда он почувствовал приближение конца, вдруг вспомнил о Дхене и Савве, вспомнил об их Учителе, который преодолел смерть. Рыцарь-хранитель стал размышлять о сыне Бога, о словах, услышанных давным-давно. Не смерти должен бояться человек. Он должен бояться никогда не начать жить. Все что мы есть – это результат наших мыслей и действий. Какими бы не были слова и поступки человека – главное, чтоб они были настоящими. От этой мысли Муравей улыбнулся и закрыл глаза, чтобы больше уже не открыть никогда.

Небольшой отряд приблизился к храму Лели. Все пространство у входа было вытоптано и утрамбовано множеством ног. И это пространство было пустынно. Похоже,

все, кто здесь прошел, вошли в храм... И не один не вышел. Храм, как будто пожирал своих врагов.

Но друзья знали, что это не храм, а его единственный защитник, превратил сооружение в огромную пасть, проглатывающую сотни вражеских солдат.

Когда отряд, возглавляемый Гурганом, приблизился к входу, сзади появилось черное облако, земля загудела под ногами сотен преследователей. Было ясно, их догоняют.

Мишка Ушастик остановился. Он пропустил в узкий проход спутников.

– Нас настигают, а идти по проходу, усеянному ловушками Муравья долго. Я задержу врагов сколько смогу. Идите.

Идти было тяжело, было душно и жарко, дорогу то и дело преграждали тела собакоголовых. Хитроумные ловушки Муравья пропалывали ряды захватчиков. Тревожило одно – не было новых ловушек.

Друзья медленно продвигались по тоннелю. Первым шел Гном Небесный, как самый искусный в установке и обезвреживании ловушек. За Гномом шел Гурган и Лиллит. Ардат замыкал шествие, прикрывая тыл.

Вскоре со стороны входа послышался шум. Мишка Ушастик принял бой. Крики, ругань и звон оружия резал уши, но успокаивал. Пока слышен шум, Мишка сдерживает врагов.

Но, внезапно, шум исчез. Наступившая тишина закладывала уши. Что это могло означать? Черный Рыцарь отбил нападение или враги вошли в проход? Лилиту остановился, готовый встретить преследователей. Гном, Лиллит и Гурган продолжили путь по узкому коридору, усеянному телами врагов.

Волк, который шел последним, услышал быстрые шаги и остановился. Из темноты выскочили Мишка и Ардат. Атака собакоголовых была отбита.

Наконец коридор закончился. Впереди появился свет, излучаемый обелиском. Самый последний отрезок пути идти стало почти невозможно, он был завален телами врагов. Все пространство в главном зале, видимое сквозь узкий проход, было укрыто телами погибших. Это был последний рубеж в обороне Муравья Разбойника.

Гном Небесный с огромным трудом пробрался к входу в зал. Напротив, упершись спиной в обелиск перед алтарем, сидя дремал Муравей Разбойник. Голова героя была опущена. Перед ним лежали два заряженных арбалета.

Гному не хотелось, попасть под обстрел, если Муравей примет их за врагов. Он остановился и приветственно поднял руку. Тень от руки упала на арбалеты. Что-то щелкнуло и зажужжало. Не издав ни звука, Гном рухнул. Из его шеи торчала короткая арбалетная стрела. От второй стрелы Гурган закрылся щитом. Он бросился вперед, чтобы упредить новые выстрелы. Весь отряд ввалился в зал. Больше никто не стрелял.

Муравей по-прежнему спал, не меняя позы. Лиллит наклонилась к нему. Да Муравей Разбойник спал, судя по всему не меньше суток. И ему уже не суждено было проснуться. Две стрелы, торчащие из его груди, пригвоздили хранителя к основанию обелиска. Гном был убит последней ловушкой Разбойника, которую сам же и запустил.

Все подавлено молчали. Невр в отчаянии упал на колени. Из его горла вырвался крик. Гурган проклинал. Проклинал себя, свою Любовь, которой так неумело воспользовался. Он не смог одарить ту единственную, которую все еще любил. Он потерял все свои силы, так безыскусно растратив свой дар. Он не смог самостоятельно справиться с врагом. Он не смог защитить даже своих друзей. Мало того, он обрек их на смерть своим бессилием. И, наконец, он проклинал самого Великого Эроса, с его Великой Любовью, от которой тот устал.

Удар страшного, кощунственного проклятия ударил по Обелиску Славной. От удара его основание вспыхнуло ярким огнем и взорвалось, разлетаясь на множество огромных осколков. Обелиск рухнул...

Последний костер.

Где-то непостижимо далеко, далеко, на мосту между реальностями и временем горел костер. Тигренок сидела у костра. Она смотрела на пляску огня и ждала.

В темноте слышались шаги, женщина напряженно всматривалась, стараясь различить силуэты идущих. По слегка разочарованному виду, можно было догадаться, что ждала она кого-то другого. К костру приблизились два рыцаря Ордена Тигровой Лилии: Псил, который вел под луку Ардата Лилиту. Последний шел как-то уж слишком тщательно, как пьяный, пытающийся браво держаться на ногах.

Подошедшие поздоровались и без приглашения сели у костра.

– Я думала, что придет Гурган. Зачем он позвал меня сюда?

– Гурган не придет, – ответил Псил – а позвали тебя я и Ардат.

– Зачем? Я все сказала Гному. И почему не придет Гурган?

Ардат начал длинный рассказ о том, как Великий Эрос послал на планету своего сына, чтобы научить людей Великой Любви. Рассказ о том, как люди принесли Учителя в жертву своим страстям. Как люди объявили, что так хотел его Отец. Поэтому Великий Эрос устал их Любить. Ардат рассказал, как на планете исчезла Любовь. И еще о том, что произошло совсем недавно.

Было странно, но рассказчик упорно не смотрел на Тигренку. Несмотря на то, что рассказ был предназначен именно ей, рыцарь смотрел куда-то в небо. Он даже не соизволил снять шлем или, хотя бы поднять забрало. Такое явное пренебрежение не просто раздражало, оно бесило. Тигренок готова была взорваться от негодования, но что-то в глубине души девушки говорило, что если сдержать свой гнев, все прояснится.

– Ты так и не ответил, почему нет Гургана – капризно напомнила Тигренок, казалось все остальное, ее не трогало.

Ардат невозмутимо продолжил рассказ.

– Когда исчезла Любовь, проснулся Шухеде, демон-пес спящий в ледяной темнице. Он стал почти свободен. Единственной преградой, мешающей ему вернуться в наш мир, был Обелиск Славной. Пропитанный Любовью безумного астероида, он сдерживал возвращения пса.

Своим проклятием Волк опрокинул обелиск, последняя преграда была уничтожена ее защитниками. Перед нами предстал Шухеде – демон абсолютного разрушения в облике огромного пса.

Лиллит была тяжело ранена осколком обелиска. Она не могла двигаться. Шухеде бросился на нее. Дорогу ему преградил Мишка Ушастик. Он принял страшную смерть, челюсти Шухеде похожи на жернова. Но Ушастик ненадолго задержал врага. Я бросился на помощь Лиллит, а Гурган, размахивая мечами, напал на врага. Тот разбросал нас как котят. Несколькими короткими ударами лап гигантский пес отшвырнул Гургана. Одним прыжком он достал Лиллит и, просто, раздавил ее своим весом. Удар его лапы отбросил меня к противоположной стене храма. Последнее, что я помню – это то, что невр, превратившись в огромного черного волка, атаковал врага. А дальше... Дальше только тьма и голоса. Голоса друзей, знакомцев и ... И твой!

Последние слова Ардат буквально прокричал, внезапно сорвался почти на визг и, вдруг, зарыдал как ребенок.

Псил положил руку на плечо странного рыцаря и с силой надавил, прижимая друга к земле.

– Спокойно, Ардат, ты выполнил последнее задание Гургана. Не плачь по тому, что Это случилось, а улыбайся потому, что Это было. Возьми себя в руки.

Рыдающий рыцарь внезапно успокоился и, даже, учтиво извинился перед девушкой за недостойное поведение.

Псил повернулся к Тигренку и печально продолжил рассказ друга.

– Наш отряд попал в засаду. Как ни странно ее устроили джамуры. Остановить нас они не смогли, мы разбили их без потерь, но задержать, задержали. Мы теперь узнали, что демоны действуют заодно с нашими вечными врагами, поэтому спешили как могли. Но мы все-таки опоздали.

Когда мы пришли, храма уже не было. Как не было и скалы, в которой он был построен. Да что скалы, сам каньон Безумной Любви был наполовину уничтожен.

Ардата мы нашли лежащим на краю тропы без сознания. Лилу, его верная белка, вытащила хозяина. Она лежала рядом, вся израненная и никого не подпускала. Хорошо еще, что Актеон часто общался с ней, во время совместных путешествий с Ардатом. Иначе мы не смогли бы помочь бедному егерю.

Вскоре Лилиту пришел в себя, но потерял зрение и стал неуравновешен. Впрочем, ты это сама видела. Мы надеемся, что это не навсегда.

Псил замолчал и снова положил руку на плечо друга, который опять задрожал всем телом и начал всхлипывать. Когда волнение слепого рыцаря улеглось, новый магистр Ордена продолжил разговор.

– После всех событий планета медленно умирает. Вернуть Великую Любовь Бога не удалось. Шухеде исчез, но демоны, порожденные им и жителями планеты, остались. Контроль над миром захватывают джамуры. Наши лучшие рыцари погибли. Куда подевался невр, и жив ли он – неизвестно. Что случилось с обелиском, никто не знает. Дар, которым обладала Лиллит, и на который так рассчитывал Гурган, остался только у тебя. Но ты не хочешь им воспользоваться.

Теперь только от тебя зависит: будет ли шанс на спасение у этого мира. Мы не будем тебя принуждать, это бессмысленно. Выбор можешь сделать только ты. Но помни, что выбор есть всегда. Он имеет свои причины, только причины эти в нас самих, а не в окружающих. Постарайся найти причины для своего выбора.

С этими словами Псил поднялся. Он учтиво поклонился собеседнице и пошел. Ардат Лилиту в точности повторил действия старшего товарища и последовал за ним, держась за протянутую руку своего поводыря.

Тигренок, не проронив ни слова, смотрела на пляску огня, потом она перевела взгляд на уходящих рыцарей. Она видела, как к ним присоединились еще трое, и вся группа продолжила путь.

К Псилу и Ардату подошли трое. Это были рыцари Ордена Тигровой Лилии: Бури, Мом и Брут, подошедшие бросили взгляд на фигуру, неподвижно сидящую у костра. Из темноты вышел Актеон, держащий за узду саблезубую белку. Ардату помогли забраться в седло, и маленький отряд направился к горизонту.

Самый молодой и нетерпеливый из рыцарей Мом, горячо воскликнул: «Неужели все напрасно?»

– Она отказалась помочь? Неужели наши товарищи погибли зря. Они не спасли мир. Я бы сказал, они помогли его разрушить. Любовь Бога к миру не вернулась. Мы все обречены. Тигренок не хочет нам помочь. Она не верит в Великую Любовь. Все наши надежды были лишь иллюзиями?

– Не горячись, юноша – возразил Бури – ни одно наше деяние, даже слово не проходит бесследно. Все, что мы сказали или сделали, или просто пережили: оставляет свой след. Этот след изменяет нас, изменяет окружающих нас, изменяет мир. Каждый раз, когда мы делаем выбор, мы влияем на мир. Свой выбор мы сделали, а Тигренок сделает свой. Мы не должны ей мешать, помни, выбор должен быть свободным.

Актеон хлопнул по плечу удрученного Мома.

– Выше голову, дружище. Все мы живем в мире иллюзий. Дело в том, что реальность – это всего лишь одна из возможных иллюзий, которая осуществилась сейчас и здесь, став действительностью.

Мечты, фантазии и иллюзии помогают сделать лучше нашу реальность. Не нужно только подменять жизнь иллюзиями, выдавать фантазии и мечты за действительность. По крайней мере, не делайте этого до тех пор, пока он не станут действительностью. И ни в коем случае не позволяйте чужим иллюзиям управлять вами.

Поэтому не бойтесь иллюзий, не бегите от них, а учитесь управлять ими. Смелей посылайте в полет свои мечты и фантазии. Снимите с глаз шоры, сбросьте оковы условностей и декорации фальшивых масок. Тогда, возможно, вам откроется Главный Смысл и вы, наконец, то станете самими собой, тем, кем можете стать. А не тем, кем должны быть, в угоду окружающим.

Значение имеет только степень нашей свободы в осуществлении Главного Смысла. А свобода эта зависит от умения из всех наших иллюзий выбрать и осуществить самую Важную.

– А неосуществимую подсунем нашим врагам, может быть они сложат головы при ее реализации – мрачно добавил Псил.

– Самим бы не свернуть шеи – тихо проворчал Ардат.

Мом как-то испуганно взглянул на Лилиту и тоскливо спросил:

– Мы все умрем?

Брут неожиданно захохотал, как будто услышал отличную шутку.

– Да, юноша, мы от рождения смертны, или вы считаете по-другому. Мы брошены в этот мир в случайном месте и в случайное время, и покинем его тоже случайно. Это напоминает бросок игрока в кости, все зависит от случая. Мы же не местные божки, чтобы держаться за свою тоскливую вечность, дрожа от любой случайности, прозябая в собственных пороках. Единственно, что меня не устраивает – это роль игровой кости. Я точно знаю, что смерти нет – это всего лишь шаг в другую реальность. К тому же смерть – обязательное условие настоящего бессмертия. Главное было бы ради чего жить, а, если понадобится и умереть. Я думаю Великая Любовь достаточное основание, чтобы пожертвовать собой.

Все рыцари одобрительно закивали головами, даже Ардат. Глядя на них удрученный Мом воспрянул и улыбнулся. Псил, который шел чуть впереди, остановился, внимательно посмотрел на товарищей и произнес:

– Предлагаю всем нам отправиться к нашему другу Аркелату. Наступают трудные времена и пора старому артизану³⁵ вернуться в ряды бойцов. Возможно, он сумеет помочь Лилиту. К тому же мудрый Аркелат может многое объяснить. Я думаю скоро понадобятся все рыцари Ордена... Все кто еще жив...

Тигренок смотрела на пляску огня. Она видела, куда направились рыцари. Она была благодарна за то, что ее оставили в покое. Как ей надоели все эти разговоры о Любви, о выборе, о гибнущем мире. Ей маленькой скромной жительнице планеты не под силу вершить дела мироздания. Пусть этим занимаются боги.

Великая Любовь, Великий Дар – как они надоели, разговоры о них. Какой дар? Любовь есть у всех. Только не все умеют ее найти в себе. А, нашедшие не знают куда приткнуться и что делать с этой самой любовью. Все только болтают, не понимая, о чем говорят.

Любовь – это возможность сказать ДА тому, кого любишь. И это возможность отдать ее всю тому, кого любишь. Отдать бескорыстно, не ожидая наград и благодарностей. Любовь – это умение принять то, что тебе дают. Принять таким, как есть. Не переделывать, не подгонять под свои мерки. Просто принять. Может тогда наступит гармония.

Великая Любовь, она очень хрупкая и ранимая. Ее нельзя заключать в рамки, ее нельзя переделывать. Ее можно принять или отвергнуть.

Тигренок продолжала бушевать в душе, громя рыцарей, невров, псов, демонов и вообще всех, со всем их мирозданием. Бушевала, не замечая, что сама уподобляется осуждаемому ей.

Ее взгляд упал на радугу, по которому шла Джавила. Следом за ней виднелись силуэты Атаки Гризли, Змея Горыныча, Мишки Ушастика. Муравей Разбойник шел в обнимку с Гномом Небесным. Пан и Заряница слегка отстали, Джавила вела героев к Учителю, победившему смерть. Жаждающие познать истину должны утолить свою жажду, они доказали это своей жизнью.

Всевидящее Око провожало взглядом группу беспокойных рыцарей, готовых умереть за Великую Любовь, и, как ни странно звучит, готовых убивать за Великую Любовь.

Усталость, застилающая всевидящий взор собиралась в углах Ока, провожающего равнодушных героев.

Взгляд Ока упал на радугу, по которой Джавила вела Героев к Сыну. Усталость сгустилась, превращаясь в соленую жидкость.

Всевидящее Око перенесло взгляд на одинокую фигуру у костра. Внутри сидящей у костра бушевали страсти. Она делала выбор, еще не зная того.

Усталая слеза скатилась из угла всевидящего Ока.

Слезка стремительно полетела вниз и стукнула сидящую у костра по макушке.

В далекой горной стране, где-то на северных окраинах Дзара, приютилось небольшое селение. Немногочисленные короткие улочки его были пустынные. Казалось, селение вымерло. Но это было не так.

Все жители собрались на центральной площади у дома старейшин. Там шел грандиозный пир. Праздник света был в разгаре. Во главе стола с кубком в руках староста произносил тост.

– Пусть благословят боги того неизвестного богатыря, что вернул нам свет и тепло, что вновь открыл для нас Солнце. Да продлят боги дни неизвестного героя на многие лета!

Когда-то это озаренное светом и теплом селение, в котором жили сильные и трудолюбивые люди, выглядело совсем иначе. Окруженная трудно проходимыми скалами, закрытая черными тучами, через которые никогда не пробивался солнечный свет, прозябала в нищете и холоде забытая деревушка.

Люди, живущие в ней еле, еле сводили концы с концами. Были они бледные и тщедушные. От вечного холода и мрака жили они недолго и были почти слепы. Голодная смерть так часто грозила им, что они уже не мечтали ни о чем, кроме куска хлеба насущного. Даже об умерших не скорбели, чего там скорбеть, если одним едоком стало меньше.

Когда становилось совсем худо, жители обращались за помощью к живущему Пососедству владельцу Риквису. Тот всегда готов был ссудить немного провианта, в обмен на нескольких жителей. Подлежащих обмену селяне выбирали по жребию, если только Риквис сам не называл цену.

Однажды в селение пришел странный мальчонка. Высокий, не по летам крепкий, но сильно изможденный, видимо пережитыми невзгодами. Его приютил староста. Не столько из доброты, сколько из расчета, обменять в голодные времена на провизию.

Мальчонка был странный, как говорится, не от мира сего. Он постоянно докучал рассказами о звездах, о солнце, о тепле и любви. Его глупые сказки раздражали сельчан. Еще больше бесили их заявления сопливого мальчишки, что так не должно быть, что их деревня попала в какую-то беду, что ее нужно спасать.

В конце концов, жителям опостытели бредни юнца. Они собрались к дому старосты и потребовали выгнать наглого мальчишку. К их удивлению, то и сам был не против уйти. Заявив, что он уйдет для того, чтобы докопаться до причин убогой жизни деревеньки.

– Жалко мне вас убогих – заявил сопливый волчонок.

Жители давно называли этим именем мальчишку. Было удивительно, но он не обижался.

В тот раз взбешенные жители чуть не побили его камнями, но мальчишка успел сбежать. Наверное, он погиб в темном диком лесу.

Невдомек было селянам, что этот мальчик в лесу был как дома, ведь он был невром. Верный данному слову мальчишка отправился на поиски источника тьмы, окружавшей деревню.

Вскоре, у замка Риквиса стали замечать молодого волка, который, похоже, совсем недавно научился охотиться самостоятельно.

Волк наблюдал. Он видел, что в замок часто приводят понурых людей, которые потом бесследно исчезали. Он видел, как в замок приезжали гости. Красивые и статные, как и положено демонам, способным одурачить любого. Мальчик уже встречал таких в своей еще совсем короткой жизни и, к счастью для себя, научился их распознавать. Эти гости Риквиса всегда уходили в сопровождении отрядов оборотней, неведь откуда взявшихся.

Однажды, очередной гость, вышел во главе когорты млинзов – демонов-стражников. Такой же отряд уничтожил родную деревню Гургана. Тогда юный невр все сразу понял. Он стал ждать.

Наконец терпение волчонка было вознаграждено. Ему удалось подкараулить Риквиса во время редких его прогулок в окрестностях замка. Чувствующий свою безнаказанность демон был один.

Он даже слегка удивился, когда дорогу ему преградил странный, дураковатого вида мальчишка. Преградил и пригрозил. Риквис захохотал. Ему, могучему демону, грозит какой-то безоружный молокосос. Даже когда мальчишка превратился в молодого волка, которого так часто видели у замка, демон только пожал плечами и хмыкнул.

Он машинально поправил черную кольчугу, поглубже надвинул шлем, украшенный большими загнутыми рогами. Каплевидный щит он оставил за спиной, ни к чему он в этой стычке. Взмахнув двумя длинными мечами, Риквис пошел на зарвавшегося молодого невра.

Каким чудом удалось молодому, не опытному невру, впервые вступившему в бой, одолеть врага непонятно. Стянув с поверженного врага доспехи, Гурган надел их на себя. Как раз в пору. Жаль кольчуга внизу неровно оборвана. Невр осмотрел поврежденный доспех, когда он это сделал и как не помнил в пылу боя. Впрочем, так даже красивее.

Гурган взглянул на ущелье, в котором скрывалась забытая убогая деревенька. Мрак над ней начал медленно рассеиваться. Сквозь черные тучи пробился первый луч Солнца.

Деревенька больше не интересовала невра. Свое слово он сдержал. Дело сделано. Его ждал долгий путь, в который звала Великая Любовь, еще не осознанная, но уже подавшая свой голос.

В небольшом уютном домике, на окраине обширного селения, что стоит на границе леса и тучной степи, за столом собралось многочисленное счастливое семейство. Глава рода, со счастливой улыбкой, оглядел всех членов семьи и произнес.

– Сегодня мы закончили сбор урожая. Мы обеспечили себя на долгую зиму, а, буде понадобится, можем помочь не столь успешным односельчанам. И, как это заведено у нас уже несколько лет, я хочу поблагодарить того путника, что пришел мне на помощь в трудные дни, да продлят боги его жизнь и сделают ее счастливой. Об одном лишь жалею я. В пылу тех событий, не удосужился я узнать имени этого доброго человека. Что ж, дети мои, будем помнить о нем, как о добром и благородном путнике.

Атака Гризли держал путь на север. Где-то там, в одной из многочисленных деревенок жила его Леванда. Эту девушку он полюбил давно, но из-за войны, не смог открыть ей свои чувства. При их первой и единственной встрече, он даже не успел толком выяснить, где она живет.

Они встретились после окончания войны с гномами-каннибалами. Тогда еще по всей стране кишели отряды недобитых врагов, банды разбойников и мародеров. Рыцарь спешил. Но теперь Атака Гризли твердо решил разыскать девушку, во что бы, то, ни стало.

Рыцарь вышел из леса и остановился, ошеломленный увиденным. Перед ним тянулась полоска свежеспаханной земли. Пахота была в самом разгаре, храмовника поразил, точнее, возмутил, сам метод работы. Плуг, за которым шел коренастый мужичок, тянула не молодая уже женщина и трое худых, как тростинки, ребятишек, мал мала меньше.

– Эй, милейший, позволь спросить, ты чего это бесчинствуешь? Почто людей заместо скотины пользуешь, тать ты эдакий? У тебя, что волов нету? Так у людей займи!

– Не гневись. путник. У самого сердце кровью обливается, да выхода нет. В третий раз пашню подымаю. Все селяне свои поля давно возделали. Один я никак не управлюсь.

– Отчего ж так, ленив, что ли?

– Хвастать не буду, но работаю не хуже других. Да беда, вишь, со мной приключилась.

Когда пришло время, мы, как водится, всем миром поля возделали, засеяли. Все было чин по чину. Вдруг, неведь откуда, пришла беда. Прошел по полям табун диких лошадей, да такой огромный, что поля начисто затоптал. Земля тогда тверже железа стала.

Распахать то мы их распахали, да сеять нечего стало. Обратились со своей бедой к соседу, что владеет замком у подножья горы.

Атака Гризли бросил взгляд в направлении, которое указывал мужичок. На горизонте, степь упиралась в скалистые горы, но замка, естественно, видно е было, далеко. А мужичок, тем временем, продолжал.

– Тембрис, так зовут соседа, зерно дал, но с условием, что мы потом все его земли засеем. У нас выбора не было, мы согласились.

Тембрис лично привез зерно, даже пожил в деревне недолго. Да, вишь, путник, беда приключилась. Приглянулась ему моя женка. Она-то поводу ему не давала, пряталась

от него. Дак нельзя же всю жизнь в доме просидеть. Подкараулил ее злодей. Только жена у меня бойкая. Она татю этому сразу дорогу указала, и приложились нехило, чтоб легче стартовать-то было.

А на следующее утро приходим на поле, а оно снова конями потравлено. Сели мы да горюем. Тут в дом Тембрис явился, как ни в чем не бывало. Зашел, посочувствовал. Потом выгрузил во дворе зерно для сева. Мы аж рты пораскрывали от такой щедрости. Да все просто оказалось. В уплату за зерно, Тембрис забрал волов, еще, я должен ему вернуть половину урожая. А, чтоб, значит, я не обманул, он мою жену в залог взял, до осени.

Я бы воспротивился, да вон у меня едоков сколько. Жена моя сама жала согласие. Мне же сказала, чтоб я не забивал себе голову. Мол, хозяин я справный, у осени долг обязательно верну. Все, мол, хорошо будет.

Я к соседям за волами... Ан нет. Хитрый Тембрис потребовал, чтоб селяне свой долг отработали. Одному мне сказал, что прошлый долг «прощает», потому, что учел его в новом. Так-то вот...

Неожиданно рассказчик сел на землю и заплакал.

– Ты что, землю орошать решил? Я хоть и не крестьянин, и то знаю, что нечего невозделанную землю поливать. Пахать я, правда, не умею, не взыщи. Зато, как видишь, бычок здоровый, думаю, пару твоих волов заменю, а уж этих горе богатырей и подавно.

С этими словами храмовник потрепал мальчишек, держащихся за плуг, и нежным шлепком подтолкнул их к краю поля. Пожилую женщину рыцарь учтиво проводил вслед за внуками. На обратном пути Гризли рывком поставил на ноги мужичка.

– Все, хорош раскисать, за работу.

Атака Гризли потянул плуг, крестьянин надавил на лемех.

Незадолго до захода солнца, поле было вспахано и засеяно. Стужались сумерки. Возбужденный мужичок суетился вокруг рыцаря, задыхаясь от избытка чувств. Вдруг земля под ногами загудела. Из наступающей темноты на свежесезанное поле вырвались кони. Табун кругами носился по полю, утрамбовывая землю. Вся крестьянская семья одновременно рухнула на землю. Никто не издал ни звука.

Табун исчез также внезапно, как и появился. Атака Гризли огляделся по сторонам и задумчиво произнес: «Так не бывает». Он повернулся к крестьянину, на лице которого застыл немой крик отчаяния, рывком поставил его на ноги и сказал, чтобы он со своим семейством отправлялся домой.

Сам же рыцарь уселся на землю и стал ждать. Когда ночь окончательно вступила в свои права, рыцарь поднялся и огляделся вокруг. На самом краю степи, между скалой и полем, в небе отсвечивали костры далекого стойбища.

– Вот кто гонял табун – утвердительно сказал Гризли в пустоту и направился в сторону огней.

Сторожа у входа в бивак степняков слегка запаниковали. Атаку Гризли они знали, знали его репутацию беспощадного и жестокого бойца. Рыцарь без церемоний, небрежно оттолкнув направленные на него копыта стражников, вошел в шатер хана.

Разговор длился недолго. Полог шатра откинулся. Первым вышел рыцарь храма. За ним, подобострастно и угодливо улыбаясь, семенил хан. Им подали лошадей, и всадники растворились в ночи, держа путь по направлению скал на горизонте.

На горизонте забрезжил рассвет, когда к замку Тембриса приблизились два путника. Перед воротами оба спешили. Пока стража размышляла, стоит ли пускать незваных гостей в середину, оба вошли в незакрытые ворота.

Первым шел хан, натянуто улыбаясь. За ним следовал высокий, сутулый путник, еле волооча ноги. Едва переступив порог, спутник хана расправил плечи, выпрямился и вытащил из под плаща двуручный меч. Стражники узнали Везунчика Гризли. Не стоило пускать гостей в замок, но уже поздно. Гризли повернулся к страдам.

– Не стоит утруждать себя ненужными церемониями. Мой друг проводит меня к вашему хозяину – с вежливой улыбкой произнес рыцарь, слегка покачивая острием меча перед опешившей стражей. Острие меча перед глазами, видимо окончательно убедило стражников в миролюбии гостей. Они не возражали.

Тембрис, вытащенный из постели, в чем мать родила, тоже не сомневался в миролюбии гостей. Он не возражал, что его так рано разбудили, безусловно понимая срочность дел. Вежливая извиняющаяся улыбка Атаки Гризли искупала любые отступления от этикета. Эта улыбка буквально очаровывала, она убеждала лучше любых слов. Особенно, когда «игривый» рыцарь пытался взбодрить собеседника, щекоча мечом неприкрытые как обычно части тела Тембриса, которыми демон очень гордился.

– Милый Тембрис, я уже знаю, кто платит нашему общему другу за потраву полей, а потому сразу к делу. Крестьян, отбывающих у тебя повинность, немедленно отпустить домой. Не забудь заплатить им за уже сделанную работу. В селении тебя с нетерпением ожидает один мой приятель. Приведешь к нему волов, которых ты недавно одолжил. По твоей милости бедняге пришлось много работать и волноваться – уплатишь в десятикратном размере. Поле, загубленное ханом, должно быть засеяно до захода солнца. Да, чуть не забыл, жена моего приятеля считает, что злоупотребила твоим гостеприимством. Она хочет вернуться домой. Помоги ей, попасть туда как можно быстрее. Все понял?

С этими словами рыцарь-храмовник подбросил на мече, сильно съежившуюся гордость хозяина замка.

– Я все понял и сделаю в точности – речитативом отчеканил демон, слегка повизгивая, видимо от удовольствия.

Хан и радушный хозяин замка бросились выполнять поручения рыцаря.

– Да, Тембрис, чуть не забыл: когда все исполнишь, доложишь мне. Если, вдруг, забудешь, я поживу в твоём замке. Он мне нравится. И, одень хоть какие-нибудь штаны, ты же в люди выходишь.

В небольшом городишке, на побережье шел праздник. Все население собралось на большой арене, на окраине города. Начинался бой быков. Мэр городишки поднялся на трибуну.

– По традиции, перед началом игр, я хочу вспомнить, того молодого рыцаря, что избавил нас от проклятия Торбуро. Пусть жизнь его будет счастлива, а лета долгими. В знак признательности я повторю слова, которые он произнес на прощание: «Обещания нужно выполнять честно» Клянемся не нарушать его прощальных слов. Начинаем!!!

Рыцарь в чешуйчатых латах шел по пустынным улицам прибрежного городишки. Его поражала тишина, царящая в бойком, по-видимому, торговом местечке. Наконец он добрался до рыночной площади. В отличие от остальных частей города, площадь была переполнена печальными и одновременно возбужденными людьми. Шла какая-то жеребьевка, в результате которой возникали рыдания, скандалы, даже драки.

Из расспросов Муравей Разбойник узнал в чем дело. прибрежный город действительно активно торговал дарами моря. Морской промысел и торговля давали хороший доход. Жители городка жили богато, но без роскоши.

Несколько лет назад городишко заключил торговый договор с владельницей соседнего замка Торбуро. Условия договора были очень выгодными. Поначалу все шло хорошо. Городишко поставлял свежие морепродукты в замок и жители получали обещанную плату.

Но однажды случилась беда. Все заготовленные для продажи товары были уничтожены. Свидетели рассказывали о каком-то чудовище похожем на быка. Но никто им не поверил. Бедняги свихнулись от страха.

Так или иначе, а доставить товар к сроку не удалось. Торбуро была вне себя. Договор был пересмотрен. Городок потерял большую часть своих доходов. Через некоторое время история повторилась. Условия договора стали еще хуже. Когда в третий раз товары были уничтожены, стало ясно. Городок не только не получит прибыль, но окажется в убытке. На секретном совете было решено продать Торбуро залежалые товары, прикрыв их наскоро добытыми свежими. Подвох удался. Жители были довольны.

Когда вновь возникла нехватка товара, «операцию» повторили. Потом еще раз, и еще раз. Вдруг в городишке объявилась сама Торбуро. Она обвинила жителей города в мошенничестве и потребовала компенсации. Поскольку большинство продаваемых продуктов употреблялось на кормление любимого домашнего животного Торбуро, теперь его здоровье сильно подорвано.

Восстановить силы питомца Торбуро может только особая диета и режим. Жители городишки в качестве компенсации за содеянное зло обязаны обеспечить и то, и другое. С

тех пор, вот уже несколько лет, городишко обязан ежемесячно предоставлять трех юношей и трех девушек на арену, что построила Торбуро.

Она выпускала туда своего железного быка. Чудовище гонялось и убивало несчастных и пожирало. Впрочем, некоторых он по собственной прихоти пользовал по-другому. Но смерть была неминуемой. Торбуро, сидя на главной трибуне, весело наблюдала за бесчинствами своего любимца. Не меньшее удовольствие доставляло ей смотреть на ужас жителей, которых она тоже заставляла сидеть на трибунах.

Муравей Разбойник обратился к мэру городка и предложил свою помощь, при условии, что в случае благоприятного исхода все жители поклянутся выполнять одно единственное пожелание рыцаря. Опасаясь очередного обмана, мэр обратился к жителям. Поскольку выбор был невелик, все согласились.

На просторной арене, поросшей мелкой травкой все было готово к началу ужасного зрелища. Шесть жертв боязливо сгруппировались на дальнем краю. Открылись ворота, на арену выбежал огромный бык. Казалось, он был облачен в стальные доспехи. Торбуро восторженно крикнула и захлопала в ладоши, ожидая кровавого развлечения.

Но в этот раз все пошло необычно. Среди кучки жертв железного быка, демон еще раньше обратила внимание на статного красавца в просторных серебристых одеждах. Он кутался в плащ с красной подкладкой. На плаще красовался цветок. Этот красавец повел себя крайне необычно. Пока бык, набирая скорость, пересекал арену, гигант перебросил за защитный барьер всех стоящих рядом.

Торбуро поразило и то, что кто-то в смертельной опасности для себя, занялся спасением других. К тому же легкость, с которой это было проделано показывала, что парень совсем не слабак. Что ж, тем интереснее будет поединок.

Муравей Разбойник перебросил через барьер, отгораживающий трибуны последнего юношу и повернулся к быку. Тот был в нескольких шагах. Рыцарь бросился навстречу, но в самый последний момент прыгнул вперед и в сторону. Огромная стальная машина пронеслась мимо и с грохотом врезалась в барьер. От удара бык слегка опешил.

Медленно повернувшись в сторону не в меру шустрого противника, бык начал рыть землю копытом и замотал рогами. Издав протяжный рев, зверь бросился в атаку.

Муравей успел переместиться к противоположному краю арены, на ходу сдернув плащ. Тореадор начал смертельный танец. Бык атаковал и атаковал. Разбойник, размахивая плащом ловко уворачивался. Несмотря на то, что бык постоянно долбил рогами о прочные барьеры, вреда монстру это не приносило. Да и признаков усталости у него не было.

Рыцарь-хранитель прекрасно понимал, что вечно так продолжаться не может. Однажды бык может не промахнуться. Во время очередной атаки Муравей Разбойник ухватил разъяренного зверя за рога, пытаясь свалить его. С таким же успехом Муравей мог попытаться сдвинуть скалу. Мотнув рогами, бык отбросил дерзкого соперника. Тот отлетел с громкими проклятиями на большое расстояние. Успев сделать сальто,

Разбойник приземлился на ноги и, только благодаря этому увернулся от очередной атаки быка.

Бык атаковал. Муравей Разбойник неожиданно, для всех изменил тактику. Он стремительно побежал навстречу зверю. Когда рога готовы были уже пронзить наглеца, герой внезапно прыгнул. Оттолкнувшись от спины животного, как от трамплина, рыцарь сделал сальто и приземлился за противником. Бык опять врезался в барьер, и мгновение стоял слегка оглушенный. Этого оказалось достаточно, чтобы Муравей, наконец, нашел уязвимое место стального монстра.

Как хранитель и предполагал, одно единственное место не было защищено у сладострастного похотливого людоеда. Но как победить врага Разбойник еще не знал. Ловкие действия героя, сопровождающиеся акробатическими прыжками через смертельно опасный «снаряд», начали нравиться публике. Даже Торбура получала удовольствие от невиданного ранее зрелища.

Внезапно Муравей как-то сник. Он больше не совершал головокружительных прыжков, не бегал по арене в поисках выгодной позиции. Рыцарь встал напротив одного из барьеров, и, казалось, выдохся. Он стоял на месте, почти не двигаясь. Бык продолжал непрерывные атаки. Муравей по-прежнему уклонялся от острых рогов, но явно экономя силы, делая минимум движения. Он едва успевал. На его просторной одежде появились дыры в тех местах, где рога проходили слишком близко.

Как все крабианты, Муравей Разбойник умел сконцентрировать всю свою силу для одного решающего удара. Для этого нужно время и относительный покой, но враг не давал такой поблажки. Именно поэтому рыцарь и сменил тактику. Зная, что теперь риск попасть на рога значительно вырос, Тореадор сосредоточился на концентрации.

Бык атаковал от дальнего края арены. Муравей Разбойник оцепенел. Когда рога приблизились так близко, что все поняли – это конец, рыцарь уперся в них руками. Бык мотнул головой, используя полученный толчок, Тореадор прыгнул. Совершив замысловатый рондад, герой оказался позади врага, лицом к нему. Мгновение и единственное не защищенное место монстра, оказалось перед хитрым противником. Муравей резким движением нанес удар, в который вложил всю свою силу. Никогда еще не испытывал монстр такой боли. Бык взревел и рванул. Он с разбегу грохнул рогами о барьер.

Наконец-то бык не выдержал. После удара о барьер он упал. Пошатывающийся монстр медленно развернулся, чтобы броситься в очередную атаку, но внезапно рухнул на колени перед победителем. Наводящие ужас рога зарылись в землю, чуть-чуть не достигнув цели.

Трибуны ликовали. Муравей Разбойник подошел к главной трибуне и учтиво поклонился. Онемевшая Торбура ответила вежливым кивком. Одним взмахом рыцарь бросил трофей, который держал в руке. Демон машинально поймала летящий предмет и вскрикнула от неожиданности. Сломанный стальной рог едва не вонзился ей в грудь.

– Это вам на память, мадам. Сдается мне, что вы не были честны с жителями городка. Надеюсь, эта наша первая встреча станет и последней. Вы покидаете здешние места и больше никогда не вернетесь. Не советую также, попадаться на моем пути.

Поникшая Торбуро молча, удалилась, сжимая в руках прощальный «подарок» карабиата. Однорогий присмиривший бык ковылял следом, едва волоча задние ноги. Муравей Разбойник повернулся к жителям.

– Я выполнил свое обещание, господа. Пришло время и вам выполнить свое. Вы поклянетесь всегда соблюдать сами и передать своим детям одно единственное мое требование: обещания нужно выполнять честно.

В тронном зале правителя, у стены противоположной трону, стояли двое мужчин. Тот, что постарше возрастом, был верховным правителем Зина, крупнейшего на Дзаре города – Белюло Смелый. Рядом стоял его главный советник и лучший друг – Эльпелито. На стене перед ними висела картина, изображавшая сражение с гномами-каннибалами. В центре возвышалась фигура самого Белюло, руководившего сражением.

Белюло обратился к другу с грустной улыбкой.

– Славные были времена, не правда ли Эльпелито? Мы были молоды, сильны и красивы. Мы верили в счастливое будущее. Мы творили это будущее.

– Так отчего же так грустна твоя улыбка? Времена действительно были славные. А будущее... Мы же живем в этом самом будущем, что строили тогда. Веселее, владыка, вспомни, как мы с рыцарями Ордена громили тиранов по всей планете. Вспомни, как забитые, униженные сказики обрели свободу, как они стали настоящими людьми.

– Мне эта картина напоминает другое. Как после победы мы радовались, как праздновали новое время. А потом... Потом мне, «победителю», показалось, что люди недостаточно чтут мои заслуги. Я решил, что они слишком быстро забыли, ради кого я лишился глаза и правой руки. Я возомнил себя достойным вечного поклонения, как бог. А я ведь всего лишь смертный, всего лишь один из многих.

Вспомни, как я заставлял восхищаться своими подвигами. Можно было подумать, что без меня победить каннибалов не мог никто. Почему я не мог тогда жить скромно как ты или, к примеру, рыцари Ордена. Нет, гордыня довела меня до безумства. Никогда не забуду слов Аркелата, когда я окончательно рассорился с Орденом.

– Что же он сказал особенного?

– Он сказал, что я из победителя тиранов превратился в еще худшего деспота. И еще он предупредил меня, что если я не одумаюсь, то меня постигнет участь всех притеснителей.

– Не помню, когда он говорил такое.

– Конечно, это было после того, как я выгнал тебя за подобные речи. Правда ты говорил их более мягко, а не влепил, как пощечину. Мне до сих пор стыдно...

– Брось, кто старое помянет...

Эльпелито закашлялся, пытаясь проглотить окончание пословицы. Белюло засмеялся и похлопал друга по спине.

– Брось, дружище, мы же не дети. Я часто стою перед этой картиной и с благодарностью вспоминаю Мангуста. Помнишь, есть такой рыцарь в Ордене?

– Помню – Гном Небесный. Чем же он тебе так помог?

Весь город Зин роптал. Шепот возмущенных жителей на каждом углу превращался в гул. Виданное ли дело. Несколько лучших художников были заключены в башню. Их ожидала казнь за оскорбление правителя.

Дело в том, что Белюло Смелый, которого все чаще называли Тираном, правда, за глаза, объявил конкурс в честь очередного праздника победы над гномами-каннибалами. Условия конкурса были таковы: изобразить великого воина Белюло в решающем сражении за Зин. В награду, победитель получил бы великолепный изумруд. Владелец этой драгоценности получал силу вызывать демонов и управлять ими. Единственное условие, чтобы управлять демонами, необходимы были не только знания магии, но и достаточные силы.

Участвовать в конкурсе вызвались лучшие художники Зина, прибыли соискатели награды из соседних городов. Казалось бы, чего проще, нарисовать портрет правителя героически громящего когорты врагов. Первые три живописца предоставили свои полотна и ... были осуждены за оскорбление и искажение образа правителя Зина.

Дело в том, что все картины изображали героя, героически повергающего врагов, разящего копьем, умело отражающего удары щитом и в оба бдящим за перипетиями сражения.

Подвох был в том, что ко времени упомянутого сражения Белюло Смелый был уже изувечен. Одноглазый полководец, потерявший правую руку, никак не мог вести активных боевых действий.

Следующая троица соискателей также была осуждена за оскорбление и унижения образа правителя. Художники изобразили Белюло очень реалистично. Не имея возможности сражаться, смелый и, безусловно, талантливый полководец руководил своими отрядами с безопасно расположенного холма.

Белюло был взбешен уже тем, что наглецы подчеркнули его увечья, ко всему прочему героический правитель всегда находился в гуще сражения. Последняя битва не была исключением.

После всего произошедшего, желающих рискнуть свободой не оказалось. Взбешенный правитель объявил, что если к концу указанного срока, он не получит

желаемой картины, все заключенные художники будут казнены. Это заявление ни на йоту не прибавило энтузиазма жителям Зина.

В самый разгар событий на центральной площади города появился высокий мужчина, по виду художник. В глаза бросались лишь свободного покроя одежда и белобрысый ежик на голове чужеземца. Через городского глашатая пришедший объявил, что желает принять участие в конкурсе. Свою картину он выставит прямо здесь на площади. Она будет находиться для свободного обозрения до тех пор, пока правитель не даст своей оценки.

Белюло Смелый вынужден был принять наглый вызов пришельца. Мало ли что изображало полотно. Правитель явился вершить суд. Остановившись перед полотном, Белюло замер с каким-то сосредоточенно глупым выражением лица.

На полотне был изображен решающий момент сражения. Белюло помнил, как контратака каннибалов, чуть не опрокинула ряды атакующих. Он помнил, как наступило мгновение, когда судьба его армии висела на волоске. Еще мгновение и соратники бросятся в бегство...

Тогда положение спасла героическая атака рыцарей Ордена. Ценой жизни многих своих соратников, рыцари не только остановили натиск врага, но и обратили его в бегство.

Разглядывая изображение, Белюло понял, что до героической атаки союзников еще далеко. В центре картины в самой гуще событий, как всегда, находился сам Белюло. Его щит отражал удары врагов. Правитель обратил внимание, что среди множества разящей стали, изображенной вокруг него, нет ничего, что бы принадлежало герою. Собственно это была правда. В том сражении однорукий Белюло пользовался только щитом.

Он вломился в самую гущу событий, надеясь воодушевить соратников. Вломился, вопреки советам друзей и воевод. Теперь правитель Зина видел, что не только не сумел поднять боевой дух армии, а напротив, стал дополнительной обузой для измотанных солдат. С большим трудом отражая атаки каннибалов, окружающие его воины вынуждены были отвлекаться на защиту командира. И они защищали своего лидера, иногда ценой своей жизни.

Голова правителя была изображена в таком ракурсе, что был виден только его здоровый глаз. Но художнику удалось вложить в его взгляд такой страх, растерянность и отчаяние, что было непонятно, как при виде такого состояния вождя армия еще не бежит.

При беглом взгляде на полотно казалось, что Белюло Смелый героически ведет войска к победе. Опытный воин Белюло видел, что именно его присутствие в самой гуще событий, чуть не привело к поражению. Из той заварушки, в которой оказался будущий правитель Зина, он не мог эффективно руководить. А однорукий и одноглазый боец был бесполезен в бою, он был обузой для своих солдат.

Рядом с полотном появился автор. Гном Небесный подошел к правителю, учтиво поклонился и приветствовал его.

– Как видишь, великий Белюло Смелый, которого в народе называют Белюло Тиран, картина полностью соответствует твоим условиям. Я же, со своей стороны, давно хотел, чтобы ты взглянул на себя со стороны. Надеюсь, это мне удалось.

После этих слов, художник протянул руку за наградой.

– Да, Мангуст, эта картина полностью соответствует моим требованиям, и, я действительно увидел себя со стороны. Я все понял.

Отдав награду победителю, правитель повернулся к окружавшим его жителям.

– Граждане Зина! Простите меня, простите зарвавшегося самодовольного дурака, который поверил в собственные выдумки. Простите, что возомнил себя великим и всемогущим, всезнающим и непогрешимым. Каюсь в своих ошибках и грехах перед вами и перед Богом. Простите все, кого обидел в своей безумной гордыне. Простите, если можете.

Для искупления своего зла, я прошу дать мне один год власти правителя Зина, чтобы исправить все, что я наворотил. А после поступайте, как вам будет угодно. Поручкой того, что я не обману вас, жители Зина, пусть будут рыцари Ордена, который не раз приходил мне на помощь в трудную минуту, и с которым я обошелся так несправедливо.

Белюло повернулся к Гному и торжественно произнес:

– Гном Небесный, согласитесь ли вы от имени вашего Ордена, стать гарантами соблюдения прав граждан Зина?

Гном ответил утвердительно и гарантировал всем гражданам города защиту от любых несправедливостей со стороны правителя. На том и порешили. Белюло остался правителем на один год. К концу этого срока, под контролем Ордена Верных, жители избрали нового правителя города. Граждане избрали Белюло Смелого, которого иногда стали называть Кротким.

Выслушавший историю друга, Эльпилито спросил:

– А, что Гном сделал с изумрудом?

– Изумруд, он отдал своей возлюбленной. Помнишь высокую рыжеволосую красавицу, которую Мангуст обучил всем секретам своей расы. Всем, что может освоить обычный человек.

К сожалению, девушка попыталась управлять демонами с помощью подаренного ей камня, просто из любопытства. Гном предупреждал ее, что даже среди карабиантов, владеющих темной магией, немногие способны управлять демонами. Но девушка, которая благодаря Мангусту, сильно превзошла многих соплеменников, решила испытать счастье.

Ей овладели демоны. Насколько я знаю, Гном несколько раз пытался вернуть ее в мир людей, но безуспешно. Ты слышал об Арауке?

– Не только слышал, но и несколько раз едва спасся от этой бестии. Так это и есть возлюбленная Гнома? Один из самых сильных и опасных демонов – это невеста Мангуста?

Пораженный Эльпелито, казалось, проглотил язык. Белюло грустно смотрел на картину, не произнося ни слова.

Шел последний день игр. Победителям вручали призы в виде мужской фигуры в просторных одеждах, с коротко остриженными волосами, сжимающей в руке бильярдный кий.

Мэр города поздравил всех участников, поблагодарил зрителей и заключил свою речь необычными словами:

– Игры в честь неизвестного нам игрока, чье изображение имеет теперь каждый победитель, закрыты. Напоминаю всем жителям и гостям, что с этой минуты в городе запрещены все азартные игры и пари, вплоть до открытия следующего ежегодного турнира.

Мишка Ушастик, по прозвищу Размахай, медленно шел по пустынным улицам странного города. Казалось, весь город вымер. Пустые улицы и дворы наводили тоску. К тоске примешивалась тяжесть неудовлетворенного желания сыграть во что-нибудь. Мишку, слегка раздражало это невесть откуда возникшее желание.

Впрочем, Ушастик любил поиграть, иногда играл по крупному. Азартные игры приносили рыцарю удовольствие. Бывало, Размахай, использовал, мягко говоря, не совсем приличные приемы. Проще говоря – жульничал.

Но, во-первых: Мишка всегда контролировал свои игорные страсти; во-вторых: Ушастик всегда знал, во что именно ему хочется сыграть. Партнеров рыцарь всегда подбирал тщательно: профессиональных игроков, шулеров и, лишь изредка, зарвавшихся хвастунов. Играть с дилетантами было не интересно.

Сейчас же его раздражало само желание играть, во что угодно и с кем попало. Желание это возникло внезапно, как только он пересек городские ворота. Раньше Ушастик не замечал за собой ничего подобного. Сейчас же, рыцарь рыскал по улицам пустого города в поисках жертвы своего игорного мастерства.

Ноги сами несли искателя острых ощущений в центр города. Там на площади возвышался настоящий дворец азартных игр. Огромное здание венчалось башней, на которой красовался бильярдный кий.

В здании, казалось, собрался весь город. Собственно говоря, так оно и было. Ушастик с чувством облегчения вошел в заветное здание и включился в игру. Он побросал кости, сыграл несколько партий в карты, сделал пару ставок на рулетке и везде оставил изрядную сумму. Впервые в жизни ему так фатально не везло.

Играть было тяжело. Мешало сосредоточиться чрезмерное количество магии пронизывающее все здание. Несмотря на неудачи, желание играть все возрастало. Не обладая рыцарь большим опытом и силой воли, он бы давно проигрался в пух и прах.

Был момент, когда Мишка остановил себя в самый последний момент, пытаясь поставить на кон свой рыцарский шлем. Он внезапно очнулся, как из забытья и удивленно рассматривал собственный шлем, который вертел в руках. Такого с Ушастиком никогда не бывало. Внезапно вспомнив, что все карабиантские шлемы снабжены антимагической защитой, рыцарь натянул доспех на голову. Сразу стало легче.

Постепенно придя в себя, Размахай выяснил, кто отвечает за порядок в этом заведении. Игра явно велась не честно, пахло магическим шулерством. Прихватив с собой увесистый канделябр, рыцарь направился к мэру города, который и отвечал за все происходящее в городе. Возмездие шулеру должно быть традиционным, размышлял Мишка, потряхивая в руке захваченным оружием.

Мэра рыцарь нашел в ратуше, сидящим за столом и раскладывающим замысловатый и, похоже, бесконечный пасьянс. Бросив беглый взгляд на вошедшего, на канделябр в его руках, мэр грустно улыбнулся, но игры не прекратил.

– Приветствую тебя, чужестранец. Прости, что не прерываю этой дурацкой игры. Я, просто не в состоянии прервать ее. Ты первый, кто заметил неладное и, судя по предмету в твоих руках, захотел объяснений. Что ж, я расскажу все.

Наш город всегда славился игорным бизнесом. Как водится в таком деле, бывало по-всякому. Единственно, что привлекало к нам игроков со всего мира – это честная игра. Но однажды ко мне зашел посетитель по имени Швинтуч. Он испросил разрешения построить казино в центре города. Я не знал тогда, что это демон-пакостник. Поскольку все документы были оформлены как надо. Я дал разрешение.

Очень скоро, новое игорное заведение Швинтуча подмяло и разорило всех конкурентов. Я попытался воспрепятствовать монополизации азартных игр и предложил выкупить игорный дом у Швинтуча. Но тот отказался продавать выгодный бизнес. Мы долго спорили и, наконец, он предложил сыграть партию в бильярд. В случае победы, игорный дом Швинтуча переходил бы к городу. При поражении – я разрешал ему установить на башне здания кий победителя.

Я неплохо играю в бильярд, поэтому согласился. И... проиграл. Позже выяснилось, что коварный демон заколдовал этот кий так, что любой попавший в город становится самым азартным игроком. Жители и гости постоянно играют. Они забывают о еде и питье, о родных и близких, о чести и совести. Они только играют. В нашем городе проигрываются состояния. Люди ставят все, вплоть до последней рубахи. Они играют на родных и близких, они закладывают себя. При этом шанса выиграть нет ни у кого.

Лишь ратуша слегка защищена, от действия колдовства – каприз Швинтуча. Но и я не могу прервать игры, это выше моих сил. Я вижу гибель моего города, вижу страдания людей и ничего не могу сделать. Я медленно схожу с ума. Ты первый. Кто оторвался от игры и пришел сюда.

Мэр печально вздохнул и усиленно начал перемещать карты на столе. Мишка Ушастик, не сказав ни слова, поставил канделябр перед мэром. Порывшись в дорожной сумке, он достал футляр и открыл перед мэром. Увиденное, даже того заставило на пару минут прервать пасьянс. В футляре лежал бриллиант чистой воды, размером с теннисный мяч.

– Когда-то давно, еще на родине, я выиграл этот камень у нашего патриарха. Выиграл, надо сказать, не совсем честно. Свяжись с Швинтучем и сообщи, что какой-то бродяга хочет сыграть с ним партию в бильярд. Это моя ставка.

Швинтуч явился очень быстро, не столько из-за желания выиграть, сколько из любопытства, кто осмелился бросить ему вызов. Но, увидев бриллиант, на который можно купить пару королевств средних размеров, демон захотел завладеть драгоценностью.

– Я согласен сыграть одну партию, чтобы проучить тебя выскочка. Но, что я могу поставить в противовес твоей ставке?

– Я буду играть на кий победителя, что висится на башне твоего казино.

– Я согласен.

Швинтуч хлопнул в ладоши и в зал внесли бильярдный стол со всеми принадлежностями. Когда приготовления были закончены, Мишка Ушастик взял в руки канделябр и поставил его между мэром и Швинтучем. Оба опасливо взглянули на предмет на столе.

– Уважаемый мэр, прошу быть нашим арбитром – произнес Мишка – Будьте любезны, установите шары.

Право разбить пирамиду Швинтуч уступил Ушастик, как гостю города. Мишка взял в руки кий, медленно обошел вокруг стола, будто прикидывал в какую лузу послать первый шар. Тщательно натерев кий мелом, рыцарь прицелился и нанес первый удар. «Свояк» отклонился от цели и прошел мимо, лишь слегка зацепив угловой шар. Столкновение было таким слабым, что катящийся шар продолжил свой путь по почти прямой линии. Пирамида же, напротив, разлетелась так, будто Ушастик вlepил ей в лоб изо всех сил. Стало ясно, подвох в «своеке»⁴¹. Шар явно заколдован.

Тем не менее, право удара перешло к Швинтучу. Размахая же осталось наблюдать, размышляя о том, как можно исправить положение. Швинтуч демонстрировал чудеса меткости. Шары по очереди влетали в лузы. Близился разгром.

Черный рыцарь продолжал размышлять о магических свойствах «своека», машинально ведя счет своему поражению. С ним играли не честно. Что ж, с волками жить, по-волчьи быть. Когда Швинтуч загнал в лузу очередной шар, и до конца партии осталось одно попадание, Ушастик решился.

Он подошел к противнику с восхищенным выражением лица и поздравил того с великолепным ударом, протягивая руку. Швинтучу ничего не оставалось, как пожать протянутую руку. В момент рукопожатия, рыцарь применил магию, блокирующую любые

магические воздействия на некоторое время. Демон понял подвох, но было поздно. Он больше не мог управлять заколдованным шаром. Ему оставалось полагаться на удачу, всего одно попадание и победа.

Оказалось, что Швинтуч не просто плохо играет в бильярд, он – бездарь. Впечатав шар в бортик стола так, будто собирался пробить брешь, демон потерял ход. Пришла, наконец, очередь Ушастика. Управлять заколдованным шаром он не мог. Значит, придется обмануть хитрую магию. Если шар всегда отклоняется от цели, нужно его запутать. Шар придется посылать в такие цели, чтобы отклоняясь, он попадал, куда нужно Мишке. Заколдованный «свойка» ни за что не полетит в шар, идущий в лузу.

На родине Мишку Ушастика называли маэстро замысловатых траекторий. Он даже устраивал иногда целые шоу, жонглируя шарами по столу, заставляя их выписывать сложные узоры. Однажды, ему удалось, даже, скопировать подпись Верховного Магистра, прежде чем шар достиг лузы.

Мишка медленно обошел стол, прикидывая и просчитывая что-то, и ударил. Это действительно было цирковое представление. Шары закатывались в лузы от нескольких бортов, после удара третьим или четвертым шаром, прокатываясь параллельно борту задетые, казалось, случайно откатившимся шаром. Партия была выиграна.

Ушастик еще раз пожал руку демону. Магическая сила Швинтуча была заблокирована еще сильнее и, теперь, надолго. Победитель собственноручно снял кий-трофей с башни казино. Огромный бриллиант рыцарь оставил мэру, с пожеланием употребить драгоценность на помощь пострадавшим от козней Швинтуча.

Перед прощанием Мишка взял со стола канделябр, с которым пришел, и вручил проигравшему демону на память. Заколдованный шар, рыцарь забрал с собой, тоже на память. Отсалютовав мэру и демону, Ушастик вышел и, вскоре, покинул злополучный город.

Мишка Ушастик сидел за столом в трактире. Напротив него восседал широкоплечий молодой витязь с русыми волосами. Собеседник Размахая был из людей, несмотря на то, что носил герб Тигровой Лилии на доспехах. В Орден принимали всех достойных, не взирая на расу и происхождение.

Ушастик протянул витязю кий победителя, заколдованный шар и бриллиант.

– Возьми их, Ослябя, и передай мастеру Аркелату. Пусть мудрый артизан сделает из него копье. Это будет прекрасное оружие, я знаю. Копье же отдайте самому достойному рыцарю Ордена. Я думаю, Муравей Разбойник сумеет правильно употребить копье победителя, на пользу всем одаренным Великой Любовью.

Страсти, кипящие внутри молодой женщины, вдруг улеглись, ее посетило нечто. Она внезапно поняла. Выбор делать придется. От свободы выбирать невозможно

отказаться. Свобода выбора – это крест, который несут все разумные существа во вселенной. Это тяжкий крест, который тщетно пытаются взвалить на других, не понимая, что это не возможно. Потому, что, даже отказавшись выбирать, всего лишь свободно выбираешь путь бездействия и мнимой безответственности. Но отвечать за этот выбор все равно придется когда-нибудь.

Свобода выбора – это великий дар, прилагаемый к Великой Любви, но это клеймо проклятия, прилагаемое к той же, Великой Любви. Свобода выбора – единственная абсолютная обязанность любого существа, наделенного разумом и способностью осознать себя, свое Я. От этой свободы никто, нигде и никогда не сможет отказаться, как бы сильно этого не хотел.

Тигренок удивленно подняла глаза на безоблачное черное небо и, грустно улыбнувшись, что-то прошептала. Она хитро прищурила один глаз, словно давая понять Великому Демиургу, что его блистательная шутка удалась. Девушка поднялась на ноги, произнесла, на этот раз громко и внятно: «Аркелат», и направилась вслед за удаляющимися рыцарями. Впрочем, не стремясь их догнать.

На Славной забрезжила заря, приближался новый день...

В отдаленном глухом уголке Дзара, на клумбе перед небольшим домиком расцвел цветок тигровой лилии. Аркелат поднялся с кресла, чтобы получше рассмотреть только что раскрывшийся бутон...

На крыльце домика ахнул помощник мастера Ослябя и бросился к клумбе. Впервые, после ранения рыцарь-артизан Аркелат смог встать на ноги...

В начале было Слово...

Примечания

1. **Точка бифуркации** – критическое состояние системы, при котором система становится неустойчивой относительно флуктуаций и возникает неопределенность: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности. (Термин из теории самоорганизации).
2. **В начале было слово...** – цитата из Святое Евангелие от Иоанна. I, 1
3. **Карабианты** – раса, появившаяся во времена экспансии человечества в дальний космос. Состояла из воинов магов, от рождения владевших темной магией. Цивилизация неразрывно связанная с природой и зависящая от нее
4. **Невры** – древние племена, обитавшие в верховьях Днестра и Южного Буга, бассейне Припяти (VI-V вв. до н.э). Согласно Геродоту, жили к Северу от скифов-пахарей. По мифологической традиции - это потомки Адама и его первой жены Лилит, люди-волки, полудемоны.
5. **Шишак** (вероятно, от венг. sisak) — тип шлема полусферической формы с возвышением на макушке и навершием — шишечкой. Часто они были с совершенно открытым лицом, на которое иногда опускался лишь тонкий наносник. Иногда лицо закрывала личина.
6. **Миндалевидный щит** – тип щита, применявшегося в Европе в X—XIV веках. Назван так за соответствующую форму, во фронтальной проекции напоминал перевёрнутую каплю или миндаль, острой стороной был направлен вниз.

7. **Джамуры** – раса, появившаяся во времена экспансии человечества в дальний космос. Состояла из низкорослых, но очень сильных представителей. Отличалась высоким развитием техники и предпринимательства. Научились владеть светлой магией.
8. **Рыцарь-Хранитель** (род войск у карабиантов)– стражи храма, мастерски владея щитом и мечом, они способны эффективно вести бой, как в группе, так и в одиночку. Универсальные бойцы, в совершенстве владеющие приемами нападения и защиты. Они обладают способностью призывать на врагов проклятие своего бога, ослабляющее их, а затем приканчивать одним молниеносным ударом.
9. **Рыцарь-Храмовник** (род войск у карабиантов) – воины, в кровавых битвах заслужившие благословление своего бога, даровавшее им невероятную физическую мощь. Этот священный боец неудержим в атаке, и вселяет трепет в сердца врагов на поле битвы.
10. **Черный Рыцарь** (род войск у карабиантов) – несут на себе печать Темных сил благородные воины, посвятившие себя защите более слабых соплеменников. Мастерски владея щитом и мечом, они способны эффективно вести бой, как в группе, так и в одиночку. Непревзойденные мастера охраны и вызывания огня на себя. Они не только великолепные бойцы, но также способны с помощью черной магии насыпать на противника сводящие с ума видения.
11. **Барбют** – тип шлема, появившегося во второй половине XIV века. Применялся в Европе в XIV—XV веках. Форма была «заимствована» у древних коринфских шлемов. Этот шлем закрывал почти всю голову, имея на уровне лица лишь небольшой по площади Т-образный либо Y-образный вырез.
12. **Охотник Ассасин** (род войск у карабиантов) – рыцари одинаково эффективны как на дальних, так и на ближних дистанциях. Представители секретной группы профессиональных убийц в лоне церкви. Ассасины обладают непревзойденными навыками скрытности, и еще никому не удавалось выжить, если воин этой организации избрал его своей целью.
13. **Вирий** (ирий, вырий) – в восточнославянской мифологии южные края, куда птицы улетают зимой, сказочная страна. Славяне верили, что именно на этот небесный остров улетают осенью перелётные птицы. Туда же возносятся души зверей людей. Эквивалент загробного мира.
14. **Рюха** – небольшая цилиндрическая чурка для игры в городки, из которой складываются фигуры для выбивания.
15. **Меч-акинак** (akinakes) – короткий (40-60 см) железный меч, применявшийся скифами
16. **Собакоголовые** – люди, превратившиеся в оборотней в результате козней различных демонов.
17. **Млинзы** – стражи, оборотни, которые прошли специальный отбор и подготовку, гвардия армии демонов.
18. **Дхене продолжил рассказ...** – в главе использованы библейские сюжеты
19. **Безумный астероид** – специальное примечание в котором я настаиваю на сказочном сюжете истории, поэтому применение законов физики и астрономии (были случаи «научной критики») не уместны.
20. **Парсек** (сокращённо пк, pc) - распространённая в астрономии внесистемная единица измерения расстояния. Расстояние от Солнца до ближайшей звезды (Проксима Центавра) составляет примерно 1,3 парсека

21. **Сатисфакция** (от лат. *satis* — достаточно и лат. *facere* — делать, совершать) означает приблизительно удовлетворение; другая версия (от лат. *satisfactio* - удовлетворение) — удовлетворение за оскорбление чести.
22. **Мантра** (санскр. «орудие осуществления психического акта») — священный гимн в индуизме и буддизме, требующий точного воспроизведения звуков, его составляющих.
23. **Сиринга** — персонаж древнегреческой мифологии Наяда из онакринских гамадριάд. Дочь Ладона, речного бога из Аркадии. Спутница Артемиды. В неё влюбился Пан и преследовал её, поэтому она превратилась в болотный тростник. Из тростника Пан сделал себе (многоствольную) флейту, отсюда пошла традиция называть такую флейту флейтой Пана.
24. **Олимпийские боги** (олимпийцы) — в древнегреческой мифологии - боги третьего поколения (после изначальных богов и титанов - богов первого и второго поколений), высшие существа, обитавшие на горе Олимп.
25. **Титаны** — в древнегреческой мифологии боги второго поколения, дети Урана (неба) и Геи (земли). Их шесть братьев и шесть сестёр-титанид, вступивших в брак между собой и породивших новое поколение богов: Прометея, Гелиоса, муз, Лето и других.
26. **Герои** (от др.-греч. «доблестный муж, предводитель») — класс персонажей древнегреческой мифологии, дети божества или потомки божества и смертного человека.
27. **Нимфы** — духи земной поверхности, проявления природных сил, действующих помимо человека в уединении гротов, долин, лесов, вдали от культурных центров.
28. **Вакханки** («безумствующие») — в древнегреческой мифологии спутницы и почитательницы Диониса.
29. **Сатиры** — в греческой мифологии лесные божества, демоны плодородия, жизнерадостные козлоногие существа, населявшие греческие острова.
30. **...не к тому маленькому шалуну...** — здесь имеется в виду Эрот (Купидон, Амур. Эрос) - в древнегреческой мифологии - бог любви, безотлучный спутник и помощник, и сын Афродиты
31. **Шебутной** - малоупотребительное, не дающий покоя, излишне активный, пакостливый
32. **Тать** — вор, хищник, похититель, кто украл что-либо, кто крадет за обычай, склонный к сему, малоупотр. крадун. Встарь, вор значило мошенник, своровать, смошенничать, сплутовать; а тать, прямое название тайного похитителя.
33. **Сказик** — несчастный выродившийся, слабосильный и слабодушный человек, лишенный собственного мнения, чести и, возможно, совести.
34. **Небесные гномы** — не путать с одноименным рыцарем, героем сказки — это обычные гномы, которые стали кем-то вроде ангелов-хранителей.
35. **Гномы-каннибалы** — гномы, превратившиеся в диктаторов, руководящие всеми сферами жизни сказиков, для собственной пользы.
36. **Титаномахия** — война Олимпийцев с титанами за власть на Земле (греч. миф.).
37. **Семь витязей** — часто встречающиеся в различных сказках семь братьев богатырей.
38. **Музыка тела** — секс, для него любовь не обязательна.
39. **Егерь** (род войск у карабиантов) — рыцарь, умеющий обращаться с силами природы. Универсальный боец, одинаково сильный в ближнем и дальнем бою. Имеет собственного зверя-хранителя, которого вызывает на помощь.
40. **Темный Жрец** (род войск у карабиантов) — рыцарь-маг, владеющий магией большой разрушительной силы, способный перемещать соратников в любую выбранную точку, путем самопожертвования прикрывающий отступление товарищей.

41. **Артизан**(род войск у карабиантов) – рыцарь, талантливый ремесленник, доведший своё мастерство до непревзойденных вершин. Каждая созданная им вещь - произведение искусства, совершенное не только по красоте, но и по эффективности применения в бою. Артизан также незаменим в бою, он способен ремонтировать поврежденные доспехи и оружие, а также благодаря благословению богов, очень редко, воскрешать павших товарищей.
42. **«Свояк»** – непрофессиональный термин в бильярде, шар, которым разбивают пирамиду.